

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

1'2023

Казань 2023

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – ГНБУ "Академия наук Республики Татарстан"

Основан в январе 1995 г.
Выходит четыре раза в год

Журнал ориентирован на публикацию научных статей
по следующим научным направлениям:
5.6 (исторические науки), 5.9 (филология), 5.4 (социология)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора –
директор Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
академик АН РТ **И.А. Гилязов**

Редакционная коллегия:

Бальдауф Ингеборг, профессор (Берлин)
Вашари Иштван, профессор (Будапешт)
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Загидуллина Д.Ф., доктор филологических наук, профессор (Казань)
Ильдарханова Ф.А., доктор социологических наук, доцент (Казань)
Кирхнер Марк, профессор (Гиссен)
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань)
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань)
Ситдигов А.Г., доктор исторических наук, доцент (Казань)
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань)
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Шайдуллин Р.В., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Шамильоглу Юлай, профессор (Мэдисон)

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 238-35-82
E-mail: info-ite@mail.ru
(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 14.04.2023.
Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная.
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательстве «Фэн»
Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
Тел.: (843) 292-49-14

Переводчик **И. Шакиров**
Компьютерная верстка **В. Левин**

© Коллектив авторов, 2023
© Академия наук РТ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- 5 **Белов С.Г., Хамидуллин Б.Л.** Год 922-й: официальное принятие ислама волжскими болгарами и его историческое значение
- 22 **Зайнутдинов Д.Р.** Формирование антибольшевистских правовых моделей в условиях гражданской войны в России (1918–1920 годы)
- 35 **Садькова Р.Б.** Организация дошкольного образования в Арском кантоне Татарской АССР в 1919–1922 гг.
- 44 **Подольская М.А.** Организация, лечебная, учебная и научная работа Казанского клинического института – ГИДУВА в 1920–1930 гг.
- 58 **Миниханов Ф.Г.** Письма солдат с фронта как исторический источник
- 69 **Галимуллина Г.Х.** Жизнь и деятельность советского государственного и партийного деятеля, руководителя производства Григория Порфирьевича Тихонова
- 80 **Насибуллина А.Б.** Учитель учителей Ляля Исхаковна Галиева – ученый-математик и педагог
- 86 **Салахиев Р.Р.** Ханин Леонид Иванович (к 60-летию издания книги «Герои Советского Союза – сыны Татарии»)
- 92 **Ерегин О.В.** Особенности природы национального парка «Нижняя Кама» и значение его создания для сохранения ландшафтов Прикамья Республики Татарстан
- 103 **Суслов А.Ю.** Юбилей профессора В.П.Барабанова

СОЦИОЛОГИЯ

- 108 **Князьханов Б.Р.** Конфликтометрия как инструмент измерения межэтнической напряженности и конфликтов (пример применения в условиях Республики Татарстан)

CONTENTS

HISTORY

- 5 **Belov S.G., Khamidullin B.L.** Year 922: the official adoption of Islam by the Volga Bulgarians and its historical significance
- 22 **Zainutdinov D.R.** Formation of anti-bolshevik legal models in the conditions of the civil war in Russia (1918–1920)
- 35 **Sadykova R.B.** Organization of preschool education in the Arsky canton of the Tatar ASSR in 1919–1922
- 44 **Podolskaya M.A.** Organization, medical, educational and scientific work of the Kazan Clinical Institute – GIDUV in 1920–1930
- 58 **Minikhanov F.G.** Letters from the front as a historical source
- 69 **Galimullina G.Kh.** The life and work of the soviet statesman and party leader, head of production Grigory Porfirevich Tikhonov
- 80 **Nasibullina A.B.** Teacher of teachers Lyalya Iskhakovna Galieva – mathematician and teacher
- 86 **Salakhiev R.R.** Khanin Leonid Ivanovich (to the 60th anniversary of the publication of the book «Heroes of the Soviet union – the sons of Tataria»)
- 92 **Eregin O.V.** Features of the nature of the Nizhnyaya Kama National park and the importance of its creation for the preservation of the landscapes of the Kama region of the Republic of Tatarstan
- 103 **Suslov A.Yu.** Anniversary of Professor V.P.Barabanov

SOCIOLOGY

- 108 **Knyazkhanov B.R.** Conflictometry as a tool for measuring interethnic tension and conflicts (an example of application in the conditions of the Republic of Tatarstan)

ГОД 922-Й: ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА ВОЛЖСКИМИ БОЛГАРАМИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Белов С. Г.,

Хамидуллин Б. Л., кандидат исторических наук

YEAR 922: THE OFFICIAL ADOPTION OF ISLAM BY THE VOLGA BULGARIANS AND ITS HISTORICAL SIGNIFICANCE

Belov S. G., Khamidullin B. L.

В Российской Федерации ислам – вторая по численности среди верующих конфессия, объединяющая порядка 20 миллионов представителей различных народов, которые на протяжении веков играют важную созидательную роль в жизни России, вносят огромный вклад в развитие всех сфер жизни государства. Мусульмане проживают на территории России уже около 1400 лет, появившись здесь практически в первые десятилетия после возникновения самого вероучения вместе с отрядами арабов на Северном Кавказе. О начале широкого его распространения можно говорить с 730-х гг. (в 733–734 гг. в Дербенте была построена старейшая в России и на постсоветском пространстве Джума-мечеть). Однако статус государственной религии ислам впервые на территории современной России получил в 922 г. в Волжско-Камской Болгарии, став в результате одной из традиционных для народов России конфессий. Поэтому изучение этого

события имеет актуальное значение не только для истории татар и других народов – потомков волжско-камских болгар и истории современной Республики Татарстан, на землях которой находилось этнополитическое «ядро» Волжской Болгарии, но и для всех российских мусульман и истории страны в целом.

Цель работы заключается в комплексном изучении официального принятия ислама волжскими болгарами и его исторического значения, задачи – в рассмотрении предпосылок принятия ислама, хода исламизации, посольства багдадского халифа ал-Муктадира к волжским болгарам в 922 г. и его результатов, последствий официального принятия ислама волжскими болгарами для их исторической судьбы.

В работе авторы опираются на труды современных, в первую очередь, ученых, письменные, главным образом, арабо-персидские средневековые источники (многие из которых в свое время публиковал с коммента-

риями Б. Л. Хамидуллин), результаты археологических исследований, методологию на основе принципов историзма и научной объективности.

Предпосылки и начало исламизации волжских болгар

Булгарские и родственные им племена (берсилы, баранджары, сувары/савиры, эсегели и др.) переселились на Среднюю Волгу несколькими волнами, начиная с VII–VIII вв. после распада государства Великая Болгария, существовавшего в Восточном Причерноморье, Приазовье и Прикубанье, с территорий, вошедших в состав Хазарского каганата. IX–X вв. в занятом болгарами Волго-Камье характеризуются переходом от кочевого к оседло-земледельческому хозяйству. Великий Волжский торговый путь, транзитная, посредническая и собственная торговля стимулируют земледельческий и ремесленный уклады, появление городов, усиливают социальную дифференциацию, двигают внутренние социально-политические процессы, в том числе стремление к созданию единого государства (под руководством вождя Алмуша). Для окончательной консолидации племен и народов, прекращения межплеменных войн в Волжско-Камской Болгарии, как и в других аналогичных раннефеодальных государствах, возникает потребность в соответствующей идеологии – унифицированной, универсальной и интегрирующей религиозной системе, не имеющей корней в местной разноплеменной среде.

Переход к той или иной монотеистической религии носит рациональ-

ный, исторически обусловленный характер. Выбор волжскими болгарами ислама также был вызван политическими и культурно-экономическими причинами.

Очевидно, что религией ранних волжских болгар и их тюркских собратьев – соседей в Волго-Камье, как и у южных и балканских сородичей, было тенгрианство. Оно переплеталось с культами огня, солнца, воды, предков, коня и другими, со своими особенностями у разных племен. Также в раннюю религию волжских болгар глубоко проникла языческая культура народов Урала и Сибири: археологические данные показывают сложные духовные представления угро-мадьярского шаманизма, во многом ставшие родственными идеологии болгар¹.

Множественные следы язычества ранних волжских болгар обнаруживаются в археологических, письменных, этнографических, фольклорных материалах: святилищах-капищах у Билярска (Святой ключ и гора Батынгуз), елабужского «Чертова городища», деревень Балымер и Тигашево, человекоподобных амулетах, идолах, формах фигурок и голов, иногда с несколькими лицами, лазуритовых (небесно-голубого цвета) подвесках, отражающих небесную сущность Тенгри, огромном количестве предметов с солярными символами, символами огня (свастиками, ромбами, перекрестиями), изображениях «древа жизни», в почитании волжскими болгарами молний и так далее, культах воды (поклонение родникам), мертвых (поклонение могилам предков, вера в загробный

мир, куда покойных (в подавляющем большинстве – мужчин) снабжали оружием, орудиями труда, одеждой, пищей, частью коня или конской сбруей, жертвенными животными, например, собаками); общетюркском культе великана-богатыря Алып, почитании тотемных животных – первопредков и покровителей, в котором, наряду с общетюркским культом волка (встречаются статуэтки всадника на волке, клыки-амулеты), получил распространение культ барса (замки в виде барсов, фигурки барсов с всадниками, печати с их изображениями), имеющий центральноазиатские и кавказские корни (различные виды барсов обитают на Северном Кавказе и в горах Центральной Азии). По одной из версий, барс был тотемом племени барсил, в дальнейшем став общебулгарским символом-гербом².

Култ верховного божества Тенгри относился к так называемому «языческому монотеизму», что облегчало переход его последователей на новую религиозную стадию.

До переселения на Волгу часть раннебулгарской знати могла быть знакома и с христианством (считается, что христианами в VI–VII вв. были вожди причерноморских болгар Грод и даже основатель Великой Болгарии Кубрат³). Христианство активно распространялось в Хазарском каганате. В 682 г. христианские миссионеры обратили в свою веру алп-эльтебера савир⁴. В начале X в. ее приняли аланы. Христианские храмы того времени (кстати, одни из древнейших на территории России) сохранились

на землях потомков болгар – карачаевцев и балкарцев.

Однако гораздо ближе ранние волжские болгары были знакомы с исламом. Некоторые переселенцы из Хазарии на Среднюю Волгу могли быть мусульманами начиная с середины VIII в., либо даже со времени более ранней переселенческой волны. Далее ислам укоренялся в Поволжье через тесные торгово-экономические и сопутствующие им культурные связи с государствами и народами Средней Азии, уже давно ставших мусульманскими, приезжавших оттуда и живших среди волжских болгар купцов, ремесленников, а также, вероятно, проповедников-факихов, то есть знатоков фикха – шариатских правовых и нравственно-этических норм. К концу IX в., благодаря им, волжские болгары достаточно близко познакомились с исламом, осознавали его пользу для всех сфер жизни общества.

О пришествии ислама из Средней Азии (Хорезм, Маверннахр), говорит и то, что волжские болгары следовали распространившемуся там учению Абу Ханифы (?–767), отличному от мазхабов аш-Шафии и Ханбалия, утвердившихся в Багдаде. Внешне это проявлялось, в частности, в двойном провозглашении икамы (второго после азана призыва к молитве), неупоминании имени халифа в хутбе (пятничном или торжественном богослужении) и другом. Менее ортодоксальный, более толерантный ханафитский мазхаб признавал доисламские обычаи (гореф-гадат), не противоречащие исламу, проповедовал уважительное отношение

к традициям соседних народов. Он оказался более приемлем для Волжско-Камской Болгарии, чем шафиитский, который подразумевает жесткость правовых норм и меньшую толерантность к инокультурным мирам. Новое вероучение проникало в общественное сознание постепенно, наряду с восприятием шариатской правовой и обрядовой практики позволяя сохранять некоторые старинные нормы. Достаточно продолжительный период исламизации «снизу» привел к тому, что она завершилась достаточно мирно. Таким образом, проникновение ислама в Поволжье посредством экономических и культурных связей принципиально отличается от его распространения на Ближнем и Среднем Востоке после арабских завоеваний.

На среднеазиатское влияние четко указывает историческое предание, по словам арабского путешественника ал-Гарнати, зафиксированное Йакубом ибн Нугманом в «Истории Булгарии» не позднее начала XII в. По нему некий бухарский купец, также являвшийся факихом и владевший медицинскими знаниями, вылечил «царя болгар» с женой от тяжелой болезни при условии перехода того в ислам. Исполнив это, царь смог победить хазар и заключить с ними мир⁵. Данное предание возникло в близкий к принятию волжскими болгарами ислама период и отражает исторические реалии (присутствие купцов из Бухары, конфликт с хазарами).

Гораздо позднее, в XVIII в., была записана еще одна легенда, по кото-

рой распространение ислама в Волжской Болгарии якобы началось непосредственно от трех человек из числа асхабов (сахабов) – ближайших помощников пророка Мухаммада, которые пришли к легендарному волжско-болгарскому хану Айдару (каких-либо достоверных свидетельств его существования не имеется) в 631 г. Один из асхабов – Абдуррахман ибн Зубейр – вылечил дочь хана от болезни, женился на ней и основал мусульманскую династию волжско-болгарских царей. Появление такой легенды вызвано желанием удревить корни своей мусульманской веры, показать превосходство над другими народами, не претендующими на родство со сподвижниками пророка⁶. Аналогично, например, христиане ряда стран Восточной Европы считают, что первым принес учение Христа к ним никто иной как апостол Андрей (Первозванный) уже в I в. н. э.

Есть и иные предположения. Так, татарский историк и просветитель XIX в. Шигабутдин Марджани, опираясь на сочинение боснийского ученого XVII в. Али Деде, писавшего о принятии волжскими болгарами ислама при халифах-Аббасидах в I-й половине IX в., считал, что это произошло в результате похода в страну волжских болгар будущего халифа ал-Мамуна в 805 г.⁷ Однако какими-либо иными источниками этот факт пока не подтвержден.

Первые археологические следы проникновения ислама в волжско-болгарскую среду обнаруживаются в виде перстней с арабскими надписями в языческих захоронениях

Танкеевского могильника 2-й половины IX в.⁸ А погребения в нем в «канонической» мусульманской позе говорят о начале смены язычества и активном распространении ислама среди волжских болгар не позднее конца IX в.⁹

Начиная с этого же времени арабские источники (Ибн Русте) отмечают, что царь Алмуш (он сам говорил, что являлся новообращенным и сначала был неверным, также как его отец) и большинство волжских болгар (но не все) являлись мусульманами, носили исламскую одежду, имели мечети и начальные училища, мусульманские кладбища, муэдзинов и имамов. Сохранявшие же язычество должны были повергаться ниц перед мусульманами¹⁰. Это ясно намекает, что ислам сначала распространялся среди знати. Уже в 903–908 гг. Алмуш чеканил монеты со своим мусульманским именем Джагфар ибн Абдаллах, с именами халифа ал-Муктафи и саманидского эмира Исмаила ибн Ахмета¹¹. Мусульманами были дети Алмуша, а нежелание отдавать своих дочерей за хазарского кагана он мотивировал тем, что тот являлся иудеем. В ставке Алмуша велись регулярные службы (читалась хутба с минбара, провозглашался азан), были хатибы, муэдзины; за правильностью мусульманского погребального обряда следила некая женщина-хорезмийка. Мусульманами было племя баранджар, имевшее свою деревянную мечеть (но при этом они не умели «правильно» молиться)¹². Возможно, они приняли ислам уже до переселения с Северного Кавказа на Вол-

гу. Таким образом, ислам к началу X в. уже прочно укоренился среди волжских болгар и народов волжско-болгарского круга в Среднем Поволжье.

В то же время арабам в Волжско-Камской Болгарии резко бросались в глаза пережитки языческого мировоззрения, черты первобытного образа жизни, не соответствующие шариату: Алмуш пил хмельной напиток из меда, одновременно произнося хвалу именем Аллаха; волжские болгары были подвержены различным суевериям; женщины и мужчины совершали совместные купания; мальчики воспитывались дедом, а не отцом; имущество умершего прежде сыновей наследовали его братья; элементы погребального обряда и поминовений имели языческие черты и т. д.¹³

Наряду с достижением государственного единства и преодолением этнополитической разобщенности, политической задачей, которую стремился решить Алмуш, была независимость от Хазарского каганата, высшая знать которого приняла иудаизм. Когда отношения между Алмушем и хазарами в нач. X в. обострились, логичным стало обращение за помощью и поддержкой, во многом моральной, к основному противнику хазар – арабам в лице Багдадского (Аббасидского) халифата. Алмуш выбрал халифа как могущественного союзника-покровителя в борьбе с хазарами, а не правителя Хорезма (хорезмшаха) или саманидского эмира в Бухаре, поскольку те поддерживали с Хазарией партнерские отношения.

Посольство багдадского халифа ал-Муктадира к волжским болгарам в 922 г. и его итоги

В 920 г. Алмуш отправил ко двору ал-Муктадира посольство во главе с Абдаллахом ибн Башту ал-Хазар, который был мусульманином, бежавшим из Хазарского каганата. Также в посольство мог входить сын Алмуша ал-Хасан, после Багдада отправившийся в хадж в Мекку¹⁴. Весной 921 г. посольство прибыло в Багдад. Алмуш был хорошо осведомлен о ситуации при дворе халифа и имел здесь определенное лобби в лице гуляма, т.е. гвардейца-телохранителя халифа из бывших рабов, Тегина ат-Турки, ранее бывшего кузнецом в Хорезме и у «царя булгар»¹⁵. При его посредничестве Ибн Башту передал халифу письмо Алмуша с просьбой о присылке мусульманских проповедников, помощи в строительстве мечети и установлении законов ислама, а также финансовой помощи в сооружении крепости, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников» и защититься от «поработивших его иудеев»¹⁶.

В ответ халиф ал-Муктадир направил свое посольство, чтобы заключить союз против Хазарского каганата с Алмушем, укрепить авторитет халифа, распространить ислам и включить Волжско-Камскую Болгарию в орбиту влияния Багдадского халифата. Посольство должно было доставить Алмушу послание халифа, подарки ему, его жене, сыновьям, братьям, представителям высшей знати (одежды, жемчуга, благовония, лекарственные снадобья), людей, обучающих основам ислама, и стро-

ителей – специалистов в возведении мечетей. Миссию номинально возглавил высокопоставленный чиновник канцелярии халифа Сусан ар-Расси, функции секретаря выполнял Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад, чей развернутый и подробный отчет о посольстве стал и остается главнейшим и ценнейшим источником по истории волжских болгар и соседних с ними народов того периода. Посольство сопровождали уже упоминавшийся Текин ат-Тюрки и еще один гулям – Барыс ал-Саклаби (возможно, родом волжский болгар или барсил), возвращавшийся домой Башту ал-Хазар, охрана, слуги, а также факихи и муаллимы – знатоки и учителя мусульманского права и основ вероучения.

Посольство выехало из Багдада 21 июня 921 г. Примкнув к купеческим караванам, со многими опасностями и перипетиями, в обход Хазарского каганата через Северный Иран и Туркменистан оно прибыло в столицу государства Саманидов Бухару. Здесь оно должно было получить у эмира Наср ибн Ахмеда за выморочное поместье халифа солидную сумму в 4 тысячи золотых динаров (1 динар оценивался в 20 серебряных дирхемов) для Алмуша и выплаты жалования членам посольства. Но эмир не дал денег, поставив дипломатическое мероприятие под угрозу полного провала, так как из-за этого от посольства постепенно откололось большинство арабов, включая всех вероучителей, богословов и законоведов. Только Ибн Фадлан, фактически ставший главой делегации, поддержавшие его

Текин ат-Тюрки и Барс ал-Саклаби твердо стремились довести миссию до конца. Осенью 921 г. поредевшее посольство, плывя вниз по Амударье, достигло Хорезма. Хорезмшах Мухаммад ибн Ирак в своей столице Кясе приветливо принял посольство, но пытался не пустить его дальше на север, поскольку был недоволен обращением правителя волжских болгар к халифу, а не к эмиру Хорасана (Восточного Ирана и части Средней Азии). По его мнению, именно этому эмиру гораздо разумнее было бы взять на себя распространение ислама среди северных народов, как более близких к нему, чем к халифу в Багдаде. Такая позиция хорезмшаха еще раз убедительно показывает тесные религиозные связи и среднеазиатские корни поволжского ислама.

Перезимовав в г. Гургандж (Старый Ургенч), в марте 922 г. посольство вместе с купеческим караваном двинулось по степному караванному пути через Южное Приаралье, плато Устюрт между Аральским и Каспийским морями, заволжские степи, по которому велась основная торговля с Поволжьем. Побывав в землях тюркских племен огузов, печенегов, башкир, с вождями которых Ибн Фадлан также пытался установить дипломатические связи и распространить среди них ислам, пересекая реки Урал, Самара, Кинель, Сок, Кундурча, Большой Черемшан, 12 мая 922 г. (12 мухаррама 301 г. х.) посольство прибыло в ставку Алмуша. Торжественная церемония оказанной встречи сначала четырьмя маликами/«царями», подвластными Алмушу, его братьями, сыновьями,

а затем и самим эльтебером подчеркивала важное значение, придаваемое миссии багдадского халифа.

Через несколько дней состоялось событие, которое принято считать ознаменованием утверждения ислама в качестве официальной религии Волжской Болгарии (в 2010 г. законом Республики Татарстан государственную памятную дату – «День официального принятия ислама Волжской Булгарией» – было установлено отмечать 21 мая). В своей ставке, в 5 км от Волги – у трех озер в месте под названием Хеллече (предположительно, это район современного с. Три Озера в Спасском районе Татарстана, а «хеллече» можно перевести как «зимовье»/«зимовка»¹⁷, то есть в данном случае – место пребывания Алмуша в холодное время года), Алмуш собрал большой курултай из подвластной ему знати: «царей»/«маликов», предводителей и представителей разных племен страны.

После восхода солнца послы халифа развернули торжественные стяги, оседлали коня присланным в подарок Алмушу драгоценным седлом (символ власти), облачили его самого в специальное торжественное черное одеяние аббасидских вельмож «савад» и тюрбан. Процедурой руководил посол Сусан ар-Расси. Затем Алмуш и все присутствующие поднялись на ноги, и Ибн Фадлан зачитал пространное послание халифа ал-Муктадира. Когда чтение было закончено, раздался возглас «Аллах велик!», настолько многоголосый и громкий, что от него «содрогнулась

земля»¹⁸. Завершилось все мероприятие пиром по болгарским традициям в огромной юрте Алмуша (сидевшем на троне, покрытом византийской парчой), с участием послов, «царей» и его сыновей. После этого Алмуш-Джафар признал над собою «верховную власть повелителя правоверных» и стал официально именовать себя «рабом Аллаха, повелителем болгар, клиентом повелителя правоверных»¹⁹.

В последующие дни Ибн Фадлан вел активную религиозно-просветительскую деятельность: наставлял Алмуша и местных священнослужителей в вопросах веры и обрядов, в частности, указал на необходимость замены двойной икамы на одну, обратил в ислам семью язычников и т. д.

В конце июня – начале июля 922 г. произошел эпизод, трактуемый как завершение официальной исламизации болгарских племен. Алмуш на 2 месяца перенес свою ставку с Хеллече севернее – на р. Джаушир (скорее всего, современный Малый Черемшан). Он потребовал, чтобы сюда же перекочевали сувары и эсегели, чтобы, по-видимому, произвести окончательное всенародное принятие ислама²⁰. При этом не упоминаются баранджары и барсилы, поскольку либо они уже были мусульманами, либо сразу добровольно согласились на перекочевку.

Однако отказ подчиняться приказу Алмуша выразили сувары (не исключено, что их выступление было инспирировано хазарами²¹). После того, как Алмуш пригрозил ослушникам «карой мечом», они

раскололись: часть во главе с вождем Вырыгом так и не подчинилась Алмушу, другая часть из-за страха покорилась и вместе с эсегелями прибыла к Алмушу. В дальнейшем, вероятно, отказавшиеся подчиниться эмиру Алмушу и принять ислам сувары переселились на правый берег Волги, где сохранили язычество, а оставшиеся – составили основу Суварского эмирата и со временем полностью слились с болгарями.

Таким образом, значительная часть болгарского населения, в основном знати, уже была мусульманами к 922 г., большая часть приняла ислам добровольно, третья – под угрозой смерти, часть же вообще отказалась его принимать, предпочтя переселиться на запад. Таков был основной итог конфессионального реформаторства Алмуша, связанного с посольством Ибн Фадлана. Особо отметим, что 922 г. стал не началом, а этапом принятия ислама в Волжско-Камской Болгарии, придания ему статуса официальной, государственной религии. К этому времени ислам уже пустил глубокие корни в среде местного населения, а большая часть государственной элиты была заинтересована в новой религии, как в объединяющем факторе.

В то же время отсутствие реальной материальной помощи, неприезд строителей крепости и мечети, учителей религии привели к резким противоречиям между Алмушем и багдадскими послами. В результате конфликта он приказал вновь удвоить икаму, тем самым отказавшись принять официальные шафиитский или ханбалитский мазхабы Багдад-

ского халифата, оставшись сторонником ханафизма. При этом Алмуш учитывал и мнение жителей своей страны, среди которых последний уже глубоко укоренился.

Прибытие багдадского посольства обострило болгаро-хазарские отношения – недовольный каган стал угрожать Алмушу войной, возможно, даже предпринял какую-то военную экспедицию. Как раз во время нахождения посольства Ибн Фадлана в Волжской Болгарии он приказал разрушить минарет и казнить муэдзинов в своей столице, мотивируя это ответом на разрушение синагоги где-то в Иране. Вряд ли это совпало случайно. Алмуш же, не получив реальной поддержки от багдадского халифа, уже не стремился к обострению противостояния с каганатом. Поэтому осенью 922 г. посольство покинуло Волжскую Болгарию и весной 923 г. вернулось в Багдад.

Несмотря на частичный провал миссии под руководством Ибн Фадлана, ее значение было огромно. Главным результатом миссии явилось окончательное признание в Волжской Болгарии ислама доминирующей государственной религией, что, естественно, дало мощный импульс его дальнейшему распространению.

Влияние официального принятия ислама на историю волжских болгар (булгар) и народов Поволжья и Прикамья

Анализ местных некрополей показывает, что мусульманская погребальная обрядность в центре страны полностью побеждает в 1-й половине X в., а в отдаленных регионах – во

2-й половине X – начале XI в.²² Прежде чем стать религией большинства населения, ислам оставался религией аристократии. Исламизация болгар продолжалась несколько поколений (фактически более полувека), о чем свидетельствуют смешанные семейные захоронения с языческим и мусульманским обрядами на Танкеевском и других могильниках²³.

В XI в. погребальный обряд по строгим мусульманским канонам утвердился повсеместно. На территории Волжской Болгарии не известно ни одного языческого могильника XI и последующих веков при множестве мусульманских городских и сельских кладбищ²⁴. Другим доказательством всеобщей мусульманизации болгар является практически полное отсутствие в остеологическом материале поселений костей запретной для мусульман свиньи.

Официальное принятие ислама не привело к полному исчезновению прошлых традиций. Наложившись на местные религиозные представления, он вытеснил элементы языческих тюркских культов, доисламские представления в сферу народных суеверий, где осталось место разнообразным сверхъестественным существам, духам, колдунам и так далее. Это породило выраженную мистическую сущность поволжского ислама, сохранявшуюся, несмотря на борьбу с ним официального духовенства²⁵.

В вопросе о сохранении остатков язычества у болгар в научной среде продолжается дискуссия. Их примером может служить, в частности, могильник Кожаевского ар-

хеологического комплекса в 40 км к северо-востоку от г. Болгар, датируемый XI–XIV вв., при раскопках которого были обнаружены амулеты и захоронения по мусульманскому обряду, но с языческими элементами (жертвенные ямы, поминальные костры над могилами и так далее). Эта дискуссия связана и с вопросом о религии сувар – предков чувашей, до Нового времени остававшихся язычниками, а также народов финно-угорской периферии Волжской Болгарии. Однако мы считаем встречающееся мнение о «двоеверии» и «полуязычестве» в Волжской Болгарии явным преувеличением. Тем более не имеет под собой какой-либо реальной основы отдаление массовой исламизации волжских болгар (булгар) до времен Золотой Орды либо даже Казанского ханства.

Наряду с религиозным официальное принятие ислама вызвало грандиозные внутри- и внешнеполитические последствия. Алмуш упрочил свою власть через дополнительную «божественную» легитимность: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я – раб Аллаха, и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом»²⁶. Его тюркский титул «эльтебер», означавший зависимого от кагана правителя, заменяется арабским «эмир» – то есть повелитель, стоящий на следующей ступени после халифа.

Однако сувары отказались принимать ислам по его приказу; часть из них, скорее всего, осталась язычни-

ками. Но позднее возник Суварский эмират с мусульманскими правителями. Это говорит о том, что, возможно, сувары не хотели принимать ислам именно по велению Алмуша, чтобы сделать это самостоятельно. Нумизматика свидетельствует, что в 930–940-е гг., после смерти сына и наследника Алмуша Микаила ибн Джафара, Волжская Болгария распалась на два государственных образования с чеканкой собственных монет и своей административной структурой: Болгарский и Суварский эмираты (по монетам выделяется суварская династия Ахмедидов (сыновей Ахмеда ибн Джафара и внуков Алмуша) 948–976 гг.: Талиб ибн Ахмад, Мумин ибн Ахмад, возможно – Наср ибн Ахмад). Вскоре самостоятельность Суварского эмирата была ликвидирована. Эмир Мумин ибн Хасан с 976 г. стал чеканить монеты исключительно в Болгаре, а значит Болгарский и Суварский эмираты объединились. Сувар, вероятно, остался вилайетом – административно-территориальной единицей.

Принятие ислама способствовало достижению независимости от Хазарского каганата. С остатками номинальной зависимости было покончено в 965 г., когда войска древнерусского князя Святослава разгромили хазар и столицу Хазарского каганата, что в итоге привело к его агонии и краху в конце X в. В итоге Волжская Болгария окончательно превратилась в единое и независимое государство.

Таким образом, официальное принятие ислама укрепило центральную власть и общегосударственные

властные институты, помогло окончательно преодолеть разобщенность племен и завершить политическую консолидацию. Созданная эффективная военно-административная система позволила болгарам выдержать напор укрепляющегося Древнерусского государства, заключив равноправный договор о мире с киевским князем Владимиром в 985 г., противостоять русским походам XII–XIII вв. Борясь за сферы влияния в Среднем Поволжье, Поочье, Верхнем Прикамье и Вятке болгары в XI–XIII вв. сами совершали нападения на русские города Муром, Суздаль, Ярославль, Устюг. В XI–XII вв. они отразили ряд набегов кочевых кыпчаков и йемеков из южноуральских и заволжских степей.

Живя на краю ойкумены в окружении немусульманских народов, болгары стали воспринимать себя форпостом исламского мира, защитниками «стен Искандера Зу-л-Карнайна», ограждающей мусульманский мир от страшных варварских народов Йаджудж и Маджудж на границе «Моря Мраков». Булгарский мессианизм проявлялся, например, в посылке проповедников от них к князю Владимиру, выбиравшему религию для Руси в 988 г., в том, что в 1043 г. под влиянием болгар приняла ислам часть кыпчаков.

Усилившееся Волжско-Булгарское (Булгарское) государство стало вести внешнюю экспансию, войны и походы на соседей под лозунгом борьбы за ислам, обосновывая их как «джихад/священную войну» с «неверными»²⁷. Примерно в конце X века болгары побеждают и под-

чиняют буртас в Посурье, в ходе периодических войн и походов обращают в вассалов и данников древнемарийские, мордовские и пермские племена, далекие северные финно-угорские народы вису (весь, вепсы) и йура (югра, угра). Волжская Болгария, став единой, расширила свою территорию и превратилась в одно из крупнейших средневековых государств Восточной Европы. Ее пространство, достаточно четко определяемое данными письменных источников и картографированием около 180 городищ, 800 селищ, сотен местонахождений и могильников, охватывало Среднее Поволжье и Приуралье в пределах современной Республики Татарстан, восточной и юго-восточной части Чувашии, Пензенской, Ульяновской и Самарской областей: от р. Казанка на севере до Самарской Луки на юге, от р. Сура на западе до низовий рек Белая и Урал на востоке. Поселения-фактории со значительным болгарским присутствием (в том числе с преобладающим) обнаружены на финно-угорских землях в Мордовии и Пермском крае²⁸. А данные ал-Гарнати о колониях выходцев из Болгара и Суvara в городах Итиль и Саксин²⁹ и археологические данные локализуют еще один большой анклав болгарского населения на Нижней Волге (современная Астраханская область).

Обмен посольствами между Волжской Болгарией и Багдадским халифатом в 920–922 гг. расширил исламскую ойкумену далеко на север, открыв для нее новую огромную страну. О вхождении волжских болгар (булгар) в единую общность

мусульманских народов свидетельствует то, что в 1024/1025 г. болгарский эмир Абу Исхак Ибрагим ибн Мухаммад послал деньги и подарки правителю Хорасана (Восточный Иран) на строительство мечетей в городах Себзевар и Хосровджерд³⁰. При этом сохраняя традиционную ориентацию на Среднюю Азию, со временем болгары преодолели изолированность и стали читать хутбу, произнося имя халифа.

Пожалуй, самое большое значение официального принятия ислама заключается в появлении в Волжской Болгарии материальной и духовной культур в современном их понимании. В материальной культуре наиболее ярким проявлением стало возникновение городов и развитие традиций восточного градостроительства и монументальной архитектуры. Первый, согласно археологическим исследованиям, в Волжской Болгарии г. Биляр (Болгар, Великий город) с мощными укреплениями возник не позднее 1-й четверти X в. на р. Малый Черемшан, возможно в том самом месте, где Алмуш собирал свои племена летом 922 г. По сути, город возник вокруг Соборной мечети, остатки которой огромной площадью около 2,5 тыс. м² сохранились. Сначала после 922 г. здесь была построена деревянная мечеть размером примерно 45 на 30 м с архитектурно-пространственной структурой образца арабских многоколонных мечетей. В середине X в. к ней пристроили каменную мечеть длиной 40 и шириной 30 м, используя формы и конструктивные приемы ближневосточных и среднеазиатских

каменных сооружений. Эта мечеть – самое раннее известное каменное строение в Волго-Камье³¹. Не позже 930-х гг. возник г. Сувар, и его центром также была Соборная мечеть.

Булгарское монументальное зодчество складывалось в X–XI вв. под сильным влиянием традиций архитектуры Ближнего Востока и Средней Азии, при непосредственном участии приезжавших отсюда мастеров³². Об этом и о высоком для того времени техническом уровне монументального строительства говорят типичные черты мусульманской городской архитектуры в Волжской Болгарии – крупномерный кирпич, использование глиняных, известковых и алебастровых растворов, лаконичные, практически не декорированные фасады и интерьеры, возведение каменных и кирпичных общественных зданий восточного типа: мечетей, мавзолеев, караван-сараев, общественных бань-хаммамов, элементы благоустройства, водоснабжения, водоотведения и подпольного отопления системой керамических труб и т. д.

Биляр и Сувар стали первыми городами Волжской Болгарии. Всего же в домонгольский период в ней возникло до 35 городских поселений³³. Волжская Болгария превратилась в «страну городов» с соответствующей высокоразвитой городской культурой, множеством разнообразных ремесел, декоративно-прикладным изобразительным искусством, которые также быстро перенимались от специалистов из Средней Азии и других мусульманских стран. В городах вырабатывалось наддиа-

лектное койне (на основе различных местных племенных диалектов языка кыпчако-огузского типа) – прообраз общебулгарского языка, на его основе под влиянием среднеазиатских (карханидских) традиций зародился болгарский литературный язык.

Мощный толчок развитию духовной культуры Волжско-Камской Болгарии дал переход на письменность на основе арабского алфавита (известно, что до него и даже параллельно с ним вплоть до XII в. болгары знали и использовали древнетюркские руны, обнаруженные на оружии, серебряной и глиняной посуде, каменных плитках, пряслицах). На базе арабской письменности складывается система просвещения, включая низшие школы, где учили писать и читать. Образование распространяется среди широких масс болгар: ремесленники писали на своих изделиях имена, пожелания, религиозные изречения, суры из Корана. В медресе крупных городов готовили муддарисов, имамов, шариатских судей-кади, кроме религии давали и светские знания по математике, географии, истории, астрономии.

Изучение арабского языка и фарси – международных языков средневековой культуры – дало возможность болгарам познакомиться с достижениями высокой арабской, персидской, тюркской среднеазиатской литературы и науки, благодаря чему в Волжской Болгарии получили широкое распространение научно-философские и литературно-художественные идеи Востока. Принятие ислама ввело Волжскую Болгарию в круг сплошного исламского ци-

визационного пространства, где происходило свободное перемещение ученых, деятелей культуры. Это позволило уроженцам Волжской Болгарии получать высшее образование в Самарканде, Бухаре, Нишапуре, Балхе, Мерве, Газне, Мосуле, Багдаде, после чего они оставались на Востоке либо возвращались на родину (со временем медресе в самой столице Волжской Болгарии превратилось в один из научно-образовательных центров; известно о выходе из Ирака, после обучения в Болгаре жившем и трудившемся в Анатолии и Сирии). Вернувшись домой, болгарские ученые писали научные труды по образцам своих учителей, комментировали их труды, продвигали их идеи. Начиная со 2-й половины X в., мыслители болгарского происхождения с нисбами ал-Булгари и ас-Суvari сами создали ряд трудов на арабском языке по богословию, логике, философии, медицине, фармакологии, юриспруденции, истории, ставших широко известными в мусульманских странах³⁴.

Среди них – живший на территории нынешнего Афганистана во 2-й половине X – начале XI вв. легендарный Ходжа Ахмад ал-Булгари, шейх, лекарь, факих, знаток шариата, автор сочинений по мусульманскому праву, учитель Махмуда Газневи – падишаха государства Газневидов, включавшего земли Афганистана, части Ирана, Индии и Средней Азии; Йакуб ибн Нугман (2-я половина XI – 1-я половина XII вв.) – ученик и последователь известного мусульманского богослова-шафия

ал-Джувейни, преподававшего в медресе «Низамия» г. Нишапур в Хорасане, кади (шариатский судья) г. Болгара, суфий, автор либо переписчик сочинения «Таварих-и Булгария» («История Булгарии»); его современник, другой кади Болгара Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Булгари, который также получив образование у ученых городов Нишапур, Бухара и Насаф, затем преподавал хадисы (предания о пророке Мухаммаде) в их интерпретации своим ученикам, придерживался центральноазиатского суфийского тариката Ахмада Ясави, считался «шейхом имамов», написал ряд религиозно-дидактических и философских работ, трудов по медицине, в которых, в частности, уже содержатся представления об основах эмбриологии – возникновении и развитии зародыша человека в чреве матери; один из его учеников, шейх Сулейман ибн Дауд ас-Саксини ас-Сувари, в свою очередь, подробно изложил взгляды учителя и свои в дидактическо-художественных произведениях, цитировавшихся многими учеными и богословами вплоть до XX в. и хранящихся, в том числе, в Стамбуле.

В XII в. в Болгаре жил получивший на Востоке образование ученый-энциклопедист, богослов, ритор и медик шейх Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Йусуф ал-Булгари, написавший трактаты по медицине, риторике и диалектике, ставшие популярными во многих мусульманских странах. В начале XIII в. в г. Мосул (ныне в Ираке) жили братья Тадж ад-дин и Хасан ибн Йунус ал-Булгари. Тадж ад-дин в своем трактате

«Ат-тирйак ал-кабир» («Большой тирйак»), или «Большое противоядие») изложил рецепт приготовления универсального сложносоставного лекарства «тирйак» с рекомендациями по его применению, этот трактат переписал его брат Хасан. Другие его труды были посвящены простым лекарствам и вызвали большой интерес и споры у специалистов того времени. Тадж ад-дина называли «любимцем царей и султанов», что говорит о его принадлежности к элитарному кругу врачей при дворе халифов. Сегодня его труды хранятся в библиотеке Иранского меджлиса вместе с трудами Абу Али ибн Сины и других выдающихся медиков, а также в г. Маниса в Турции.

Своеобразным итогом развития мусульманской культуры в эпоху Волжской Болгарии можно считать гениальную поэму «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») Кул Гали по классическому сюжету из Ветхого Завета и Корана, законченную в 1223 г. Это одно из первых мусульманских сочинений на тюркском языке и первое поэтическое сочинение тюрков Восточной Европы, великий памятник средневековой тюркской литературы, ставший высочайшим достижением письменности Волжской Болгарии. В нем автор удачно соединил древнетюркское фольклорно-эпическое наследие и богатую литературную традицию арабско-персидских поэтов и богословов. В дальнейшем «Кысса-и Йусуф» получила широкое распространение в рукописных списках, подражаниях, устных пересказах, став частью фольклора; сыграла ог-

ромную роль в формировании литературного языка и литературы, духовно-этических основ многих тюркских народов.

Заключение. Итак, в Волжско-Камской Болгарии под влиянием мусульманского мира складывается передовая для своего времени культура. Волжская Болгария становится страной «классического» ислама, в которой жили и творили многие видные ученые, богословы, поэты.

Принятие ислама населением Среднего Поволжья в 922 г. стало итогом многовекового исторического пути, пройденного протобулгарами и булгарами до достижения ими определенного политического, социально-экономического и культурного уровня, символизировало собой не просто переход от близкого к монотеизму тенгрианства, к единобожию, но и в целом качественное преобразование общества из «варварства» в цивилизацию.

Цивилизацию от «варварства» отличают развитие земледелия и ремесел, торговли и денежного обращения, классового общества, государства, городов как центров экономической и культурной жизни, появление письменности, разделение умственного и физического труда. Все эти признаки отчетливо можно увидеть в Волжско-Камской Болгарии после принятия ислама. Она обладала огромной территорией, развитым государственным аппаратом, военной мощью, широким международным признанием, многоукладной экономикой, богатой культурой. Высокий уровень разви-

тия единого комплекса уникальных политических, хозяйственных, культурных, социальных институтов также позволяет говорить о зарождении и продолжительном существовании особой «булгарской цивилизации» как локализованной и устойчивой во времени и пространстве целостной общественной системы. Таким образом, именно принятие ислама привело к возникновению «булгарской цивилизации» как неотъемлемой составной части средневековой мусульманской цивилизации, с одной стороны, и зарождающейся евразийской мегацивилизации с другой. Волжско-Камская Болгария стала своеобразным «мостом» между ними, она сыграла, безусловно, огромную цивилизующую роль для всех вошедших в нее племен и народов.

Для тюркских народов Поволжья, Прикамья и Приуралья булгарское время стало периодом их становления, поскольку среди важнейших элементов булгарского наследия – широкая исламизация, булгарский литературный язык, ставший основой при формировании других современных литературных тюркских языков, литература, предопределившая развитие тюркских литератур, искусство, новый уровень развития государственности и многое-многое другое. В силу всего вышеперечисленного значение принятия ислама Волжско-Камской Болгарией (Булгарией) далеко выходит за пределы ее хронологических и географических рамок.

Сведения об авторах: Белов Сергей Геннадьевич, старший научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «КазНЦ РАН», e-mail: sgb-79@mail.ru; Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: bulat.antat@mail.ru.

Аннотация. В 922 г. ислам в Волжской Болгарии впервые на территории современной России получил статус официальной государственной религии, что предопределило цивилизационный выбор для целого ряда народов страны, сделало его одной из традиционных для народов России конфессий. Несмотря на то, что в научной историографии тема принятия ислама волжско-камскими болгарами неоднократно поднималась, комплексное изучение его исторических предпосылок, причин выбора, хода и цивилизационных итогов во многом осуществляется впервые и носит актуальный характер. Авторами на основе систематизации известных в научной литературе знаний по данной тематике, использования трудов современных, в первую очередь, ученых, письменных источников (многие из которых в свое время публиковал с комментариями Б. Л. Хамидуллин) и археологических материалов, на принципах и методах историзма и научной объективности пошагово показано, как происходили выбор и принятие ислама, осуществлялось его влияние на волжско-болгарский социум. Авторы приходят к выводам о том, что выбор и принятие ислама волжскими болгарами носили исторически обусловленный, объективный и рациональный характер, события 922 г. стали не началом, а итогом предшествующей исламизации, что она привела к складыванию волжско-болгарской (болгарской) цивилизации – с одной стороны уникальной, с другой – являющейся частью универсальной общемусульманской средневековой цивилизации.

Ключевые слова: ислам, Волжско-Камская Болгария, 922 год, волжско-болгарская (болгарская) цивилизация.

Abstract. In 922, Islam in the Volga Bulgaria for the first time in the territory of modern Russia received the status of an official state religion, which predetermined the civilizational choice for a number of peoples of the country, made it one of the traditional denominations for the peoples of Russia. Despite the fact that in scientific historiography the topic of the adoption of Islam by the Bulgars has repeatedly been raised, a comprehensive study of its historical prerequisites, the reasons for the choice, course and civilizational results is largely carried out for the first time and is relevant. The authors based on the systematization of knowledge known in scientific literature on this topic, the use of works of modern, primarily scientists, written sources (many of which at one time published with comments by B. L. Khamidullin) and archaeological materials, on the principles and methods of historicism and scientific objectivity step by step shown how the choice and adoption of Islam took place, its influence on the Bulgarian society was carried out. The authors conclude that the choice and acceptance of Islam by the Bulgars were historically conditioned, objective and rational, the events of 922 were not the beginning, but the result of the previous Islamization, that it led to the formation of the Bulgarian civilization – on the one hand, a unique, on the other, part of the universal general Muslim medieval civilization.

Key words: Islam, Volga-Kama Bulgaria, 922, Bulgarian civilization.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 История татар с древнейших времен. Т. 1. – Казань: Институт истории АН РТ им. Ш. Марджани; 2002. – С. 192.
- 2 Давлетшин Г. М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление и развитие). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – С. 59–61.
- 3 Артамонов М. И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. эрмитажа, 1968. – С. 161.
- 4 Халиуллин Р. Р. Этапы исламизации населения Хазарского каганата // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8 (22). – Ч. II. – С. 196.

- 5 Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – С. 256.
- 6 Измайлов И. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. – 2011. – № 2. – С. 40.
- 7 Артамонов М. И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. эрмитажа, 1968. – С. 172.
- 8 Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (этап этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – С. 89, 103.
- 9 Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – С. 137–140.
- 10 Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – С. 153.
- 11 Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1962. – № 111. – С. 182–183.
- 12 Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – С. 168–175.
- 13 Там же, с. 166–176.
- 14 Ковалевский А. П. Новооткрытый текст Ибн-Фадлана // Вестник древней истории. – 1938. – № 1. – С. 64.
- 15 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. – С. 14.
- 16 Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – С. 157.
- 17 Салмин А. К. История чувашского народа: анализ основных версий. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 170.
- 18 Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – С. 165.
- 19 Там же, с. 166.
- 20 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. – С. 34.
- 21 Мухаммадеев А. Р., Хамидуллин Б. Л. Почему сувары не приняли ислам: победа хазарской дипломатии? // История государства и права. – 2013. – № 17. – С. 7–12.
- 22 Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – С. 145–147.
- 23 Руденко К. А. Волжские булгары в этнокультурном пространстве Волго-Камья в IX – начале XI вв. // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: Сб. статей. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2013. – С. 257.
- 24 Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – С. 147–151.
- 25 Ахтямов К. Ш. О некоторых проблемах становления ислама в Поволжье // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 5 (141). – С. 136.
- 26 Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – С. 174.
- 27 Измайлов И. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. – 2011. – № 2. – С. 44.
- 28 *Bulgarica*. Время и пространство Болгарской цивилизации: атлас. – М., Казань: Феория, 2012. – С. 280–281.
- 29 Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. – Казань: Слово, 2014. – С. 254.
- 30 Там же. – С. 270.
- 31 Айдаров С. С., Надырова Х. Г. Развитие архитектуры Волжско-Камской Булгарии X – начала XIII веков // Известия КазГАСУ. – 2008. – № 2 (10). – С. 11.
- 32 Давлетшин Г. М., Хузин Ф. Ш. Булгарская цивилизация на Волге. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. – С. 30–46.
- 33 *Bulgarica*. Время и пространство Болгарской цивилизации: атлас. – М., Казань: Феория, 2012. – С. 290.
- 34 Давлетшин Г. М., Хузин Ф. Ш. Булгарская цивилизация на Волге. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. – С. 77, 104–110.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1918–1920 ГОДЫ)

Зайнутдинов Д.Р., доктор юридических наук

FORMATION OF ANTI-BOLSHEVIK LEGAL MODELS IN THE CONDITIONS OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA (1918–1920)

Zainutdinov D. R.

После 1905 г. российская правовая система вступила на путь очередной трансформации, тем самым обозначив формирование новой правовой модели – конституционно-консервативной. Юридическое закрепление данной трансформации получила в виде внесенных 23 апреля 1906 г. изменений в Основные государственные законы, на основании изданных Манифеста об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 г., Манифеста об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г., Манифеста о переустройстве Государственного совета от 20 февраля 1906 г.¹ Следует отметить, что принятие или пересмотр актов конституционного характера часто «становится точкой отсчета в переоценке и обновлении существующих правовых моделей или даже утверждении новых конституционно значимых ценностно-правовых конструкций, образуемых совокупностью учредительных правовых принципов, формирующих основы нового конституционного

порядка и правовой идентичности соответствующего территориально-правового образования»². К 1917 г. в результате развития (хотя и весьма слабого) охранительно-правовых доктрин конституционно-консервативная правовая модель во многом была реализована. С одной стороны, конституционный базис этой модели способствовал развитию парламентаризма, политического плюрализма, либерализации правоотношений, но с другой, консервативная основа не привела к решению проблем классового, национального и религиозного равноправия. Это только усилило борьбу либеральных и революционных движений с монархией. Монархический консерватизм противопоставлял отрицанию имперской государственности идею защиты этой государственности, а индивидуализму, как первооснову политической свободы, идею всеединства, как фундамент государственности³. В результате идейного противостояния все четче проявлялась непригодность конституционно-

консервативной доктрины правовой модели для развития страны. Следует учитывать, что на эффективную или неэффективную реализацию правовой модели влияет целый ряд факторов: политический, социально-экономический, ментальности⁴. Более того, политико-правовые учения теоретиков монархии (К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров и др.) не смогли аргументировано доказать перспективы развития российской государственности в рамках конституционно-консервативной правовой модели, так как, используя давно сложившиеся постулаты патриархального общества, они раз за разом воспроизводили одни и те же идеи. А. С. Туманова и Р. В. Киселев отмечают: «Исходя из... религиозного миропонимания, консервативные мыслители отдавали приоритет публично-правовым обязанностям личности над ее правами, поскольку главное предназначение человека они видели в служении Богу и в принесении пользы государю и государству. Права трактовались консерваторами, как дающие личности возможности для отправления обязанностей»⁵. В воззрениях консерваторов российское общество не должно было отступать от христианских норм, аксиомы богосотворенности человека, божественных заповедей и священства фигуры монаха. По этой причине любые создаваемые ими государственно-правовые идеи и юридические конструкции в сфере публичного и частного права не могли преобразовать ни форму правления, ни создать новый механизм правового регулирования общест-

венных отношений. При этом стоит согласиться с А. И. Овчинниковым, что у русских правоведов консервативного и религиозного вектора идеал самодержавия был весьма самобытным и индивидуальным, так как формирование его происходило на почве синтеза православно-богословских идей еще византийских времен с идеями современной им философии права⁶.

«Наблюдая государственно-правовое развитие России после 1905 г., когда в стране начали реализовываться гражданские и политические свободы, консерваторы убедились, что оснований для оптимизма в связи с введением на русской почве свобод личности нет»⁷. Сформированная конституционно-консервативная правовая модель стала максимальной уступкой, на которую решились пойти монархисты-правоведы. Однако эта полумера лишь усугубила положение самодержавной власти и существующего консервативного правопорядка, что напрямую способствовало краху Российской империи.

Февральская революция 1917 г. стала следствием целой череды масштабных военных конфликтов и социально-политических потрясений начала XX в. (Русско-японская война, Первая русская революция, Первая мировая война), а также совокупности неразрешенных важнейших проблем общественной жизни (нивелирование российского парламентаризма, медлительность в решении земельного и рабочего вопросов, тенденции центризма и унификации в национально-территориальной политике). В целом революционный

период 1917 г. для правовой системы России стал эпохой глобальной трансформации. Правовая модель за относительно короткий период под давлением идеологических течений и разнообразных доктрин меняла один вариант на другой: конституционно-консервативный облик имперский правовой системы (1905–1917 гг.) был заменен Временным правительством на консервативный (классический) либеральный (февраль – май 1917 г.), который под влиянием социалистов эволюционировал в либерально-демократический (май – октябрь 1917 г.). При этом если с октября 1917 г. правовая система стала развиваться в общих рамках социализма, не ориентируясь на конкретное социалистическое направление, то с 6 января 1918 г. (после разгона Всероссийского Учредительного собрания) в развитии правовой модели происходит резкий поворот влево. Страна принимает марксистско-ленинский курс на формирование «пролетарского государства и права».

Таким образом, с лета 1917 г. начинается процесс параллельного формирования нескольких вариантов правовых моделей:

- левосоциалистической (коммунистической);
- правосоциалистической (социал-демократической);
- либерально-демократической.

Такая разнополярность правовых моделей была вызвана невероятной динамикой борьбы идеологических течений за государственно-правовой фундамент России. Российскому обществу предстояло сделать выбор

в пользу одной из формируемых правовых моделей.

В период 1917–1920 гг. правовая модель была поставлена в сильную зависимость от идеологии. Поэтому Февральскую революцию 1917 г. следует рассматривать не только как момент краха имперской государственности, но и как «точку отсчета» Гражданской войны 1918–1922 гг. (в историографии весь период делят на два исторических отрезка: «большая» и «малая» война), в которой идеолого-правовое противостояние различных течений вышло на первый план. Идеологическое давление на общество, государство, право приобрело невероятную силу. В содержание правовой и политической идеологии государства входят комплексные идеи, имеющие прямое деятельно-установочное значение и направленные на практику⁸. Именно в период между февралем – октябрём 1917 г. определялся состав участников будущих противоборствующих сторон в 1918–1922 гг., их взгляды на будущую российскую государственность и правовую систему. Революция октября 1917 г. – это итог того, что в стране сложилось крайне сложное положение с центральной и местной властью. Февральская революция 1917 г. не создала «чистой» либерально-буржуазной власти, не привела и к революционно-демократической диктатуре социалистических партий⁹. Последовательный уход с общероссийской политической арены представителей иных течений в связи с невозможностью воплощения собственных правовых идей ознаменовал приход к власти

левосоциалистических групп и начало радикального переустройства государственности и правовой модели, что вызвало раскол страны.

Таким образом, к концу января – началу февраля 1918 г. практически все российское общество разделилось на четыре крупных идеологических лагеря, представители которых являлись сторонниками определенного пути развития государственности и правовой модели:

– сторонники дофевральского периода 1917 г. базировались на доктринах монархического консерватизма, охранительства, крайнего национализма. В 1922 г. в Приамурском крае образовали «белый» режим, признавший легитимность царствования династии Романовых;

– сторонники февраля 1917 г. базировались на идеях либеральной демократии и консервативного (классического) либерализма. Составили интеллектуальный авангард «белого» движения и основали крупные «белые» государственные образования в 1918–1920 гг. на юге и востоке России;

– сторонники января 1918 г. базировались на идеях социальной демократии и социального либерализма. Сформировали правосоциалистические режимы на территории Волго-Уральского, Северного, Закаспийского и иных регионов России и стремились к восстановлению Российской Федеративной Демократической Республики, провозглашенной Всероссийским Учредительным собранием в 1918 г.;

– сторонники октября 1917 г. базировались на доктринах мар-

ксизма-ленинизма (коммунизма), демократического социализма, национал-коммунизма, которые легли в основу советской правовой модели, просуществовавшей до 1991 г.

Каждый идеологический лагерь имел своих представителей политико-правовой мысли, которые обеспечивали формирование доктринально-правового базиса и занимались созданием теоретико-практической основы для соответствующей правовой модели:

– для консервативной: С.Д. Сазонов (1860–1927), Н.Н. Львов (1865–1940), В.М. Пуришкевич (1870–1920), И.А. Ильин (1883–1954) и др.;

– для либерально-демократической: П.Н. Милюков (1859–1943), П.И. Новгородцев (1866–1924), С.А. Котляревский (1873–1939), В.Д. Набоков (1869–1922), И.В. Гессен (1865–1943), М.М. Винавер (1863–1926), Н.И. Лазаревский (1868–1921), Г.К. Гинс (1887–1971), П.Б. Струве (1870–1944), Е.Н. Трубецкой (1863–1920), В.А. Маклаков (1869–1957) и др.;

– для правосоциалистической: Г.В. Плеханов (1856–1918), В.М. Чернов (1873–1952), Ю.О. Мартов (1873–1923), Н.Д. Авксентьев (1878–1943), В.В. Водовозов (1864–1933), А.И. Гуковский (1865–1925) и др.;

– для левосоциалистической: В.И. Ленин (1870–1924), Л.Д. Троцкий (1879–1940), П.И. Стучка (1865–1932), М.А. Рейснер (1868–1928), Е.Б. Пашуканис (1891–1937) и др.

Первые три группы объединяло неприятие событий октября 1917 г. и января 1918 г., что привело к воз-

никновению масштабного исторического явления – антибольшевизма. Так, в историографии «антибольшевизм» представляется в качестве совокупности различных идей и политико-правовых доктрин, направленных против всей деятельности большевистской партии, в том числе способа ведения политики, методов управления, формируемой правовой модели, новой государственности, построения взаимоотношений власти и общества. Следует особо подчеркнуть, что антибольшевизм не противостоял социализму и не отрицал возможность существования иных его вариантов, кроме марксизма-ленинизма (коммунизма). Антибольшевизм как историческое явление существовал в России в 1917–1922 гг., а в среде российской эмиграции – с 1917 г. до 1940-х гг. Использование термина «антибольшевизм» в историко-правовом контексте позволяет охарактеризовать направленность политико-правовой деятельности, функционирование режимов и государственных образований, созданных на территории России в период 1918–1922 гг.

Государственный строй, структура высших органов власти, порядок их формирования и компетенция в антибольшевистских государственных образованиях были далеко не одинаковы. Различалась и позиция в отношении построения взаимоотношений и взаимодействия с общественными объединениями, профессиональными союзами, политическими партиями, межпартийными организациями, которых на период Гражданской войны было немало

количество. Однако особенно резко различия проявлялись в воззрениях на образ правовой модели будущей России, выбор пути развития национальной правовой системы и отраслевое наполнение системы права. Причина этих различий заключалась в идеолого-доктринальной направленности государственных образований. Если с февраля по сентябрь 1918 г. в антибольшевизме доминировали социал-демократические тенденции, то к октябрю 1918 г. идеологический вектор заметно изменился, приняв либерально-демократическую направленность. Доминирование тех или иных идей и доктрин в государственно-правовой идеологии напрямую влияло на изменение курса правовой политики, а через нее и на формируемую правовую модель. Наибольший интерес для историко-правового анализа представляют именно государственные образования 1918–1920 гг. В указанный период статус неофициальной государственно-правовой идеологии смогли приобрести только два идеологических течения – социальная демократия и либеральная демократия. Поэтому все существовавшие антибольшевистские государственные образования (режимы) 1918–1920 гг., в зависимости от идеолого-доктринального базиса, можно условно разделить на две большие группы.

Первая группа включает в себя такие крупные правосоциалистические антибольшевистские государственные образования:

– Российская Федеративная Демократическая Республика (провозглашена 5–6 января; функционирова-

ние с 8 июня по 23 сентября 1918 г.), возглавляемая Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания (В. К. Вольский) (далее – Кочуч);

– Сибирская республика (17 июля – 23 сентября 1918 г.), возглавляемая Сибирской Областной думой и Временным Сибирским правительством (председатель П. Я. Дербер, позже П. В. Вологодский);

– Северная область (2 августа – 23 сентября 1918 г.), возглавляемая Верховным управлением Северной области (председатель Н. В. Чайковский);

– Уральская область (13 августа – 26 октября 1918 г.), возглавляемая Временным областным правительством Урала (председатель П. В. Иванов);

– Закаспийская область (11 июля – до конца сентября 1918 г.), возглавляемая Закаспийским Временным правительством (председатель Ф. А. Фунтиков).

Вторая группа – либерал-демократические антибольшевистские государственные образования, чаще именуемые «белые» государственные образования или «белые» режимы:

– Северо-Западная область (11 августа – 5 декабря 1919 г.), возглавляемая Правительством Северо-Западной области России – Н. Н. Юденич и Совет министров (председатель С. Г. Лианозов);

– Северная область (7 октября 1918 г. – 20 февраля 1920 г.), возглавляемая Временным правительством Северной области (до января 1919 г. – Н. В. Чайковский, позже –

П. Ю. Зубов, с сентября 1919 г. фактически правитель Е. К. Миллер);

– «белая» государственность юга России (31 декабря 1917 г. – 30 марта 1920 г.), возглавляемая: Донским гражданским советом – триумvirат М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. М. Каледин (31 декабря 1917 г. – 11 февраля 1918 г.); военным штабом (февраль – август 1918 г.); Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникиным и Особым совещанием (председатель А. М. Драгомиров, позже А. С. Лукомский) (31 августа 1918 г. – 30 декабря 1919 г.); правительством переходного периода (председатель А. С. Лукомский) (30 декабря 1919 г. – 5 февраля 1920 г.); Южно-русским правительством (председатель М. Н. Мельников) (5 февраля 1920 г. – 30 марта 1920 г.);

– «белая» государственность в Крыму (11 апреля – 11 ноября 1920 г.), возглавляемая Правительством юга России – Главнокомандующим Русской армией П. Н. Врангелем и Советом министров (председатель А. В. Кривошеин).

Помимо указанных правительств, также существовал целый ряд национальных государственных образований, идеолого-доктринальный диапазон которых был достаточно широк и включал в себя такие направления, как консервативно-либеральное (Бухарский эмират, Хивинское ханство, Ферганская область, Горская республика); национал-демократическое (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Польша, Украина, Азербайджан); социал-демократическое (Грузия, Армения, Алаш-Орда,

Башкурдистан, Донская республика, Кубанская народная республика, Оренбургский казачий круг). Подобное разнообразие в полной мере объясняется поиском наиболее приемлемых идей и доктрин для становления национальной государственности и правовой модели. «Для “националов” было важно полнее учитывать этнические особенности и психологию, вводить национальный язык в административное управление и судопроизводство»¹⁰. Поэтому указанные национальные государственные образования не всегда придерживались открытой антибольшевистской ориентации и, по мере развития событий Гражданской войны, поддерживали или примыкали к тем или иным антибольшевистским режимам общероссийского значения.

Каждая из указанных групп, согласно закономерности развития, в итоге приходила к объединению. Также следует добавить, что в каждой из групп имелся лишь один ведущий антибольшевистский режим, на базе которого не только произошло объединение государственных образований, но и доктрины которого определяли направления формирования конкретной правовой модели. Для первой группы образований таким режимом выступал Комуч; для второй – «белая» государственность юга России. Объединение правосоциалистических антибольшевистских государственных образований произошло в результате Государственного совещания в Уфе с 8 по 23 сентября 1918 г. и создания Временного Всероссийского прави-

тельства (Уфимской Директории). Подавляющее большинство участников Государственного совещания являлись представителями антибольшевистских правосоциалистических государственных образований или делегатами партий и общественно-политических организаций, придерживавшихся социал-демократической идеологии¹¹. По сути, на Государственном совещании в Уфе был поддержан курс, изначально провозглашенный Комучем, на реализацию постановления «О государственном устройстве России» от 5–6 января 1918 г.¹², учрежденного Всероссийским Учредительным собранием, об образовании Российской Демократической Федеративной Республики (далее – РДФР). Однако объединенная антибольшевистская государственность, базирующаяся на социал-демократической платформе, просуществовала чуть более одного месяца. В результате совершенного 18 ноября 1918 г. государственного переворота произошло крушение правосоциалистического режима. Создание Российского правительства в составе Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака и Совета министров ознаменовало приобретение либеральной демократией неофициального статуса государственно-правовой идеологии. При определении курса государственно-правовой идеологии Российское правительство ориентировалось на либерально-демократический вектор «белого» юга России, а также на некоторые уже апробированные институты. В частности, Российским правительством была заимствована

форма осуществления власти в виде конституционной (ограниченной) диктатуры.

Таким образом, вектор антибольшевистских правовых доктрин определил формирование двух основных вариантов (доктрин) правовых моделей – либерально-демократический и правосоциалистический.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать понятие «антибольшевистской правовой модели» – это прогнозируемый идеологами антибольшевизма вариант правового регулирования возникающих в России явлений и процессов, который, опираясь на определенные правовые доктрины, не признает советско-большевистскую форму осуществления власти и правовую идеологию, должен определять цели и средства формирования нового правового состояния общества, позволять создавать программные проекты для развития российской государственности и национальной правовой системы, и с учетом укоренившихся национальных традиций и ценностей социокультурного развития производить расчеты достижения реальных результатов в будущем.

Для правосоциалистической и либерально-демократической доктрин антибольшевистских правовых моделей были характерны все признаки, наличествующие у любой другой общеправовой модели:

– во-первых, они обладали легитимирующим значением, закладывающим общую концептуально ценностную основу построения и развития правовых процессов

и явлений в антибольшевистской России;

– во-вторых, они обладали должной устойчивостью, что позволяло последовательно влиять на формирование правовых связей и отношений между разными антибольшевистскими режимами, тем самым обеспечивая предсказуемость их развития;

– в-третьих, они являлись обязательными в конкретных пространственных границах, что подкреплялось механизмами принуждения;

– в-четвертых, они отражали свою идейно-ценностную основу в высших юридических актах конституционного и декларативно-учредительного характера.

Следует подчеркнуть, что в основе всякой правовой модели лежит совокупность ценностно-правовых установок, задающих определенный вектор развития как отдельных отраслей права, институтов и явлений, так и национальных и даже межгосударственных правовых пространств. «При этом значение той или иной правовой модели не всегда прямо обусловлено ее официальным признанием и юридической силой оформившего ее правового акта, а может предопределяться практикой ее применения и внедрения в правовую деятельность»¹³.

Антибольшевистские правовые модели, будучи многомерным явлением, охватывали абсолютно все области государственной власти и управления, их формы и структуру, а также сферы правового регулирования, отраслевого законодательства, правоприменительной практики. В то же время правосоциалистиче-

ская и либерально-демократическая доктрины антибольшевистской правовой модели имели свои отличия, которые выражались в следующих особенностях:

1) для правосоциалистической доктрины правовой модели было характерно: декларирование парламентской республики, договорной федерации, социал-демократического режима; реализация принципа разделения ветвей власти с усилением парламента; юридическое обоснование и узаконение «черного передела»; частичная национализация промышленности и отрицание рабочего контроля; непризнание конституционализма в качестве идеологии; принятие жесткой конституции; признание законными некоторых декретов советской власти с пересмотром в будущем всей базы отраслевого законодательства.

2) для либерально-демократической доктрины правовой модели было характерно: декларирование президентской республики (реже конституционной монархии), децентрализованной унитарной (или региональной) государственности, либерально-демократического режима; реализация принципа разделения ветвей власти с усилением главы государства и независимостью суда; узаконение «черного передела» с частичным возмещением ущерба бывшим собственникам; непризнание национализации промышленности; возведение конституционализма в ранг идеологии; формирование неписаной конституции; непризнание советских нормативных правовых актов с дальнейшей демократиза-

цией имперского законодательства, обособление некоторых отраслей права (торгового, судебного и др.).

Таким образом, несмотря на условия Гражданской войны рассматриваемые антибольшевистские правовые модели обрели вполне отчетливый образ.

Правовая модель всегда обладает высокой динамичностью. При этом следует отметить, что динамика формирования антибольшевистских правовых моделей уступала левосоциалистическому (коммунистическому) варианту. Коммунистические доктрины в правовой сфере имели огромную созидательную силу. Во многом это было обусловлено статусом государственно-правовой идеологии в советской России и антибольшевистских государственных образованиях. Идеолого-доктринальная основа правовой модели напрямую влияет на ее целевую ориентацию, отражает основные социально-классовые интересы и определяет цель будущего механизма правового регулирования и этапы решения конкретных задач. Однако антибольшевистские государственные образования открыто никогда не ставили на первое место идеологию в качестве орудия борьбы с большевизмом. Идеология в антибольшевизме никогда не устанавливала правовых норм для физического уничтожения оппонентов. А. И. Клименко пишет, что можно выделить две модели осуществления идеологической функции государства: идеократическую (опора на открытую форму использования методов осуществления идеологи-

ческой функции, либо она вообще официально не признается) и манипулятивную (опора на скрытую форму использования методов осуществления идеологической функции)¹⁴. На этом основании можно сделать вывод, что антибольшевистские режимы осуществляли идеологическую функцию по манипулятивной модели. Поэтому как социальная демократия, так и либеральная демократия никогда не имели юридического закрепления своего статуса в качестве государственно-правовой идеологии. Их статус всегда являлся неофициальным. Однако доктрины идеологии в полной мере отражались в системе права антибольшевистских государственных образований и устанавливали в ней доминирование, тем самым формируя саму правовую модель. Постановка вопроса об официальном нормативном закреплении государственно-правовой идеологии произошла только в эмиграции, после поражения антибольшевизма в Гражданской войне. Так, в 1921 г. один из лидеров конституционно-демократической партии В. В. Уляницкий высказал мысль о приоритете идеологических начал в государственной деятельности: «Партия... должна быть с теми, кто борется за личность, за право, за достойное существование всех и каждого, за государственность»¹⁵. В докладе В. В. Уляницкого выделяются ключевые идеи либеральной демократии – верховенство права, плюрализм, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод. При этом следует обратить внимание, что основополагающим в его докла-

де является стремление возведения в рамки идеологии непосредственно «конституционализма».

Более того, идеолого-доктринальные ориентиры формирующейся правовой модели помимо ведущих партийных групп (кадеты, октябристы, правые эсеры, меньшевики) также задавали национальные движения (татарское, башкирское, казахское, бурят-монгольское, карельское и др.), региональные течения (областничество, казачество), общественно-политические организации (профессиональные союзы, объединения торгово-промышленного класса и прочие), религиозные конфессии (православные, мусульмане, буддисты), требовавшие учета собственных интересов в правовой модели постбольшевистской России. Таким образом, множественные идейные течения на территории антибольшевистских государственных образований создавали не только политический и идеологический плюрализм, но и способствовали некоторому смешению различных доктрин в формируемом нормативном базисе. Примечательно, что даже возникали предложения заимствования и внедрения в антибольшевистскую правовую модель некоторых институтов лево-социалистической направленности (например, института «рабочего контроля»)¹⁶. Вследствие этого социал-демократические и либерально-демократические режимы в целях сохранения основополагающих доктрин и идеологических начал стали создавать российские аналоги западных механизмов, которые

позволяли оформить уникальность собственной правовой модели.

Вышеизложенное позволяет сделать определенный вывод. Несмотря на то что социал-демократические и либерально-демократические режимы объединяла главенствующая цель борьбы с советской властью, в вопросе о формировании правовой модели постбольшевистской России они расходились. Любая общеправовая модель, несмотря на наличие в ней спорных моментов, тем не менее закладывает идейно-векторные основы существующего правопорядка, придает ему устойчивый динамичный характер развития, предопределяет последствия принятия правовых решений и предусматривает возможность устранения возможных рисков. Антибольшевистские правовые модели (правосоциалистическая и либерально-демократическая) представляли собой внутригосударственные общеправовые модели, а потому были структурно сложными уникальными правовыми явлениями. Таким образом, следует указать, что антибольшевистские правовые модели, с одной стороны, предстают в качестве юридически оформленных доктрин и концепций (системы взглядов и представлений о развитии правовых процессов в постбольшевистской России) или идеализированного образа, преследующего цель построения демократического государства с эффектив-

ной публично-властной структурой, которая бы отвечала оптимальной социальной организации. С другой, антибольшевистские правовые модели (правосоциалистическая осенью 1918 года, либерально-демократическая к зиме 1919 г.) в результате динамичных изменений в структуре публичной власти и государственных органов, отраслевого законодательства и юридической практики уже в период Гражданской войны стали обретать облик национальной правовой системы России.

Доктрины социальной демократии и либеральной демократии не противопоставлялись друг другу вне рамок политической борьбы, ведущейся легальными ненасильственными методами. Представители этих течений были готовы к совместной работе, что подтверждается коалиционным способом управления в 1917–1918 гг. (от Временного правительства до Временного Всероссийского правительства), попытками выработать единую антибольшевистскую правовую платформу в 1919 г. (деятельность Тактического центра), комбинированием «левой» и «правой» политики в 1920 г. (Правительство юга России в Крыму). Даже несмотря на резкие различия воззрений антибольшевистских правоведов и идеологов на правовую модель будущей России, они были готовы к коалиционной политической и законодательной работе.

Сведения об авторе: Зайнутдинов Динар Рафаилович, доктор юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)», руководитель юридического отдела ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний», e-mail: knight_1988@mail.ru.

Аннотация. В статье проводится анализ формирования антибольшевистских правовых моделей под влиянием двух крупных идеологических течений: правосоциалистического и либерально-демократического. Особый акцент делается на изучении доктринального содержания указанных правовых моделей. Также автор концентрирует внимание на сходствах и отличиях правосоциалистической и либерально-демократической правовых моделей.

Ключевые слова: правовая модель, правовая доктрина, идеология, антибольшевизм, социальная демократия, либеральная демократия.

Abstract. The article analyzes the formation of anti-Bolshevik legal models under the influence of two major ideological trends: right-socialist and liberal-democratic. Particular emphasis is placed on the study of the doctrinal content of these legal models. The author also focuses on the similarities and differences between the right-socialist and liberal-democratic legal models.

Key words: legal model, legal doctrine, ideology, anti-bolshevism, social democracy, liberal democracy.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Свод Основных Государственных Законов // Свод Законов Российской Империи: в 16 т. Т. 1. Ч. 1 (ред. 1912 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 17.10.2022 г.).

2 Правовые модели и реальность: монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2014. – С. 20–21.

3 Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – С. 309.

4 Рафалюк Е. Е., Кичигин Н. В. Реализация правовых моделей: проблемы и поиск решений // Журнал российского права. – 2014. – № 5 (209). – С. 137.

5 Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 171.

6 Овчинников А. И., Фетисов Т. А. Теоцентризм русской философии права: история и современность // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 3. – С. 61.

7 Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 171.

8 Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2005. – С. 12, 13.

9 Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 25.

10 Красовицкая Т. Ю. Этнические элиты между красными и белыми: этнокультурные идеалы vs интернационализма и «непредрешенчества» // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – С. 360.

11 Прайсман Л. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. – СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова; Изд-кий дом «Галина Скрипсит», 2015. – С. 367.

12 Постановление Всероссийского Учредительного собрания «О государственном устройстве России» (провозглашение Российской Демократической Федеративной Республики) от 5–6 января 1918 года // Всероссийское Учредительное Собрание (1917 год в документах и материалах) / подгот. к печ. И. С. Малчевский. – М.: Отпечатано в 1-й образцовой типографии Гиза, 1930. – С. 113.

13 Правовые модели и реальность: монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М.:

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2014. – С. 19.

14 Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2005. – С. 7, 8.

15 Протокол № 2 заседания Варшавской группы от 28 февраля 1921 года // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. // Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. – М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1996. – Т. 4. – С. 197.

16 Котляревский С. А. История «Национального центра» (24 марта 1920 года) // Красная книга ВЧК: в 2 т. 2-е изд., уточн. – М.: Политиздат, 1989. – Т. 2. – С. 145.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АРСКОМ КАНТОНЕ ТАТАРСКОЙ АССР В 1919–1922 ГГ.

Садыкова Р. Б., кандидат исторических наук

ORGANIZATION OF PRESCHOOL EDUCATION IN THE ARSKY CANTON OF THE TATAR ASSR IN 1919–1922

Sadykova R. B.

Вопросы образования и воспитания детей и молодежи находятся в России в числе приоритетных. 25 ноября 2022 г. приказом Министерства просвещения РФ была утверждена федеральная образовательная программа дошкольного образования. Целью программы является разностороннее развитие ребенка в период дошкольного детства с учетом возрастных и индивидуальных особенностей на основе духовно-нравственных ценностей российского народа, исторических и национально-культурных традиций. Федеральная программа построена на таких принципах, как поддержка инициативы детей в различных видах деятельности, сотрудничество дошкольного учреждения с семьей, формирование познавательных интересов ребенка¹. Данная программа, как нам представляется, вобрала в себя лучший опыт образования и воспитания детей дошкольного возраста, который складывался в России на протяжении многих десятилетий.

История дошкольного образования и воспитания, организации дет-

ских учреждений в России началась еще в 1860-е гг., однако именно после Октябрьской революции 1917 г. начала складываться государственная система дошкольного образования. 20 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения опубликовал декларацию «О дошкольном воспитании», в которой говорилось, что общественное (бесплатное) дошкольное воспитание должно начинаться с рождения ребенка и осуществлять его всестороннее развитие.

До 1920 г. территория современного Арского района относилась к Казанскому уезду Казанской губернии, в 1920–1930 гг. – к Арскому кантону ТАССР. Арский кантон был образован в 1920 г. на базе 20 волостей бывшего Казанского уезда как Казанский кантон, в конце 1920 г. преобразован в Арский кантон. Площадь его в 1926 г. составляла 8007 м², численность населения – 374725 человек (в том числе 59,2% татары, 37,5% русские, 2,7% удмурты). Кантон включал 15 волостей и 815 населенных пунктов².

Документы из фондов Государственного архива РТ позволяют

представить, как происходила организация дошкольных учреждений в Арском кантоне в первые после-революционные годы.

Арский уездный отдел народного образования был переведен из г. Казани в конце 1919 г. Из-за отсутствия работников дошкольный подотдел сначала не функционировал. В феврале 1920 г. была создана секция, которая в ноябре 1920 г. была переименована в самостоятельный дошкольный подотдел. Однако повышение статуса не особо сказалось на заинтересованности сотрудников в работе: в течение 1920 г. сменилось 6 заведующих подотделом³.

Дошкольный подотдел Казанского губоно разослал инструкцию уездным отделам народного образования, которая разъясняла политику государства в отношении дошкольного воспитания и содержала рекомендации по организации дошкольных учреждений. По мнению составителей инструкции, «государство прошлого мало заботилось об образовании народа и совсем не заботилось о его воспитании. Советская власть, наоборот, одной из основных задач видит образование и воспитание человека, именно воспитание с того периода жизни, когда человек начинает проявлять свою личность, свое “я” – с трехлетнего возраста».

В документе предлагалось создание следующих типов дошкольных учреждений: детские сады, колонии и площадки. Детские сады открывались из расчета один на 5 тыс. населения. Современный детский сад – это подготовительная ступень школы, первая ступень воспитания

человека. Задачей организации детского сада должно было стать «создание подходящей обстановки, дающей возможность ребенку свободно проявлять и гармонично развивать его детское творчество».

В инструкции честно было сказано, что «специальных пособий для детских садов теперь найти очень трудно. Но этим обстоятельством не следует особенно огорчаться. Фантазия детей настолько богата, настолько разнообразна, что она сумеет найти выход из создавшегося положения. Необходимо только снабдить сады сырым материалом: бумагой, карандашами, картоном, клеем, обрезками материй, инструментами и т. п.»⁴. В связи с этим дошкольный подотдел предложил обратиться к населению, агитируя его принять участие в обеспечении детсадов под таким лозунгом: «Граждане, собирайте бросовый материал и передавайте его в дошкольные учреждения! Это лучший подарок детской любознательности, богатый материал для детского творчества, ценнейшая игрушка жизни – детям»⁵.

Документ также содержал рекомендации по подбору помещения под детский сад. Желательно, чтобы это был отдельный дом с террасой или садом, с 4-мя или 5-ю сухими и светлыми комнатами. Кухня должна быть оборудована большой плитой, котлом для варки супов и каш. Желательно также иметь комнату для провизии с полками, прилавков с весами для выдачи продуктов и погреб.

Единение семьи и детского сада – одно из положений дошкольного

строительства. Задача руководительницы и дошкольного подотдела – привлечь трудящееся население к работе детских садов, для чего предлагалось организовать советы при детских садах в количестве 20–25 человек из данного района, города, деревни, рабочих организаций. Руководительницам рекомендовалось знать каждого ребенка всесторонне – из личных наблюдений, бесед с родителями, желательно также было ведение индивидуальных характеристик.

В летнее время детские сады переносили свою деятельность на открытый воздух. Большое внимание уделялось экскурсиям, прогулкам, садовым и огородным работам (рекомендовалось заблаговременно запастись семенами, сделать заказы на изготовление детских лопат, грабель, леек).

В детские сады принимались дети 3–7 лет после осмотра врача («легочно-туберкулезные и припадочные» не принимались). Руководительница, на каждую из которых должно приходиться по 20–25 человек, образовывала группы по возрастам.

Организация сети детских дошкольных учреждений в республике, как отмечают исследователи темы, была сопряжена со многими экономическими трудностями. Детские сады испытывали нужду в мебели, инвентаре, одежде и обуви, инструментах и материалах для ручного труда; не хватало помещений, достаточного питания⁶. Тем не менее, уже в начале сентября 1919 г. губернский дошкольный подотдел пред-

ложил всем уездным подотделам организовать подготовку детских садов к губернской выставке, которую предполагалось созвать в конце сентября 1919 г. На выставке нужно было представить кукол в костюмах национальностей, населяющих уезд. Число кукол определялось по числу национальностей. Желательна была точная и детальная передача национального костюма⁷. К сожалению, в архивных документах не сохранилось сведений о том, состоялась ли выставка. Но данный документ свидетельствует о том, что в трудные и нестабильные первые после-революционные годы деятельность детских садов не ограничивалась только вопросами материального характера.

Как выше было сказано, до 1920 г. территория современного Арского района относилась к Казанскому уезду Казанской губернии. По данным Наркомата просвещения ТАССР, в 1919 г. в Казанском уезде были открыты детские сады в Новых Атах (21 апреля), Корсе (18 мая), Балтасях (10 октября), Арске (1 ноября), Васильево (12 ноября), Кармыше (20 ноября), Песчаных Ковалях (25 ноября), Больших Менгерях (30 декабря), на Ферме⁸.

Вместе с тем, в документах Арского КОНО содержатся сведения, что по состоянию на июль 1919 г. в Арском уезде имелось 3 детских сада: 1) в Арске на 60 чел., 2) в Тюбьяке Арской волости – на 50 чел., 3) в Александровке (ныне не существует. – Прим. Р.С.) Ново-Кишитской волости на 40 чел. Кроме того, работали детские площадки в Арске,

Бимерях Балтасинской волости, Ново-Чепчугах Кармышской волости, Кишметьево Арской волости, Хотне, Чурилино, Малых Лызях Балтасинской волости⁹.

26 декабря 1919 г. Арский уездный отдел народного образования запросил в Казанском губоно руководительниц детсадов – 6 русских и 6 татарок в связи с наличием в кантоне 6 детских садов (Хотнинский, Чекурчинский, Александровский, Ново-Кинерский, Больше-Атнинский, Балтасинский)¹⁰.

Как видим, различие сведений в архивных документах не позволяет более точно представить перечень детских садов, организованных в 1919 г. Возможно, что ввиду материальных трудностей, а также отсутствия воспитательниц, детские учреждения на какое-то время закры-

вались, потом открывались вновь. В таблицу 1 включены сводные данные из отчетов, хранящихся в архивных фондах¹¹. Они позволяют представить динамику изменения количества детских садов, посещавших их детей и руководительниц (термин документов 1920-х гг. – Р.С.). В одних отчетах содержатся только общие цифры, в других – дополнительно есть сведения о национальной и половой принадлежности.

На первый взгляд, цифры выглядят внушительными. Но если соотнести их с количеством населения кантона¹² (таб. 2), то очевидно, что даже максимальное количество посещавших детские сады в ноябре 1921 г. составляло лишь 4,7% от общего числа детей дошкольного возраста.

Таб. 1. Сведения о количестве детских садов, детей и руководительниц в Арском кантоне в 1920–1922 гг.

Дата	Количество детсадов	Количество детей	Количество руководительниц
1920 г.	15	1326	34
декабрь 1920 г.	16	1314	33
на 01.01.1921 г.	21	1497	41
на 01.03.1921 г.	24	1878	50
на 01.04.1921 г.	25 (12 русских, 13 татарских)	1947	55 (30 татарок, 25 русских)
на 01.05.1921 г.	25	2190	сведений нет
на 01.06.1921 г.	25	2029	68
на 01.07.1921 г.	27 (10 русских, 15 татарских, 2 марийских)	2698 (1074 русских, 1454 татар, 170 марийцев)	70 (29 русских, 38 татарок, 3 марийки)
на 01.09.1921 г.	23	2281	сведений нет
на 01.11.1921 г.	24	2917 (1356 мальчиков, 1361 девочка)	58
на 01.01.1922 г.	28 (10 русских, 16 татарских, 2 марийских)	2688 (1342 мальчика, 1346 девочек)	сведений нет
1922 г.	8 (6 татарских, 2 русских)	523 (240 мальчиков, 283 девочки)	сведений нет
1923 г.	2 (татарских)	130	3

Таб. 2. Сведения о количестве населения Арского кантона по национальности, полу и возрасту за 1921 г.

национальность		пол		возраст	
татары	251412	мужчины	187354	до 6 лет	62045
русские	104526			от 7 до 17 лет	114269
чуваши	968				
марийцы	8080	женщины	189566	от 18 до 25 лет	47871
вотяки (удмурты)	5286			от 25 лет и старше	152725
кряшены	6638				
всего	376910				

Тенденция увеличения детских садов и посещавших их детей в 1920–1921 гг. и резкий спад обоих показателей начиная с 1922 г. были характерны не только для Арского кантона. Исследования показывают, что главной особенностью развития дошкольного образования в Татарстане в период становления государственной системы общественного дошкольного воспитания (1917–1928 гг.) являлось неравномерное развитие сети дошкольных учреждений.

На первом этапе (1917–1920 гг.) в качестве приоритетной ставилась задача создания сети дошкольных учреждений. Быстрому росту их числа способствовали благоприятные условия: финансирование дошкольных учреждений государством, наличие свободных национализированных помещений, привлечение к дошкольной работе старых педагогических кадров, свобода в выборе типа дошкольного учреждения и методов работы с детьми. Для второго этапа (1920–1925 гг.) характерным являлось сокращение сети дошкольных учреждений. Трудности социально-экономического характера вызвали ряд негативных тенденций в системе дошкольного воспитания, в том чи-

сле увеличение нагрузки воспитательниц, привлечение к работе с детьми неподготовленных кадров. Третий этап (1925–1928 гг.) отличался новым подъемом дошкольного строительства, ростом сети дошкольных учреждений, и вместе с тем отходом от различных методов воспитания к унифицированному содержанию дошкольного воспитания¹³.

В отчете о состоянии народного образования в Арском кантоне в 1920 г. отмечалось, что детские сады, «вначале непонятные для крестьян и плохо прививавшиеся, стали предметом массовых ходатайств с весны 1920 г., когда в деревнях кантона стал ощущаться недостаток хлеба и мануфактуры». Очевидно, что крестьяне отдавали своих детей в детские сады, прежде всего, из практических побуждений.

Для детских садов продукты отпускались по следующей норме: ржаной муки – 11 ¼ фунта, «сластей» – 45 золотников, кофе – ¼ фунта, круп – 3 ¾ фунтов, овощей – 10 фунтов в месяц на человека (1 золотник – 4,266 г, 1 фунт – 409–410 г. – Р.С.). Питалось 1340 детей в 15 детсадах¹⁴. С 1 сентября 1920 г. отпуск продуктов в детских садах для детей земельных граждан был

прекращен и разрешен лишь в городах и поселках городского типа для детей безземельных граждан. Это вызвало резкое ухудшение положения детских садов. Во-первых, в глазах населения их очевидная полезность перестала существовать, так как педагогическое значение было им непонятно. С другой стороны, волостные и сельские Советы перестали уделять внимание нуждам садов, вследствие чего последние часто оставались без ремонта, без дров, а руководительницы – без жалования.

Арский детский сад был открыт в числе одного из первых в кантоне – 1 ноября 1919 г. Однако, как отмечала ее первый руководитель Н. А. Радзивилова, за неимением помещения занятия начались только 15 декабря 1919 г., до этого времени они проводились у нее на дому. К 15 февраля 1920 г. детский сад посещали 42 мальчика и 33 девочки. В фонде Арского отдела народного образования сохранилась докладная записка Н. А. Радзивиловой, которая рисует картину будней детского сада: «Пособия для занятий следующие: из казенных – картон, бумага, кубики; из моих – картины, открытки из мира природы. Для пения есть фисгармония. Занятия продолжаются с 9 до часу дня. В 11 часов завтрак из чая, хлеба и сахара. Руководствуясь при занятиях с детьми книгой “Дом ребенка” Марии Монтессори, которую нахожу соответствующим полезным пособием, выбросив отсюда несоответствующие условия для детей нашей республики. Ежедневно посещают сад 40–50 детей. Ввиду того, что в Арске тиф, больных

приблизительно 10%. Задача моей работы в саду – воспитание гигиены, физическое и нравственное развитие детей». В докладной записке содержится также перечень того, что, по мнению заведующей, необходимо сделать для полноценного функционирования детского сада. Во-первых, сократить число детей до 20 человек на одну руководительницу. Во-вторых, обеспечить детский сад пособиями: «картинами, разрезной азбукой на дереве, карандашами, ножницами, бумагой для рисования, разными игрушками из дерева и резины, всевозможными складными фигурами и детской литературой». Предлагалось завтрак сделать более существенным – готовить суп или кашу. При детсаде должен быть фельдшер, который бы еженедельно производил детям медицинский осмотр. Желательно также весной отвести детскую площадку с фруктовым садом, огородом, сенокосом и снарядами для гимнастики¹⁵.

Количество детей, посещавших детские сады, в разные периоды различалось. Например, по состоянию на 31 октября 1920 г. в Арском детском саду числилось 100 детей (в том числе 12 – семилетних, 45 – шестилетних, 30 – пятилетних, 13 – четырехлетних), а в январе 1921 г. – 70 детей. В это же время детсад в Песчаных Ковалях посещали 180 детей, в Балтасях – 110 детей, в Корсе – 83 ребенка, в Старом Ашите – 77 детей.

На 25 февраля 1921 г. Арский дошкольный подотдел наметил созыв кантонной конференции работников дошкольно образования. Однако из 40 делегатов прибыло

только 11 (9 татарок и 2 русских), поэтому вместо конференции было проведено совещание, на котором заслушаны доклады с мест о работе в детсадах. Предполагалось сделать несколько докладов о дошкольном воспитании, но так как большинство руководителей были татарками, не знающими русский язык, доклады пришлось отложить.

Несмотря на рост количества детских садов и детей, проблемы оставались прежними: нехватка воспитательниц, отсутствие необходимых для работы материалов. Оклад у воспитательниц детского сада составлял 8400 руб. в месяц, у технического работника – 2380 руб. Смета, составленная в сентябре 1921 г., предполагала затраты на выплату 4 сотрудникам Арского детского сада заработной платы в сумме 330960 руб. в год. Вместе с тем, на покупку дров требовалось в 10 раз больше – 3,6 млн руб.¹⁶ Цифры не покажутся огромными, если помнить, что осенью 1921 г. в стране царил гиперинфляция. С июля по октябрь 1921 г. покупательная способность советского денежного знака неуклонно падала. Рубль по сравнению с довоенным временем обесценился в 50 тыс. раз, а средние цены на товары увеличились более чем в 97 раз¹⁷.

Остается только удивляться, как детские сады выживали в таких условиях, испытывая потребность в самых обычных вещах. Позволим себе сохранить орфографию текста документа и предлагаем познакомиться со сметой на оборудование Арского детского сада, составленной его руководительницей А. И. Носовой: «Тубареток детских – 40 штук,

банок для цветов глиняных – 26, 2 большие и 2 маленькие кадки, 2 электрические лампочки, стенные часы, шкафы, столы, скамейки, 2 стула, 2 полки. Смета кухонного инвентаря: самовар, 50 глиняных плошек, 80 кружек, 1 сковорода, тушильник, 3 подноса, 2 ведра, лопата, котел в 3 ведра, совок для углей, труба для самовара, щетки, тазы, ковшики и др. Смета на материал ручного труда: картон толстый и тонкий, бумага (в т.ч. цветная), тетради, карандаши, мелки, чернила 5 фунтов, 3 коробки перьев, 3 ручки, 300 фунтов цветной пряжи, нитки цветные, 5 пачек иголок»¹⁸. Как видим, нужда была в самых элементарных вещах – мебели, посуде, предметах быта и материалах для занятий детей.

Между тем 1921 г. принес помимо инфляции еще более страшное испытание – голод. 4 августа 1921 г. Арский кантонный отдел народного образования направил в кантонный исполком сведения о количестве голодающих детей до 14 лет. Всего в списке по 30 волостям значилось 52616 детей, в том числе 48204 школьного возраста и 4412 дошкольного. Если дошкольники составляли порядка 7% от общего числа детей данного возраста, то школьники уже 42%. Наибольшее количество голодающих детей приходилось на следующие волости: Арская – 2705 (школьников), 150 (дошкольников), Больше-Атнинская – 1943/70, Балтасинская – 2874/110, Кукморская – 1969/542, Мамсинская – 2105/200, Ковалинская – 2189/240, Алатская – 2081/500¹⁹.

5 марта 1922 г. в Арском детском саду состоялось родительское собра-

ние, на котором присутствовало 30 человек. Первый вопрос повестки дня – дрова. По данному вопросу постановили: собрать с каждого ребенка по 500 рублей для покупки дров. Таким образом, проблема отопления помещений детского сада по-прежнему была в числе злободневных и решалась она не только выделяемыми для КОНО средствами, но и за счет помощи родителей. Судя по документам, детский сад по состоянию на июнь 1922 г. занимал 3 комнаты по 30 м² каждая.

И, тем не менее, Арский детский сад не только выживал, но и старался жить полноценной и интересной жизнью. Его сотрудники старались сделать все, чтобы дети знакомились с окружающим миром, узнавали каждый день что-нибудь новое. Так, в марте 1922 г., судя по отчету заведующей детским садом П. А. Сокуновой, «знакомили детей (во всех группах) с весенним сезоном посредством коллективных работ, бесед, прогулок, наблюдений (например, за погодой), стихотворений и т.п. В одной из групп была сделана коллективная работа «Пасека». Знакомство с цветами, листьями с завершением тоже коллективной работы «Ваза с цветами». Было заучено несколько стихотворений на тему весны. Из-за отсутствия пособий, материалов занятия по рисованию, обучению грамоте, счету не могли проводиться полноценно. Была приглашена учительница музыки М. В. Лебедева, которая играла на пианино. Дети разучивали песни и маршировали под музыку. Под наблюдением руководительницы играли «в лошади, в солдатиков, в поваров, в торговлю и т.п.».

Было проведено медицинское обследование детей, которое выявило очень много слабых детей. Посещаемость детей упала, что объяснялось «отсутствием обуви и голодностью детей». Питание в детском саду выдавалось на тех детей, которые не получали пайка из Американской столовой.

Теплое время года активно использовалось для изучения детьми природы, наблюдения за изменениями в растительном и животном мире. Так, например, в июне занимались ловлей и сбором коллекции насекомых, наглядным изучением за развитием лягушки (в комнате держали аквариумы с лягушками и плавунцами). Июль был посвящен экскурсиям по лугам, сбору и засушке цветов, листьев и трав, купанию, сбору раковин, камешек, коллективному творчеству в играх, огородничеству. В августе месяце дети занимались раскопкой земли и самостоятельным устройством русла реки и правильной перекладкой моста, а иногда – игрой в торговлю (в которой больше были заинтересованы девочки). Летнюю площадку с 1 мая по 1 августа посещали 140 детей. Работало две руководительницы²⁰.

За сто прошедших лет Арский район сильно изменился. Сегодня это один из крупнейших районов Татарстана, где в 128 населенных пунктах проживает более 51 тыс. чел. На территории района работает 49 дошкольных учреждений, в том числе 10 в г. Арск. Большинство из них располагаются в новых, красивых зданиях, снабженных всем необходимым. Их посещают 2310 детей, с которыми занимаются 265 педаго-

гов. Сейчас на 1 педагога приходится по 7–8 детей, век назад эта цифра достигала 38. Очевидно, что работать стало комфортнее, и каждому ребенку можно уделить больше внимания. К сожалению, детские сады продолжают ежегодно закрываться в сельских населенных пунктах (и не

только в Арском районе) по причине уменьшения количества детей дошкольного возраста. Надеемся, что принимаемые правительством РФ меры, направленные на повышение рождаемости в России, изменят эту тенденцию в лучшую сторону.

Сведения об авторе: Садыкова Римма Барыевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: rimma231265@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена истории организации дошкольных учреждений на территории Арского кантона в 1919–1922 гг., их деятельности в тяжелые послереволюционные годы.

Ключевые слова: Арский кантон, г. Арск, дошкольные учреждения, детские сады, отдел народного образования, воспитание, руководительницы.

Abstract. The article is devoted to the history of the organization of preschool institutions in the territory of the Arsky canton in 1919–1922, their activities in the difficult post-revolutionary years.

Key words: Arsky canton, Arsk, preschool institutions, kindergartens, department of public education, education, leaders.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Федеральная образовательная программа дошкольного образования (утверждена приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 25.11.2022 № 1028). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280044?index=4&rangeSize=1> (дата обращения: 20.01.2022 г.).

2 Населенные пункты Республики Татарстан. Иллюстрированная энциклопедия Т. 1. – Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. – С. 412.

3 Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-2614. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

4 Там же. Д. 138. Л. 7–8.

5 Там же. Л. 12.

6 Ханипова И. И. «Перед нами открылись широкие горизонты в дошкольном воспитании» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2011. – № 3/4. – С. 68–77.

7 ГА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 138. Л. 47.

8 Там же. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 50. Л. 15 об.

9 Там же. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 139. Л. 4.

10 Там же. Л. 6.

11 Там же. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 50; Ф. Р-2614. Оп. 1. Д. 2, 6; Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 139.

12 Там же. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 50. Л. 80.

13 Мардашова Р. С. Становление и развитие дошкольного образования в Татарстане (конец XVIII – середина XX в.). Автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 14–15.

14 ГА РТ. Ф. Р-2614. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

15 Там же. Д. 9. Л. 2.

16 Там же. Л. 23а.

17 Прохорова Н. В. Монеты и банкноты России. – М., 2007. – С. 239.

18 ГА РТ. Ф. Р-2614. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

19 Там же. Д. 2. Л. 71.

20 Там же. Д. 9. Л. 7, 10.

ОРГАНИЗАЦИЯ, ЛЕЧЕБНАЯ, УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ РАБОТА КАЗАНСКОГО КЛИНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА – ГИДУВА В 1920–1930 ГГ.

Подольская М.А., кандидат медицинских наук

ORGANIZATION, MEDICAL, EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC WORK OF THE KAZAN CLINICAL INSTITUTE – GIDUV IN 1920–1930

Podolskaya M.A.

Открытие института. На заседании Казанского губернского исполнительного комитета в честь 50-летия В. И. Ленина 22 апреля 1920 г. председатель губисполкома И. И. Ходоровский объявил о создании Казанского клинического института губздава (ККИ) и передаче ему трех зданий лазарета Казанской общины сестер милосердия Красного Креста на ул. Большой Красной. Президиум заседания тут же постановил присвоить ККИ имя В. И. Ленина. 25 апреля об этом сообщила газета «Знамя революции»¹. Казанский клинический институт стал первым советским медицинским высшим учебным заведением для специализации и усовершенствования врачей. Наряду с бывшим Еленинским клиническим институтом Санкт-Петербурга (Ленинграда) ККИ создал и внедрил в широкую практику отечественную государственную систему постдипломного образования врачей.

ККИ организован в тяжелое время. Фронт Гражданской войны

прошел через Казань в сентябре 1918 г., но лишь 1 мая 1920 г. в городе отменили военное положение и комендантский час. Больницы и общественные здания Казани до 1922 г. были заняты госпиталями Красной Армии и заразными бараками, – в Казанской губернии с 1917 г. не прекращались эпидемии тифов, холеры, дифтерии, скарлатины. Несмотря на развитую дореволюционную структуру городского, земского и университетского здравоохранения и собственный медицинский факультет университета, Казанская губерния и окружающие ее регионы к началу 1919 г. испытывали острый дефицит в квалифицированных врачебных кадрах. Причинами этого были уход в ночь с 9 на 10 сентября 1918 г. с войсками Комитета Учредительного собрания накануне входа в Казань красных войск Троцкого 58 профессоров, доцентов и ассистентов медицинского факультета университета, массовая гибель врачей от заразных эпидемических заболева-

ний и на фронтах I Мировой и Гражданской войн. С 1914 г. в армию призывались зауряд-врачами четверокурсники медицинских факультетов. Уцелевшие из них вернулись с войн, не имея врачебных дипломов. Семь военных лет почти не выпускалась необходимая для самообразования врачей российская медицинская периодика, а зарубежная была недоступна. Для скорейшего пополнения здравоохранения РСФСР врачебными кадрами, их «доучивания и переучивания», в 1920 г. на обломках разрушенного российского социума, в условиях жесточайшего политического и экономического кризиса по-революционному решительно и быстро был организован Казанский клинический институт. Первоначально им руководило Временное управление в составе: доктора медицины, доцента клиники нервных болезней Казанского университета Всеволода Прокопьевича Первушина, доктора медицины, частного врача-терапевта, члена коллегии Казанского губздрави Романа Альбертовича Лурии и доктора медицины, заведующего лечебным подотделом Казанского губздрави Виктора Ивановича Иорданского. На своем первом заседании Временное управление объявило, что 1 мая начинается организация Клинического института и формирование его штатов согласно постановления губздрави². На четвертом заседании 8 мая 1920 г. постановили включить в состав ККИ бывший лазарет Казанской общины сестер милосердия Красного Креста для терапевтического, нервного и гинекологического отделений, переимено-

ванную во 2-ю Советскую бывшую городскую Шамовскую больницу для хирургического, глазного, ушного, носового и горлового отделений, Ортопедический институт с протезной мастерской в главе с доктором М. О. Фридландом, 8-й госпиталь для заразных больных. На заседании 15 июня огласили решение Казанского губздрави о присоединении к институту 2-й Детской городской больницы во главе с доктором Е. М. Лепским. В декабре на территории лазарета Красного Креста начало работу физиотерапевтическое отделение под руководством доктора медицины Г. А. Клячкина³. ККИ объявил о трех своих тогда еще локальных и скромных задачах: 1. Поставить выше лечебно-госпитальное дело в Казанских больницах. 2. Дать достаточный материал для нормальной школы сестер милосердия. 3. Организовать курсы для врачей Казанской губернии и смежных губерний Приволжья и Прикамья.

Докладная записка об этих планах была отправлена Казанским губздравом наркомздраву РСФСР Н. А. Семашко⁴. Нарком отвечал в Казань 09.07.1920 г.: «Ознакомившись с Вашей докладной запиской по поводу организации в Казани Клинического института имени Ленина, лечебный отдел Н.К.З. приветствует Вас в этом большом и необходимом начинании и со своей стороны обещает Вам всемерную поддержку в этом деле... О всех Ваших начинаниях и проведении в жизнь Вашей задачи благоволите нас информировать»⁵.

Постоянное Правление института в составе руководства и заведующих

отделениями 05.09.1920 г. избрало первым директором ККИ Р. А. Лурию. Учрежденная правительством РСФСР 25 июня 1920 г. Татарская Советская Социалистическая Республика, ТССР, выстраивала свой управленческий аппарат и структуру. Седьмого февраля 1921 г. Совет ККИ обсуждал проекты «Декрета о создании Казанского клинического института» и «Положения о Казанском клиническом институте»⁶. Через два дня Совнарком Татарии утвердил эти документы, переименовав ККИ в высшее лечебно-учебное заведение Казанский Клинический институт им. т. Ленина Татнаркомздрава и перевел его на свой бюджет. Частично ККИ финансировался из Наркомздрава РСФСР (НКЗ РСФСР).

Декрет № 11 Совета Народных Комиссаров Т. С. С. Р. 9 февраля 1921 г. Гор. Казань: «В целях предоставления широким слоям трудящихся масс возможности пользования квалифицированной лечебной помощью, а также содействия врачам республики в получении специальных знаний и для дальнейшего усовершенствования их, а также для содействия научной разработке вопросов общественной, практической и клинической медицины Совнарком постановил: 1). Учредить в гор. Казани высшее лечебно-учебное заведение – Казанский Клинический институт Татнаркомздрава. 2). Утвердить положение о Казанском Клиническом институте. 3). В ознаменование 50-летия рождения вождя русской революции т. Ленина именовать “Казанский Клинический институт им. т. Ленина”. Председатель Совнарком-

ма Т. С. С. Р. Саид-Галиев. Народный комиссар здравоохранения Т. С. С. Р. К. Мухтаров. Секретарь Совнаркома Т. С. С. Р. Беганский»⁷.

Приказом по административной части директора ККИ № 15 от 31 декабря 1924 г. с 1 января 1925 г. Казанский Клинический институт им. т. Ленина Татнаркомздрава переименован в Казанский государственный институт для усовершенствования врачей им. В. И. Ленина, (Казанский ГИДУВ). В 1924 г. институт включен в число научных учреждений НКЗ РСФСР и почти полностью переведен на его бюджет. В 1925 г. НКЗ РСФСР утвердил Устав Государственного института для усовершенствования врачей им. В. И. Ленина в г. Казани⁸.

Штатное расписание ККИ Казанский губздрав утвердил 19.08.1920 г.⁹ Список своих штатных сотрудников институт сразу подал в Высшую комиссию по освобождению от воинской повинности, поскольку все медики Казани с 1918 г. были мобилизованы в Красную Армию. Еще несколько лет многие педагоги и врачи ККИ вынужденно совмещали работу в институте со службой в военных госпиталях. В марте 1921 г. в списке ККИ на получение мыла числятся 222 штатных сотрудника¹⁰.

В 1922 г. в ККИ работали 14 клинических отделений, теоретических кафедр и Научно-исследовательский трахоматозный институт им. Е. В. Адамюка. В 1923/24 бюджетном году в институте 238 сотрудников. По приказу НКЗ РСФСР от 14 августа 1926 г. за № 03001 штат

института с 01.10.1926 г. составлял 351 единицу. В 1927/1928 учебном году, по данным Краткого отчета о 2-м семестре 1927–1928 учебного года Казанского ГИДУВа им. В. И. Ленина, в институте работало 100 преподавателей, из них 22 профессора, 7 приват-доцентов, обучались 79 врачей ординаторов и интернов, 16 сверхштатных научных сотрудников без стипендий, 27 экстернов, из них татар 11, чуваш 3, вотяков 1. Список по Приказу директора ГИДУВа № 152 на 1 октября 1930 г. включал 364 штатных сотрудника ГИДУВа им. В. И. Ленина и 41 сверхштатного¹¹.

Первые отделения института, лечебная работа. Казанский клинический институт в 1920 г. пригласил на заведование отделениями, в 1925 г. переименованными в кафедры и клиники, профессоров и ассистентов медицинского факультета Казанского университета и докторов медицины, руководивших лечебными учреждениями Казани. В 1920 г. институт организовал часть своих отделений в лазарете Красного Креста, в бывшей усадьбе купцов Оконишниковых и небольшом здании Ортопедического института, а часть разместил в городской и земской губернской больницах, клиниках университета, попытавшись совместить в них преподавание студентам медфака и врачам ККИ. В 1920 г. лечебную и учебную работу ККИ возглавили в терапевтическом отделении доктор Р. А. Лурия, в хирургическом с конца июля до 10 ноября 1920 г. профессор В. Л. Боголюбов¹², с 11 ноября про-

фессор А. В. Вишневский, в акушерско-гинекологическом – профессор А. И. Тимофеев, в нервном – приват-доцент В. П. Первушин, в кожно-венерическом – профессор А. А. Хитрово, в отделении болезней уха, горла и носа (ЛОР) – профессор М. А. Чалусов, в глазном – профессор А. Г. Агабабов, в ортопедическом – главный врач Ортопедического института М. О. Фридланд, в детском – главный врач 2-й Детской больницы доктор Е. М. Лепский, в физиотерапевтическом – бывший владелец крупнейшей в Казани частной многопрофильной лечебницы со стационаром, амбулаторией и Институтом физических методов лечения доктор Г. А. Клячкин. Не имевших научных званий педагогов назвали свободными клиническими преподавателями. ККИ начал лечебную работу в 1920 г. В 1920–1921 гг. коечный фонд института составлял 450–500 коек.

В 1921–1922 гг. Поволжье и смежные регионы страны постиг жесточайший голод. По различным данным голодало 50 млн человек, скончалось от голода 6 млн. Эпидемии заразных заболеваний распространялись беспрепятственно. Заболеваемость голодающих, по данным комиссии Американской организации помощи (ARA), приближалась к 90%. Занятый борьбой с голодом и эпидемиями ТатНКЗ минимально финансировал в основном лечебную работу ККИ. Все в Казани было недоступно – продукты питания, промтовары, медикаменты, строительные материалы, топливо, бумага, книги. В этот тяжелейший

период в правительстве РСФСР не раз поднимался вопрос о закрытии вновь организованных советских институтов. Казанский клинический институт выстоял и постоянно расширялся. «Постановлением правительства Татарской республики от 9 февраля 1921 г. была подведена юридическая база, а с нею и материально-финансовые источники существования и развития института. Хотя средства, отпускавшиеся на содержание института, были более чем скромны (всего 70 пайков и ошеломительная цифра по смете 1922 г. в 30 с лишним млрд руб., в том числе 1081 млн руб. на научно-учебные расходы, что в переводе на эквивалент твердых денег не намного превышало 10 тыс. руб. в год), тем не менее, институт умножал свое хозяйство, больничный инвентарь, предметы ухода за больными, научно-учебное оборудование и создавал кафедры одну за другой»¹³. Осенью 1922 г. после завершения конфликта ККИ и медицинского факультета Казанского университета институт вынужден был покинуть 2-ю Советскую, бывшую Шамовскую больницу и перевести оттуда свои хирургическое, ЛОР, глазное и находившееся в стадии организации патологоанатомическое отделения. Из закрытой Татнаркомздравом 1-й Советской, бывшей губернской земской больницы, предстояло забрать на свои площади кожно-венерическое отделение. К этому времени институт уже освоил большое двухэтажное здание бывшего Дворянско-крестьянского поземельного банка на углу ул. Новогоршечной и Ново-

комиссариатской (ныне ул. Бутлерова и Муштари), где с осени 1921 г. работали Ортопедический институт, физикотерапевтическое отделение, одонтологическая поликлиника и мастерская по ремонту и изготовлению протезов для инвалидов. Осенью 1922 г. после вынужденного перемещения отделений ККИ в это здание въехали из лазарета Красного Креста терапевтическое и нервное отделения, кожно-венерическое из 1-й Советской больницы. В лазарете Красного креста разместились хирургическое, ортопедическое, акушерско-гинекологическое отделения. Для ЛОР-отделения в хирургическом выделили две палаты на 15 коек, операционную и совместную с хирургами амбулаторию. В бывшем особняке Зобниных на ул. Новогоршечной (ныне ул. Бутлерова, д. 14) 14 ноября 1922 г. начал работу вошедший в состав ККИ первый в мировой практике Научно-исследовательский трахоматозный институт им. Е. В. Адамюка. Из 2-й Советской больницы в здание трахоматозного института перевели глазное отделение ККИ. Комплекс зданий лазарета Красного Креста назвали основным отделением ККИ, комплекс в бывшем поземельном банке – Новокомиссариатским отделением. Все отделения института имели поликлиники. Для Новокомиссариатского поликлинику организовали в закрытой Татнаркомздравом в 1921 г. 1-й Рабочей, бывшей Александровской городской больнице на ул. Новогоршечной (ныне ул. Бутлерова, д. 41), для основного – в реквизированном соседнем со старым лазаретом доме

по ул. Большой Красной. Офтальмологи и педиатры вели амбулаторный прием в своих стационарах. В этих зданиях ККИ начал стабильную лечебную работу. Собственные, не совмещенные с клиниками медфака университета ресурсы ККИ видны из медицинских отчетов 1923–1924 гг.¹⁴ К началу мая 1924 г. ККИ имел 470 штатных стационарных коек. Терапевтическая клиника занимала 80 коек, нервная и физиотерапевтическая – по 20, кожно-венерическая – 40, хирургическая – 50, ЛОР – 15, ортопедическая – 35, гинекологическая – 45, акушерская – 15, детская – 80, глазная – 30, трахоматозный институт – 40. Работали клинические лаборатории в отделениях, бактериологическая лаборатория, кабинеты ЭКГ, рентгеновский, патологоанатомический, гимнастический лечебный залы. Отделение физических методов лечения с 1921 г. провело 56271 процедуру¹⁵. Открытая в 1921 г. зубная (одонтологическая) амбулатория обслужила к 1 мая 1924 г. 52172 посещения. Открытая 1 мая 1923 г. консультация матмлада за год приняла 5983 пациента, из них 80% застрахованных. Малярийная станция с мая 1923 г. работала с десятью малярийными пунктами и лабораторией и обслужила 56958 посещений. С 1 января 1924 г. ею выполнено 1084 анализа крови на плазмодии. С ноября 1923 до 1 мая 1924 г. отделениями ККИ принято 5354 бесплатных больных с 30522 посещениями и 209 платных больных с 1259 посещениями. Застрахованных больных и членов их семей с 1 января 1923 г. принято

9803–133049 посещений. Рецептов для стационарных больных в центральной аптеке ККИ выписано 98675. С 15 марта 1923 г. начала работать лаборатория основного отделения. Лаборатория трахоматозного института с ноября 1922 г. провела 1655 исследований. В 1929 г. в клиниках Казанского ГИДУВа стационарных больных пролечено 9258, число койко-дней составило 118145, проведено 100200 разных процедур и исследований¹⁶, в 1934 г. пролечено стационарных больных 9225, принято амбулаторных больных 105661¹⁷.

После 1922 г., в связи с дефицитом в Казани профессорско-преподавательского состава и учебно-лечебных площадей, некоторые кафедры и клиники ГИДУВа и мединститута постепенно вновь начали объединяться, их общие педагоги работали на территориях общих отделений и одновременно являлись сотрудниками университета и ККИ. В 1935 г. Казанский ГИДУВ имел свои кафедры и клиники в собственных зданиях, в больницах ТатНКЗ и в отделениях больниц с совмещенными кафедрами ГИДУВа и мединститута. Собственные клиники ГИДУВа располагались: в бывшем лазарете Красного Креста в д. 47 на ул. Большой Красной акушерско-гинекологическая на 70 коек, хирургическая – 65 коек, военно-полевой хирургии на 25 коек; на ул. Комлева в д. 14 в бывшем здании Окопниковых – детская клиника на 60 коек; в бывшем здании Поземельного банка в д. 44/13 на углу ул. Бутлерова и Комлева – терапевтическая клиника на 75 коек, нервная на 40 коек,

физиотерапевтическая на 35 коек; в бывшем доме Зобниных на ул. Бутлерова д. 14 – трахоматозный институт и глазная клиника на 70 коек. Все клиники ГИДУВа обслуживали размещенные на их территориях клиническая и бактериологическая лаборатории, рентгеновское и патологоанатомическое отделения. Больницы ТатНКЗ с совмещенными кафедрами ГИДУВа и мединститута: кожно-венерическая больница на ул. Большой Красной на 35 коек; клиника уха, горла и носа на 40 коек и психиатрическая клиника на 60 коек на ул. Госпитальной за Земляным мостом; Туберкулезный институт ТатНКЗ на углу ул. К. Маркса и Комлева д. 3/62 на 40 коек; Инфекционная больница ТатНКЗ в д. 39 на ул. 1-й Академической на 250 коек; отделение ортопедии и травматологии в Старой клинике на ул. Чернышевского на 45 коек. Кроме того, ГИДУВ и мединститут совмещали свои кафедры общественной и социальной гигиены в здании Института социальной гигиены в д. 18 на ул. Бутлерова¹⁸.

Учебная работа. Второго мая 1920 г. ККИ начал зачислять в свой штат сестер милосердия – учениц школы Казанской общины Красного Креста¹⁹. Сестры милосердия были нужны воюющей Красной армии, поэтому, в отличие от общины, школу не закрыли, а переименовали в Нормальную школу сестер милосердия, отдали основанному на ее базе Казанскому клиническому институту и поручили В. П. Первушину заведовать ею. Обучение врачей в ККИ началось осенью 1920 г. с чтения эпизодических лекций.

«К этому времени число научных работников Института (интернов и ординаторов) было достаточно, и отдельные преподаватели приступили уже к чтению эпизодических курсов, привлечших сразу внимание не только молодых, но даже имеющих многолетний стаж врачей, и сразу выявивших острую потребность в учреждениях типа Клинического института. Лекции для врачей, обходы, разборы больных, практические занятия с врачами, – все это происходило по вечерам, так как и слушатели и преподаватели днем работали в госпиталях, больницах, клиниках и амбулаториях»²⁰.

В сентябре 1920 г. правление ККИ поручило В. П. Первушину и Е. М. Лепскому разработать «Положение об ординаторах и экстернах»²¹.

В 1920 г. в семь первых отделений института поступили первые врачи интерны, экстерны и ординаторы сроком обучения 1–3 года. В 1921 г. ТатНКЗ впервые планомерно направил на стажировку в ККИ 22 выпускников медфака. В 1922 г. НКЗ РСФСР определил Казанскому клиническому институту группы обучающихся: 1. Врачи из округов, губерний РСФСР и автономных республик, прикомандированные для усовершенствования по стипендиям Центра (НКЗ РСФСР) или на местные средства. 2. Врачи ординаторы и экстерны, приходившие в институт для специализации по собственной инициативе. Чаще это были недавние выпускники медфака Казанского университета. Ординаторы были штатными сотрудниками ККИ. Экстерны

в штат не зачислялись, не получали стипендию и продуктовый паек. 3. Научные сотрудники из числа окончивших ординатуру врачей, оставленные в институте для получения углубленного специального образования по одной из дисциплин, – кадровый научный резерв института.

С конца 1922 г. в ККИ на циклы усовершенствования по московской разрядке начали планомерно направляться курсанты со стипендиями Центра и местных органов власти, прикомандированные слушатели курсов с разным медицинским опытом. Потребность в постдипломном образовании врачей оказалась велика, и число обучающихся в ККИ быстро возрастало. В первом триместре 1922 г. классические лекционные курсы читали профессора университета офтальмолог А. Г. Агабабов²², хирурги А. В. Вишневский и В. Л. Боголюбов, терапевт С. С. Зимницкий, невропатолог В. П. Первушин, акушер-гинеколог А. И. Тимофеев, дерматолог А. А. Хитрово, хирург и отоларинголог М. А. Чалусов. Свои курсы вели клинические преподаватели – заведующие отделениями ККИ. Впервые в Казани начали преподавать врачам М. О. Фридланд – ортопедию и травматологию, Г. А. Клячкин – физиотерапию, Р. А. Лурия – гастроэнтерологию, рентгенодиагностику внутренних заболеваний, практику ректороманоскопии и лабораторных методов исследований у постели больного, Е. М. Лепский – поликлинику детских заболеваний²³.

С осени 1921 г. курс «Теория и практика кардиографии» вел

профессор университета А. Ф. Самойлов, начали работать бактериологический и патоанатомический кабинеты. В процессе преподавания уточнялись потребности обучающихся и возможности института, что позволило приступить к разработке первых учебных планов. За 1920–1925 гг. в ККИ проведено 297 курсов обучения врачей профессорами и докторами медицины и 189 курсов ассистентами и ординаторами. К 1926/1927 учебному году в ККИ были организованы кафедры социальной гигиены, гигиены и санитарии, оперативной хирургии с топографической анатомией, рентгенологии, курсы психиатрии, стоматологии, фтизиатрии, лабораторной диагностики²⁴.

Профессора университета и ветеринарного института читали новые для институтских слушателей курсы: Н. К. Горяев – избранные главы гематологии, С. С. Зимницкий – инфекционные болезни, А. Ф. Самойлов – курс внутренней секреции, К. Г. Боль – учение о воспалении, И. П. Васильев – избранные отделы частной патологической анатомии, М. П. Тушнов – бактериологическую методологию, протеинотерапию и неспецифический иммунитет, А. Я. Богородский – военно-химическую оборону страны. Доктор медицины С. М. Шварц вел курс по практическим вопросам профилактической медицины и гигиены труда. Появились в расписаниях ККИ и общественные науки, Бродовский, Полянский и другие преподавали основные вопросы современной общест-венности. В 1930 г. в институте

открыта кафедра диалектического материализма. В 1927–1929 гг. за семестр в ККИ на четырехмесячных курсах обучались по 150–170 врачей-курсантов из десятков регионов РСФСР.

До 1925 г. в ККИ учебные планы строились по триместровой системе, с 1926 г. – по семестровой, к 1929 г. – по гибридной. В 1925/1926 учебному году институт перешел на цикловую систему преподавания. Для этого весь поток курсантов разделялся на циклы по основным направлениям: хирургия, терапия, педиатрия, глазные болезни, социальная гигиена, туберкулез. К 1930 г. циклов осталось четыре: терапевтический, хирургический, детский и глазной. Внутри них врачи планово посещали лекции нескольких клиник или кафедр. Например, хирурги слушали лекционные курсы и проходили практику по общей хирургии, ортопедии, акушерству-гинекологии, оториноларингологии, оперативной хирургии. Терапевты обучались теории и практике внутренних, инфекционных болезней, гематологии, электрокардиографии, лабораторной диагностике, физиотерапии. Теоретические предметы преподавали на всех циклах. В связи с отсутствием офтальмологов в широкой лечебной сети для организации первичного приема трахоматозных больных участковыми терапевтами и хирургами на всех циклах преподавали и вопросы трахомы. Такой учебный план позволил эффективно готовить врачей-универсалов для участковой практики. Именно участковые врачи долгое время составляли основную

часть курсантов ККИ–ГИДУВа. В 1927/1928 учебном году из 150 курсантов за семестр участковых врачей было 110 (73,4%), городских врачей, тоже в основном участковых, – 40 (26,6%)²⁵.

В 1924–1925 учебном году Казанский ГИДУВ первым в стране разработал и утвердил программы и организовал циклы для массовой подготовки универсальных участковых и сельских врачей. Опыт этой работы Р. А. Лурия в феврале 1927 г. изложил в Москве в докладе «К вопросу об усовершенствовании участковых врачей» на Первой Всероссийской конференции по стажу и усовершенствованию врачей²⁶. Это начинание Казанского ГИДУВа предвосхитило постановление ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» и резолюцию по нему на VII Всероссийском съезде здравоохранения в 1930 г. Десятки лет методические разработки Казанского ГИДУВа по организации учебного процесса были базовой основой для всех ГИДУВов СССР. Врачей-специалистов в ККИ обучали в ординатуре и интернатуре по программам, утвержденным в НКЗ РСФСР.

Неоднократно Казанский ГИДУВ ставил в НКЗ РСФСР вопрос о необходимости упорядочения оплаты командировочных расходов врачам, направленным для обязательного усовершенствования. В 1920 г. продуктовые пайки и денежное довольствие обучающимся в ККИ врачам согласно декрета № 11 СНК ТССР от 9 февраля 1921 г. гарантировали Тат-НКЗ и находившийся на его бюджете

институт. С началом НЭПа и свободной продажи продуктов питания командировочные расходы врачам-курсантам оплачивали ГИДУВы в размере стипендии 50 руб. в месяц и проездных. При этом заработная плата врачам на местах не выплачивалась. Инфляция в стране была ошутимая, и скоро этих 50 руб. врачу уже не хватало для самой экономной жизни в общежитии, оплаты городского транспорта и скудного питания. Во время учебы курсантов их семьи страдали материально, особенно если врач был единственным кормильцем. Нередко в лечебных учреждениях должность уехавшего на учебу врача не сохранялась за ним, он терял работу. Эту проблему руководство НКЗ РСФСР принял к рассмотрению лишь после выступлений представителей ГИДУВов страны на Первой Всероссийской конференции по стажу и усовершенствованию врачей в 1927 г. В 1929–1930 учебном году без оплаченных командировок с мест работы врачей-курсантов на учебу в ГИДУВы уже не зачисляли. К 1930 г. по распоряжению НКЗ РСФСР Казанский ГИДУВ ввел заочную форму подготовки врачей для создания им лучших условий совмещения работы и учебы, экономии расходов на командировки, эксплуатацию общежитий и многое др.²⁷ Эта форма преподавания не оправдала себя. Врачи-курсанты требовали практических занятий в операционной, у постели больного, в лаборатории, даже на очных циклах постоянно писали коллективные просьбы увеличить часы практики. Поэтому для приближения постдипломного обу-

чения врачей к их рабочему месту Казанский ГИДУВ организовал 12 своих филиалов в регионах страны. В них на длительные командировки выезжали сотрудники института. Тогда же появился опыт организации выездных циклов, постепенно заменивших преподавание в филиалах.

ККИ–ГИДУВ активно организовывал преподавание врачам разных национальностей РСФСР. Этот опыт коренизации врачебных кадров стал первым в ГИДУВах страны. В докладе на празднике пятилетия института Р. А. Лурия отметил: «Большой заботой института было привлечение в его стены национальных меньшинств. Эта задача далеко не легкая, потому что таких врачей очень немного. И тем не менее у нас имеются врачи татары, врачи чувашаи и врачи вотяки. Институт принимал все меры, чтобы связаться с правительствами автономных республик и доказать им необходимость послышки за их счет врачей для усовершенствования, чтобы потом эти врачи работали, зная быт и язык наших народов»²⁸.

В 1930 г. учебный план Казанского ГИДУВа на курсах специализации был составлен по системе двух семестров в год по 4,5 месяца. Для курсов усовершенствования план включал три триместра в год по 3 месяца. Кроме стационарных курсов по 3–5 месяцев проводились кратковременные курсы без отрыва от производства по малярии, трахоме, туберкулезу, организации здравоохранения, усовершенствованию городских врачей. Информацию о курсах институт рассылал за 2 месяца

до их начала в Накромздравы и Облздравы СССР. Квоты на путевки выдавал НКЗ РСФСР, на местах их распределяли Облздравы²⁹.

На праздник пятилетия Казанского ГИДУВа 25 сентября 1925 г. в Казань приехали накомздрав РСФСР Н. А. Семашко и все его заместители. Газета Красная Татария выпустила посвященный институту номер³⁰. В посвященной этому юбилею книге Р. А. Лурия сказал: «Мы можем считать удачным опыт создания учреждения, имеющего целью, с одной стороны, широко давать трудящимся квалифицированную лечебную и профилактическую помощь, с другой готовить для страны кадры специалистов-врачей, в которых возрождающаяся республика ощущает такую острую нужду при строительстве новой советской медицины и, наконец, с третьей, призванным быть центром, где работающий на периферии среди народных масс врач мог бы возобновить свои знания, усовершенствоваться и быть в курсе современных достижений медицинской науки»³¹.

Научная работа. В 1920–1922 гг. ККИ еще не имел материальной базы для клинических и экспериментальных исследований, и свою научную работу начал в форме научных собраний по примеру заседаний общества врачей при Казанском университете. На этих собраниях ведущие специалисты института и университета перед врачебной аудиторией делали доклады, дискутировали. Первое научное собрание прошло вечером 25 сентября 1920 г. в аудитории лазарета Красного Креста.

Ставшие популярными в городе, эти ежемесячные собрания проходили в переполненном зале. Объявления о них публиковали городские газеты. К 1925 г. прошло 65 собраний с 178 научными докладами, демонстрациями и сообщениями. На юбилейном сотом собрании с докладом «Врач и психогенез некоторых заболеваний внутренних органов» выступил Р. А. Лурия³².

В начале 1923 г. институт начал снабжаться из Москвы и по кредитам НКЗ РСФСР из Европы поступала исследовательская аппаратура, реактивы, удалось организовать виварии. В отделениях оживилась сначала клиническая, позже и экспериментальная научная работа, результаты ее публиковались в периодической отечественной и зарубежной медицинской печати. С 1920 по 1940 г. сотрудниками ККИ опубликовано 2444 научных статьи, из них 279 по терапии, 181 по нервным болезням, 128 по дерматологии-венерологии, 154 по хирургии, 136 по оториноларингологии, 190 по педиатрии, 90 по социальной гигиене, 60 по военно-полевой хирургии³³. Сотрудники института активно участвовали во Всероссийских съездах врачей. Только в мае 1925 г. были командированы на съезды терапевт ассистент Р. И. Лепская, хирурги профессор В. Л. Боголюбов и доктора Н. А. Герасимова и Ю. А. Ратнер, физиатр профессор Г. А. Клячкин, рентгенолог доктор М. И. Гольдштейн, венеролог доктор С. Я. Голосовкер, педиатр профессор Е. М. Лепский, эпидемиолог ассистент Л. И. Виленский³⁴. В 1925–1929 гг. в научных

командировках в Европе побывали профессора ККИ Р. А. Лурия, Е. М. Лепский, Г. А. Клячкин.

Издательская деятельность. В ноябре 1920 г. коллегия ККИ приняла предложение В. П. Первушина начать издание печатных трудов института³⁵. В голодном 1921 г. ККИ сумел найти средства лишь для возобновления прерванного в годы войн и революций издания «Казанского медицинского журнала». Редактором его стал профессор университета В. С. Груздев, соредактором сотрудник ККИ В. И. Иорданский. Издательство «Казанского медицинского журнала» выпускало еще и книги сотрудников ККИ. С 1927 по 1929 г. в ККИ работали под руководством Р. А. Лурии собственные редакционно-издательский комитет и издательство с правом торговли книгами.

Сведения об авторе: Подольская Марина Алексеевна, кандидат медицинских наук, Казанская государственная медицинская академия, e-mail: maro7@mail.ru.

Аннотация. Казанский клинический институт, в 1924 г. переименованный в Казанский государственный институт для усовершенствования врачей, организован в 1920 г. как высшее учебное заведение для доучивания и переучивания врачей, быстрого пополнения дефицита их кадров, утраченных во время войн, революций и эпидемий 1914–1920 гг. Экономический кризис и массовый голод в Казани и регионе в 1921–1922 гг. не помешали строительству нового института, создавшего не только модель советского высшего учебного медицинского заведения нового типа с лечебной, учебной и научной работой, но и государственную систему постдипломного образования врачей РСФСР. В настоящей публикации приводятся малоизвестные документальные факты 1920–1930 гг. об организации Казанского клинического института – ГИДУВа, о начале в нем лечебной, учебной и научной работы.

Ключевые слова: Казанский клинический институт, Казанский государственный институт для усовершенствования врачей (ГИДУВ), постдипломное образование врачей.

Abstract. The Kazan Clinical Institute, in 1924 renamed the Kazan State Institute for the Improvement of Physicians, was organized in 1920 as a higher educational institution for retraining and retraining of physicians, quickly replenishing the shortage of their personnel lost during the wars, revolutions and epidemics of 1914–1920 gg. Economic crisis and mass famine in Kazan and the region in 1921–1922. did not interfere with the construction of a new institute, which created not only a model of a new type of Soviet higher educational medical institution with medical, educational and scientific work, but also the state system of postgraduate education of doctors in the RSFSR. This publication provides little-known

documentary facts of 1920–1930. about the organization of the Kazan Clinical Institute – GIDUV, about the beginning of medical, educational and scientific work in it.

Key words: Kazan Clinical Institute, Kazan State Institute for Postgraduate Medical Education (GIDUV), postgraduate education of doctors.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Знамя революции: ежедневная газета. – 1920. – № 90, 25 апреля.
- 2 Протокол № 1 временного Управления Клинического института Губздрава от 1 мая 1920 г. // Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 3 Протокол № 15 временного Правления Клинического института от 23 октября 1920 г. // ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 1. Л. 41–58.
- 4 ГА РТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 879. Л. 17–18.
- 5 Там же. Л. 19.
- 6 Там же. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- 7 Приложение № 32/333 к газете «Известия» 10.02.2021 г.
- 8 ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 30. Л. 4–6.
- 9 Там же. Д. 1. Л. 10.
- 10 Казанский клинический институт. Список на получение мыла за март 1921 года // Фонд музея КГМА, 1921 г. С. 1–2.
- 11 Приказ по управлению Казанского ГИДУВа № 152 от 05.10.1929 г. Приложение № 1. С. 1.
- 12 ГА РТ. Ф. 7347. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- 13 Мастбаум М. И., Эпштейн Т. Д. Из истории одного Советского ВУЗа. – Казань, 1935. – С. 3.
- 14 ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 14. Л. 182, 182 об.
- 15 Там же. Л. 183.
- 16 Эпштейн Т. Д. Vademesum врача-слушателя по Государственному институту для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в Казани. 1929–1930 учебный год / под ред. и с предисловием директора института профессор Р. А. Лурия. – Казань: ГИДУВ, 1930. – С. 22.
- 17 Паспорт Государственного Института для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в Казани: (1920–1935): Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, Управление медобразования. – Казань: Татполиграф, 1935. – 46 с.
- 18 Протокол заседания правления ККИ № 2 от 02.05.2020 г. // ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- 19 ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- 20 Государственный институт для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в г. Казани: 1920–1925 гг. / под ред. Р. А. Лурия, Е. М. Лепского, А. И. Тимофеева, М. О. Фриланда. – Казань: [1-я гостип. Красный печатник], 1925. – С. 13–15.
- 21 Протокол № 12 зас. правления ККИ от 16.09.1920 г. // ГА РТ. Ф. 7347. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
- 22 Подольская М. А. А. Г. Агабабов и его роль в организации Казанского научно-исследовательского трахоматозного института // Научный Татарстан. – 2022. – № 1. – С. 25.
- 23 Расписание лекционных курсов Казанского Клинического института на 1 триместр 1922 г. // Фонд музея КГМА. С. 2.
- 24 Расписание занятий ККИ 1926/1927 г. // Фонд музея КГМА. С. 2.
- 25 Краткий отчет о 2 семестре 1927–1928 учебного года Казанского ГИДУВа им. В. И. Ленина // Фонд музея КГМА. С. 1.
- 26 ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 28. Л. 20–29.
- 27 Боголюбов В. Л. К итогам десятилетней деятельности Казанского государственного института для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина // Казанский медицинский журнал. – 1931. – № 6. – С. 557–563.
- 28 ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 21. Л. 4–19.
- 29 Эпштейн Т. Д. Vademesum врача-слушателя по Государственному институту для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в Казани. 1929–1930 учебный год / под

ред. и с предисловием директора института профессор Р. А. Лурия. – Казань: ГИДУВ, 1930. – С. 19.

30 Красная Татария. – 1925. – № 216 (2293), 25 сентября; ГА РТ. Ф. Р-7347. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

31 Государственный институт для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в г. Казани: 1920–1925 гг. / под ред. Р. А. Лурия, Е. М. Лепского, А. И. Тимофеева, М. О. Фриланда. – Казань: [1-я гостип. Красный печатник], 1925. – С. 6.

32 Лурия Р. А. Врач и психогенез некоторых заболеваний внутренних органов: Доклад на 100-м научном собрании врачей Государственного Института для усовершенствования врачей им. В. И. Ленина в Казани: рукопись // Фонд музея КГМА, 1928. 23 с.

33 Паспорт Государственного Института для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в гор. Казани / Наркоздрав РСФСР, Управление Высших Медицинских учебных заведений. – Казань: Типография АХО НКВД ТАССР, 1940. – С. 22–23.

34 Приказ по Управлению Директора Казанского ГИДУВа № 34 от 17 мая 1925 г. // Фонд музея КГМА. С. 1; Приказ по Управлению Директора Казанского ГИДУВа № 3625 мая 1925 г. // Фонд музея КГМА. С. 1.

35 Прот. 17. Коллегии ККИ от 22.11.1920 г. // ГА РТ. Ф. 7347. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

36 Семашко Н. А. Детище Октября // Сборник трудов Государственного института для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в Казани. Т. 1: Казанский Государственный Институт для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина. – Казань: Главнаука, 1929. – С. 5–7.

К 80-летию Сталинградской битвы

ПИСЬМА СОЛДАТ С ФРОНТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Миниханов Ф. Г., кандидат исторических наук

LETTERS FROM THE FRONT AS A HISTORICAL SOURCE

Minikhanov F. G.

В 2023 г. исполняется 80 лет одному из важных исторических событий Второй мировой войны – Сталинградской битве. Чем больше времени отделяет нас от этой исторической даты, тем внимательнее мы вчитываемся в документальные источники того периода, чтобы дать объективный анализ событиям переломного момента истории нашей страны. И сегодня, в юбилейный год, не утихает полемика о тех драматических баталиях на Волге лета и осени 1942 – зимы 1943 г. Несмотря на обилие публикаций, важнейшие вопросы нуждаются в серьезном переосмыслении. Многие проблемы войны до сих пор плохо документированы в исторической литературе и слабо изучены¹. Объективному анализу трагических событий 1939–1945 гг. препятствует и закрытость российских архивов. В 2020 г. был продлен режим секретности данных о Второй Мировой войне до 2040 г.

На наш взгляд, более глубокого изучения требуют ключевые, переломные события начального периода войны, боевых операций

лета и осени 1942 г., в том числе Сталинградской битвы, ошибки и просчеты командования, и главное – цена победы. К сожалению, до сих пор не установлена окончательная, достоверная цифра потерь Советского Союза на фронтах Великой Отечественной войны. Долгие годы сведения о погибших были самой неисследованной страницей в истории войны. Мы, дети и внуки победителей, десятки лет оставались в неведении об истинной цене Великой Победы. Из всех стран-участниц Второй мировой войны Россия – единственная, которая до сих пор до конца не знает свои людские потери². По разным причинам занижалось число жертв. До 1960-х гг. называлась цифра 7 млн, в 1965–1980-е гг. – 20 млн чел., 8 мая 1990 г. была озвучена цифра 27 млн погибших. В парламентских слушаниях в Государственной Думе 14 февраля 2013 г. было заявлено, что «безвозвратные потери населения СССР в результате действия факторов войны составили 41 млн 979 тысяч человек»³.

О сохранении исторической памяти, предотвращении фальсификаций истории Великой Отечественной войны, объективном ее изучении и освещении неоднократно говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин. Так, 4 ноября 2022 г. на встрече с членами Российского исторического и Российского военно-исторического обществ он подчеркивал, что «для государства, власти, общества, граждан крайне важны объективные, полные знания о нашем прошлом: и далеком прошлом, и близком, недавнем. Все здесь имеет значение, особенно сегодня, а значит, растет запрос и на работу высокопрофессиональных историков, ученых, вузовских преподавателей, школьных учителей»⁴. Такую же позицию Президент России изложил в своей речи перед ветеранами Великой Отечественной войны, посвященной 80-летию Сталинградской битвы 2 февраля 2023 г.⁵

Однако главные подходы к описанию событий Второй мировой и Великой Отечественных войн и сегодня остаются незыблемыми: война – это победы, единство фронта и тыла, героизм солдат, мудрость полководцев и т. д. Все еще создаются вымышленные легенды и мифы о народных героях, полководцах, блестящих победах. Но сама Великая Отечественная – не только война и не только победа, но и страшная трагедия, поэтому она нуждается в более сосредоточенном и глубоком к себе отношении, более целостном и даже более скорбном осмыслении.

Правда, некоторые попытки изменить положение дел предпри-

нимались в эпоху перестройки и гласности. В 1990-е гг., благодаря рассекречиванию некоторых архивных фондов, в том числе КГБ, а также появлению новых мемуаров участников Великой Отечественной войны мы узнали, что была другая война, другая победа и другие жертвы. Например, в 2000 г. московский издательский дом «Звонница-МГ» выпустил сборник, посвященный Сталинградской битве. В нем впервые публикуются рассекреченные материалы двух оперативных подразделений НКВД СССР, которые воссоздают картину противостояния двух противоборствовавших сил – Красной Армии и вермахта⁶.

Из документальных источников, опубликованных в 1990-е – начале 2000-х гг., мы узнали ранее неизвестные страницы о повседневной жизни солдат и офицеров непосредственно в условиях военных действий. Особенно важную роль здесь играют солдатские письма, которые открывают совсем другое лицо войны и показывают ее изнутри. Благодаря им «окопная правда» становится достоянием широкой общественности. Письма с фронта придают сражениям Великой Отечественной войны человеческое измерение, в них предстает субъективная реальность войны.

Письмам военного времени характерны некоторые отличия от других видов источников. Это их содержание, а также такие особенности, как шифровка адресов (полевая почта № ...) и вмешательство военной цензуры. Военная цензура была по обе стороны фронта. Но, в отличие от

нашей, немецкая цензура в начальный период войны была мягче. Она изымала только письма антифашистского, антинацистского характера, и письма, содержащие военные секреты. В Советском Союзе деятельность военной цензуры кардинально отличалась от немецкой, охватывала практически все стороны военной, политической и экономической жизни страны. Сбором материалов в основном занимались два оперативно-чекистских подразделения Наркомата внутренних дел СССР: управления особых отделов и 3-го отделения 2-го специального отдела. В условиях приближающейся войны и ее начала для налаживания эффективных действий военной контрразведки во фронтовой обстановке проводилась реформа органов госбезопасности. В феврале 1941 г. НКВД был разделен на два наркомата: НКВД (Л. П. Берия) и НКГБ (В. И. Меркулов). Тогда же был расформирован особый отдел ГУГБ НКВД СССР, его функции были переданы вновь созданным 3-м управлениям⁷. Многочисленные преобразования силовых структур были завершены 20 июля 1941 г. объединением НКВД и НКГБ в единый наркомат Внутренних дел во главе с Л. П. Берией⁸.

В ходе реорганизации 3-го управления Народного комиссариата обороны и слияния наркомов внутренних дел и государственной безопасности общее руководство военной цензурой было передано 2-му специальному отделу НКВД, занимавшемуся оперативной техникой. На него была возложена борьба со шпионажем и предательством.

Согласно установленному порядку, для предотвращения разглашения военной тайны, а также «распространения антисоветских, провокационных, клеветнических и иных сведений через красноармейскую почту», часть адресованной на фронт корреспонденции и *все письма* (выделено нами. – Ф.М.), отправлявшиеся из действующей армии, просматривались в отделениях военной цензуры. Вся подвергаемая досмотру корреспонденция вскрывалась и помечалась штампом «Просмотрено военной цензурой» и разделялась на три группы; – «одобрительные», «проблемные» и «критические» (антисоветские)⁹. В сводках военной цензуры одобрительные письма составляли подавляющее большинство. Так, в сводке отделения Военной цензуры Особого отдела НКВД Сталинградского фронта «О перлюстрации писем», количество одобрительных писем составляло 187767 из 190367 просмотренных писем с 15 по 31 июля 1942 г. (98,6%). Среди них писем семейно-бытового характера было 105372 (55,3%), с положительными сообщениями 82395 (43,3%), а писем с отрицательными сообщениями всего 2600¹⁰. По словам военного цензора 62 армии Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, «многие письма отражают здоровое политико-моральное состояние личного состава частей армии, высокий дух патриотизма, преданность Родине и готовность вести борьбу с фашизмом до полного разгрома немецкой армии»¹¹.

Анализируя первую группу корреспонденций, особенно семейно-

бытового характера, замечаешь, что главным в письмах красноармейцев было стремление как-то успокоить своих близких, показать, что им живется не так уж плохо, и они не так рискуют, как пытаются представить в тылу их родные. В каждом письме солдат передает привет десяткам людей, спрашивает о здоровье родных, соседей, интересуется жизнью односельчан, погодой и т. д. Они написаны простым, бесхитростным языком, в основном о том, что их волнует, как например, в письмах уроженца Черемшанского района ТАССР Рафгата Ахтямова. В них, например, он спрашивает родителей: «Нынче кто-нибудь сделал ли скворечник? Весной, когда сойдет снег, сходите на кладбище и поправьте могилы родных. Если не сделаете, то я обижусь», или: «Смогли ли заготовить сено? Как поспевают огурцы... Очень скучаю по своей гармошке, так хочется поиграть»¹². Вот в таких незатейливых и не очень грамотных восточках домой видишь неподдельность чувств, тоску по дому и светлую любовь к родным.

При обработке проблемных и части одобрительных писем, военные цензоры вымарывали («подвергали затушевке») отдельные фразы, содержавшие запрещенные сведения, а «критические» конфисковывали и уничтожали. Круг изымаемых писем был довольно широк. Из сводок военной цензуры особых отделов НКВД видно, какого содержания письма конфисковали и по каким мотивам. Основаниями для изымания корреспонденции были следующие: письма антисоветского и провокаци-

онного характера; побуждение к дезертирству и о дезертирстве; жалобы солдат и семей военнослужащих; сообщения о результатах бомбежек вражеской авиации; об эпидемических заболеваниях; реагирования в связи с эвакуацией с прифронтовых районов; реагирования в связи с отступлением Красной Армии; упаднические; религиозные; написанные на немецкой бумаге с изображением символики германской армии или рода войск; написанные на портретах вождей партии и правительства; разное¹³.

Кроме источников личного происхождения, высокой информационной насыщенностью обладают документы официального происхождения (донесения, докладные и служебные записки), где значительное место уделяется обзору конфискованных солдатских писем и скрупулезно фиксируются настроения не только представителей различных групп военнослужащих – от рядовых и офицерского состава до генералитета, а также населения воюющих сторон и органов власти. Специальные сообщения и сводки о перлюстрации красноармейской почты и отмеченные в них настроения можно также разделить на 3 группы: одобрительные, проблемные и критические. В документах видна и реакция на поражения Красной Армии, на мероприятия командования, недостатки в снабжении, медицинском обслуживании личного состава и другие проблемы фронта и тыла, вплоть до мнений о перспективах и планах союзников по антигитлеровской коалиции.

Конфискованные письма позволяют более полно раскрыть такие малоисследованные и слабо документированные в исторической литературе проблемы истории Великой Отечественной войны, как война и общество, тенденции развития общественных настроений, наиболее распространенные ожидания и психологические установки людей в экстремальных условиях войны. Особенно важно и ценно сравнение настроения солдат по обе стороны советско-германского фронта в динамике на протяжении как оборонительного, так и наступательного этапов битвы. Документы (письма, сводки, спецсообщения, донесения, докладные и служебные записки, допросы пленных и т.д.) демонстрируют широкий спектр настроений, как в противоборствующих армиях, так и среди гражданского населения.

Отметим, что в разные периоды войны мотивы конфискации писем менялись со сложившейся военной обстановкой. В начальный период войны большой процент изъятой корреспонденции составляли письма, содержащие жалобы на плохое питание, информацию о потерях, а также выражающие недоверие официальной пропаганде. Так в «Спецсообщении военной цензуры «О политико-моральном состоянии бойцов 57 армии Южного фронта» отмечается: «Из всех просмотренных военных цензурой установлено 9286 документов положительного характера. Наряду с этим «выявлено 7023 случая с отрицательными высказываниями о положении дел на фронте, а также письма, в которых

содержатся сведения, не подлежащие оглашению (о местонахождении воинских частей, жалобы на плохое питание (331 случай), на вшивость (12 случаев), а также данные о потерях, реагирования на отступление наших войск, бомбежки и эвакуацию»¹⁴. Эти и другие документы свидетельствуют, что даже спустя год после начала войны снабжение войск продовольствием не отвечало требованиям военного времени, солдаты часто жили и воевали впроголодь. Письмо бойца Умара Дизирова подтверждает, что положение с питанием солдат было плачевным, если не отчаянным: «Лазим по воде выше колена, мы голодные, паек очень малый, сыты никак не бываем, а купить за деньги – ничего не купишь». Даже если все-таки еда доставлялась солдатам на передовую, она была не лучшего качества. Например, в письме бойца Сталинградского фронта А. П. Толикова матери (май 1942 г.) читаем: «Насчет продуктов трудновато. По 50 гр. хлеба на день, 2 раза приварок, а приварок такой – пшено и горох, больше ничего нет»¹⁵.

В период оборонительных боев летом и осенью 1942 г. количество таких писем резко увеличивается. Это подтверждается в докладной записке военного цензора, где он отмечает, что «из месяца в месяц количество задерживаемых писем такого характера не снижается, напротив, имеет тенденцию к еще большему росту»¹⁶. Таким положение оставалось до конца 1942 г. и даже начала 1943 г. Невозможно без боли и содрогания читать письмо бойца Агапова своим родным. В разгар обо-

ронительных боев за Сталинград (август, 1942 г.) он пишет: «...Нахожусь в очень плохом положении. Вот уже три дня, как я не кушал. Немец очень сильно бомбит, а я лежу в окопе голодный, на спине пулемет, а стрелять нет сил, хочется кушать и кушать»¹⁷.

Следующую группу по количеству конфискованных писем составляют письма, содержащие информацию о пораженческих настроениях в рядах Красной Армии и выражающие недоверие официальной пропаганде¹⁸. В донесении особого отдела НКВД Сталинградского фронта заместителю народного комиссара обороны В. С. Абакумову сотрудник органов государственной безопасности Р. Р. Селивановский сообщает «о многочисленных фактах панических, антисоветских и пораженческих проявлений, как среди рядового, так и командного состава штаба фронта». «Среди рядового и командного состава фронта, – пишет он, – зафиксированы факты антисоветских и пораженческих настроений, в связи с отходом наших частей»¹⁹. Даже беглый анализ писем и высказываний солдат и офицеров позволяет сделать вывод, что тезису «война недолго, победа малой кровью» уже мало кто верил. На полях сражений они убедились в силе и мощи вермахта. Так начальник отдела укомплектования майор Антонов открыто заявлял: «...Положение у нас крайне тяжелое, почти безысходное; если бы нашелся такой человек, который приостановил эту бойню, это был бы гений и вождь. Так мы довольемся, что на Урале не удержим-

ся»²⁰. Недоверие победе выражено и в словах капитана Погорелова: «...Войну мы ведем, но кто знает, к чему это приведет. Сколько не посылает на фронт техники и живой силы – все уничтожается»²¹. Командир 214 артполка 38 дивизии подполковник Н. Гурылев с горечью признавал: «Большим шумом готовились к войне, а когда соприкоснулись с противником, то он нас разбил. У немцев техника, а у нас еще больше крови»²². А вот некоторые фрагменты писем рядовых А. Колесникова и С. Пилипчука: «...Немецкая армия культурнее и сильнее нашей армии. Нам немцев не победить. Смотрите у немцев какая техника, а у нас, что за самолеты – какие-то кукурузники»; «...видно по ходу войны, что Красная Армия не победит немецкой армии...»²³.

Большой процент изъятой корреспонденции составляли письма, содержащие информацию о потерях в войсках и выражающие недоверие к официальной пропаганде. Скажем, интендант третьего ранга Фингерут писал: «Я больше не верю ни газетам, ни радио, когда они передают сведения об обстановке на фронтах». Общее для многих, если не для большинства солдат, мнение выразил военврач Феклин: «...Если подсчитать по сообщениям информбюро, сколько сбито самолетов, уничтожено солдат, танков, то немецкая армия давно должна быть разбита, а на деле она наступает. В газетах пишут неверно. Верховное командование не знает истинного положения дел на фронтах»²⁴.

Для немцев период их наступления на Сталинград летом и осенью 1942 г. характеризуется постепенной утратой уверенности в успехе блицкрига. Захваченные советскими войсками письма немецких солдат свидетельствуют, что воодушевление, которое было первые месяцы сражений, сменяется сомнениями, подавленным настроением, война начинает представляться долгой и бесперспективной. По донесениям Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, за первую половину августа «в гитлеровской армии участились факты антивоенных высказываний и отказ от выполнения приказов командиров»²⁵. Хотя летом и в начале осени фашисты еще наступали, в письмах немецких солдат стали преобладать пессимистические взгляды относительно сроков войны и ее перспектив. Примечательно в этом плане письмо солдата Гана: «Эта война бесконечная. Мы представляли себе сначала, что когда немецкие войска займут, скажем, Украину, Москва подпишет кабальный договор и дело закончится. Но большевики оказались упорными людьми, и мы вынуждены углубляться все дальше и дальше в глубь России, а это очень опасно и совершенно бесперспективно»²⁶. В сентябрьских докладных записках Особых отделов НКВД Юго-Восточного фронта говорится, что в своих письмах «немецкие солдаты и офицеры признают провал плана наступления на Сталинград, и что немецкое командование недооценило русских сил, так как кругом говорили, что война вот-вот заканчивается.

Теперь снова приходится разочароваться – и это не в первый раз» [оригинал документа цензора, стиль сохранен. – Ф.Г.]²⁷. Крах блицкрига, крушение иллюзий и неуверенность порождали озлобление: «Мы покажем русским, что такое немецкая метла. Там, где проходит немецкий солдат, даже трава уже больше не растет», – пишет тот же немецкий солдат Ганс Цей Эмили Цей. Как видим, тактика «выжженной земли» приобретает реальные очертания. В своих письмах в Германию солдаты вермахта открыто, с удовольствием сообщают о мародерствах, об издевательствах над мирным населением и охотно делятся с родственниками и знакомыми. Из письма обер-ефрейтора вермахта Г. Вигребе брату (30 сентября 1942 г.): «На днях мы отправились в разведку и увидели двух русских. Одного пристрелили, другой убежал, при этом бросив вещевой мешок, в котором оказались сухари и концентрат. Мы его немедленно стали варить...»²⁸. Случаи мародерства, грабежа местного населения становятся повсеместными, а немецкие солдаты, по показаниям радиста полка связи, считают это «правом воина», «законом войны»²⁹. Грабежи и насилия по существу поощрялись самим командованием. Так, в приказе моторизованной дивизии от 22 июля 1942 г. сказано: «... Продовольствие изыскать на месте. Со снабжением в настоящее время считаться не приходится»³⁰. К грабежу и мародерству немецких солдат в своих письмах из тыла подталкивают и их родственники, друзья, знакомые. Таких писем очень много, осо-

бенно на первом этапе битвы. Для иллюстрации приведем несколько их них. Из письма Канцлер своему мужу обер-фельдфебелю Гансу Кинцлеру*: «...Скажи, есть ли там каракуль или другие меха. Я так хотела бы сделать для детей белые меховые пальто... Пожалуйста, поищи там что-нибудь подходящее»; Гари Грассе от родственника И. Гельмут: «Доставь мне подарок из России – все равно, что бы это ни было»; солдату Краузе от брата: «...Мне рассказал один солдат, который лежал здесь в госпитале, что они обычно забирают у пленных русских сапоги. Эти сапоги очень хорошего качества. Не сможешь ли ты мне выслать хотя бы пару сапог»³¹.

В письмах германских военнослужащих и их семей, захваченных с сентября по декабрь 1942 г., по сравнению с предыдущими периодами войны меняется тон. Они свидетельствуют об экономических трудностях, переживаемых фашистским тылом, о моральном состоянии различных групп населения. Вот что пишет солдату Францу Мюллеру его соотечественник (товарищ) из Германии: «...Скоро ли кончится это свинство. Мы получаем теперь меньше хлеба: всего полтора кило на человека в неделю, 300 гр. масла на человека в неделю и одно кило муки на весь месяц. Когда кончится картошка, бог знает, что мы будем кушать. Тогда пойдут в ход майские жуки, молодые лягушки, вороны...»³². В отличие от прежней корреспонденции, в письмах нет веры не только в быструю победу,

но и в победу вообще: «...Дорогой Гельмут, – пишут родители своему сыну, – мы купили себе карту России: Сталино [Сталинград. – Ф.Г.] там очень далеко внизу. Если вы хотите оттуда попасть в Москву, то это далековато. Лучше оставьте это и возвращайтесь домой. Эта война никогда не покажется легкой, все несчастья обрушились на нас и уже не веришь, что мир когда-нибудь будет хорош»³³. Хотя в письмах пока нет открытой критики нацистского руководства и его политики, но недовольство определенной части солдат и населения Германии войной выражено откровенно. Участились случаи дезертирства и пораженческие настроения и у части немецких солдат. «Солдаты нашей роты воевали под страхом расстрела, – пишет немецкий пленный Р. Диккерт. – Во время боя офицеры все время наблюдают за солдатами и при малейшей попытке сдаться в плен или уклониться от боя расстреливают на месте»³⁴.

В декабрьских письмах 1942 г. недовольство переходит к робкой критике войны и режима. Без комментариев приведем несколько выдержек из них: «...Мои дорогие, для нас наступило ужасное время. За мою солдатскую жизнь не было еще такой ожесточенной борьбы и опасности, ...мы ведем теперь войну, какую никогда до сих пор не вели»; «Пора бы войне закончиться, так как повсюду не хватает людей... Что принесет нам 1943 г.»; «Кто бы мог подумать, что после таких, богатых битвами весны и лета, нас постигнет столько страданий... С едой становится

* Различие в написании фамилий соответствует документу.

все хуже»³⁵; «Хватит! Мы с тобой не заслужили такой участи... Да, Кати, война ужасна, я все это знаю, как солдат. До сих пор я не писал об этом, но теперь молчать нельзя. Хоть раз я напишу тебе правду...»; «Покажется ли над горизонтом заря надежды? Покинем ли мы когда-нибудь Россию»³⁶.

Анализируя армейскую почту воюющих сторон, необходимо обратить внимание на содержание писем советских и немецких солдат. Прежде всего, в них отражается разница в менталитете. В письмах красноармейцев, как отмечено выше, главное – успокоить своих близких, что они живы, здоровы, воюют, бьют врага. Письма немецких солдат – обратного, иного содержания. Кажется, они намеренно грузят родственников своими проблемами, жалобами, пытаются перенести часть своих испытаний на близких. Таких писем также очень много, особенно на втором этапе Сталинградской битвы. Приведем несколько характерных выдержек: «...Лучше не говорить Родине всего. Скажу лишь одно то, что в Германии называют величайшим героизмом, есть лишь величайшая бойня... Кладбища вырастали каждый час»; «...Здесь все так плохо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и живу только на супе в обед, а утром и вечером

глоток кофе...»; «Каждый мечтает только об одном, жить, выжить... Я хочу, чтоб вы знали, что я делаю сейчас и что делал недавно. Вы не должны оставаться в неведении»³⁷. Так и слышится: «вы должны знать, как я здесь страдаю, пострадайте и вы вместе со мной!» Здесь важен еще такой момент: к началу второго года войны прозрение стало приходиться к немецким солдатам. Читая письма, сразу замечаешь, во что превратила людей война, и в каком положении оказались самоуверенные «цивилизованные» немцы, которые едят майских жуков и пристреливают собак.

В заключение отметим, что солдатские письма в силу их индивидуального характера позволяют воссоздать атмосферу военного времени, увидеть реальную картину войны. Они предоставляют возможность извлечь из войны уроки, чтобы такое больше не повторилось. Из них мы узнаем, как воевали и жили солдаты, чем делились с родными, о чем мечтали и на что надеялись. В них правда о войне, прежде всего окопная правда. И в каждом письме – человек, его душевный настрой, моральное состояние. Возможно, именно здесь следует искать ключ к пониманию истоков и причин победы нашего народа в этой тяжелейшей войне.

Сведения об авторе: Миниханов Фидайль Гимранович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: fidail1956@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе изучения обширного и малоизученного комплекса неопубликованных эпистолярных источников – конфискованных цензурой фронтовых писем солдат – предпринята попытка воссоздать и показать реальную, целостную картину Сталинградской битвы. Значительное внимание уделено анализу морально-психо-

логического состояния солдат противоборствующих армий. По мнению автора, исследование военных писем позволяет также проследить процесс складывания целого ряда идеологем и осмыслить механизмы их трансляции и фиксации в социальной памяти поколений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Красная армия, вермахт, письма, цензура, цензор, исторический источник.

Abstract. In the article, based on the study of an extensive and little-studied complex of unpublished epistolary sources – front-line letters of soldiers confiscated by censorship – an attempt was made to recreate and show a real, integral picture of the Battle of Stalingrad. Considerable attention is paid to the analysis of the moral and psychological state of the soldiers of the opposing armies. According to the author, the study of military letters also makes it possible to trace the process of folding a number of ideologemes and comprehend the mechanisms of their translation and fixation in the social memory of generations.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Red Army, Wehrmacht, letters, censorship, censor, historical source.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Миниханов Ф. Г. Война изнутри: солдатские письма с фронта // Вестник Казанского университета культуры и искусств. – 2015. – № 2. – Ч. 1. – С. 103.

2 Книга Памяти. Т. 28. – Казань: ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2021. – С. 8.

3 Там же. – С. 15.

4 Выступление Президента на встрече с историками и представителями традиционных религий // <https://historyrussia.org/sobytiya/vystuplenie-prezidenta-na-vstreche-s-istorikami-i-predstavitelyami-traditsionnykh-religij.html>.

5 Учитель истории – Сталинград // Российская газета. – 2023. – 3 февраля.

6 Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры / сост. А. Т. Жадобин и др. – М.: Звонница–МГ, 2000. – 492 с.

7 Там же. – С. 7.

8 Там же.

9 Там же.

10 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 40. Оп. 22. Д. 101. Л. 50–50 об.

11 Там же. Л. 63.

12 Все они хотели жить: Фронтовые письма погибших солдат, воспоминания ветеранов войны / сост. Н. С. Фролов. – Казань: Татарское республиканское изд-во «ХЭтер» (ТаРИХ), 2003. – С. 24.

13 ЦА ФСБ РФ. Ф. 40. Оп. 22. Д. 101. Л. 50 (копия).

14 Там же. Ф. 14. Оп. 5, Д. 96. Л. 84–85.

15 Там же. Л. 89–90.

16 Там же. Л. 91.

17 Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 18.

18 Там же. Л. 161–164.

19 Там же. Д. 912. Л. 158.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же. Л. 1–2.

23 Там же. Л. 3, 153.

24 Там же. Л. 153–154.

25 Там же. Д. 326. Л. 269.

26 Там же. Л. 269.

27 Там же. Оп. 22. Д. 144. Л. 155, 156.

28 Там же. Ф. 41. Оп. 51. Д. 3. Л. 7.

29 Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 326. Л. 266.

30 Там же.

31 Там же. Л. 167–168.

32 Там же. Д. 943. Л. 38.

33 Там же. Д. 326. Л. 168.

34 Там же. Д. 912. Л. 183.

35 Там же. Ф. 40. Оп. 28. Л. 53, 72.

36 Разгром немцев под Сталинградом: Признание врага. – М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны, 1944. – С. 54, 57–58.

37 Миниханов Ф.Г. Война изнутри: солдатские письма с фронта // Вестник КазГУКИ. – 2015. – С. 106–107.

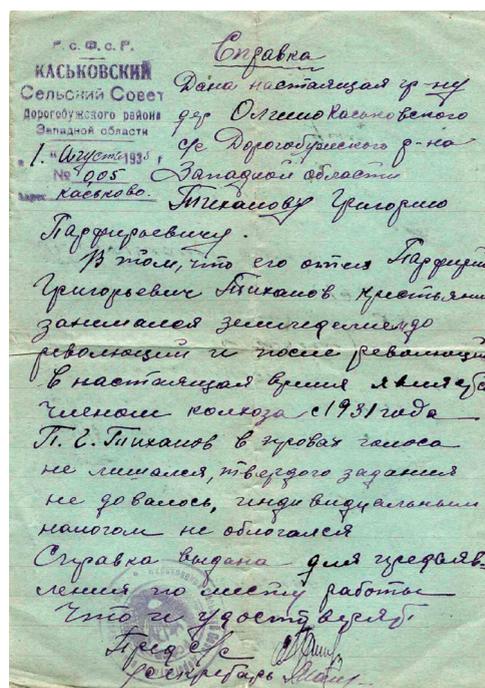
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПАРТИЙНОГО ДЕЯТЕЛЯ, РУКОВОДИТЕЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ГРИГОРИЯ ПОРФИРЬЕВИЧА ТИХОНОВА

Галимуллина Г. Х.

THE LIFE AND WORK OF THE SOVIET STATESMAN AND PARTY LEADER, HEAD OF PRODUCTION GRIGORY PORFIREVICH TIKHONOV

Galimullina G. Kh.

Советский государственный и партийный деятель, руководитель производства Григорий Порфирьевич Тихонов родился 29 сентября (по новому стилю 12 октября) 1899 г. в г. Дорогобуже Смоленской губернии. Отец Г. П. Тихонова в 1877–1910 гг. работал по найму батраком у помещика, затем чернорабочим на одном из небольших кирпичных заводов в г. Дорогобуже, сторожем на Мышегском чугунолитейном, стекольном заводах. В 1910 г. он вернулся домой, в д. Красноболотово, где у него был земельный надел площадью 7 десятин. Он продал землю и через Крестьянский банк* купил участок площадью 16 десятин в сельце Ольгино (исчезнувшая деревня, ныне Починковский район Смоленской области). Купленная земля представляла собой пустошь, покрытую мелкими кустарниками и крупными осиновыми пнями. Хлеб простому крестьянину доставался

Справка-характеристика отца
Г. П. Тихонова – Г. П. Тихонова. 1933 г.

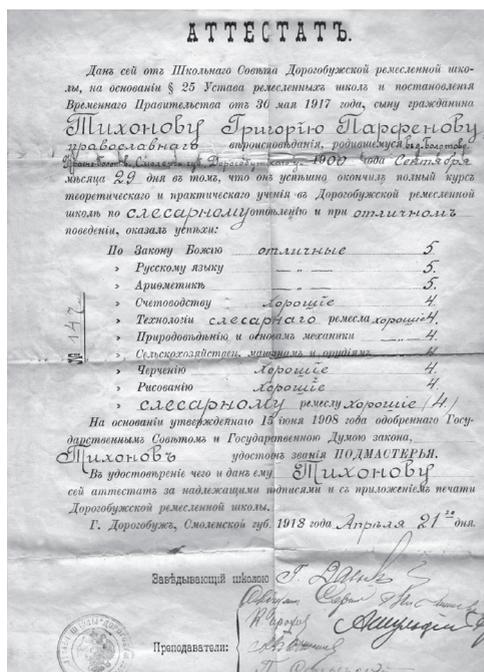
тяжелым трудом – нужно было распахивать землю, сеять рожь, пшеницу, сажать овощи, заготавливать

* Крестьянский поземельный банк (Крестьянский банк) – государственное кредитное учреждение (банк), работавшее в Российской империи в период с 1882 по 1917 г.

сено для скота и дрова. Родителям Григория Порфирьевича приходилось много трудиться, чтобы прокормить семью из семи человек. Отец также поступил чернорабочим на лесопильный завод, где проработал с 1910 по 1918 г. В 1931 г. семья Тихоновых вступила в колхоз. В 1935 г. отец Григория умер, мать же скончалась еще раньше – в 1917 г.

В 1912 г. Григорий Тихонов окончил школу грамоты (открыта в 1894 г.) Смоленской епархии в с. Ректы. В 1913 г. мальчика отдали в ремесленную школу, которая была открыта в феврале 1911 г. в г. Дорогобуже как низшая ремесленная школа со слесарно-токарным и столярно-токарным отделениями. Сюда «принимались дети, окончившие начальную школу, не моложе 13–14 лет. Курс обучения был четырехлетний. Обучение бесплатное»¹.

Получив по окончании ремесленной школы квалификацию слесаря, в августе 1918 г. Г. П. Тихонов едет в Москву и устраивается слесарем «...на завод, носивший название Военно-интендантских мастерских...» (в 1914–1918 гг. в русской армии существовали интендантские управления: главное, окружные, крепостные, корпусные, дивизионные – как распорядительные органы интендантских заведений – складов, мастерских, хлебопекарен и др.). Но уже в конце октября 1918 г. Г. П. Тихонова призывают в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии и направляют в музыкантскую команду 1-х Московских пехотных курсов. В 1920 г. он был откомандирован в запасный пехотный полк в г. Ка-

Аттестат Г. П. Тихонова об окончании Дорогобужской ремесленной школы. 1918 г.

зань. Прослужив в рядах Красной Армии 3 года 8 месяцев, он был демобилизован в мае 1922 г. После демобилизации Тихонов был принят слесарем на Казанский государственный пороховой завод им. В. И. Ленина (с 1927 г. завод № 40 им. В. И. Ленина)² и проработал на предприятии до февраля 1930 г.

В 1920-е гг., с первых дней установления Советской власти, рабочие и крестьяне, для которых раньше путь к высшему образованию был закрыт, получили право учиться. Коммунистическая партия стала направлять на учебу в вузы наиболее сознательных рабочих. В 1927–1930 гг. Г. П. Тихонов без отрыва от производства также обучался в вечернем рабочем университете. Именно на рабочие факультеты (рабфаки) руководство страны делало главную став-

*Музыкантская команда 1-х Московских пехотных курсов.
Г. П. Тихонов стоит крайний слева.*

ку в осуществлении «пролетаризации» студенчества³. Со второго курса были сформированы техническое, биологическое, социально-экономическое и педагогическое направления, имевшие вечернее и дневное отделения. Отделения дневной формы обучения впоследствии были закрыты, так как многим не удавалось совмещать трудовую деятельность с учебой. Индустриализация страны породила необходимость в повышении профессионального уровня населения. Коммунистическая партия ежегодно стала направлять на учебу в высшие технические учебные заведения представителей партийного актива – парттысячников* – для ведения общественно-воспитательной работы и внесения живой струи в жизнь студенчества высшей школы. Парттысячники шли

в вузы, втузы и техникумы, потому что народное хозяйство, развивающаяся промышленность испытывали нехватку инженеров, техников и квалифицированных руководителей производств. Для технической реконструкции народного хозяйства нужны были не только практики, но и квалифицированные специалисты с высшим образованием для удовлетворения требований промышленности и повышения темпов ее развития⁴.

В 1930-е гг. возникли своеобразные формы интеграции науки, высшего образования и производства – появились инженерные институты. Во время развития и индустриализации страны на базе факультетов Казанского университета был создан ряд институтов: медицинский, авиационный и химико-технологический.

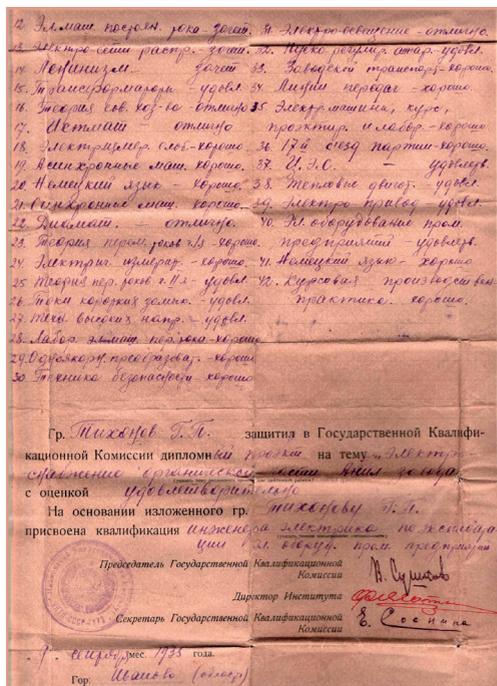
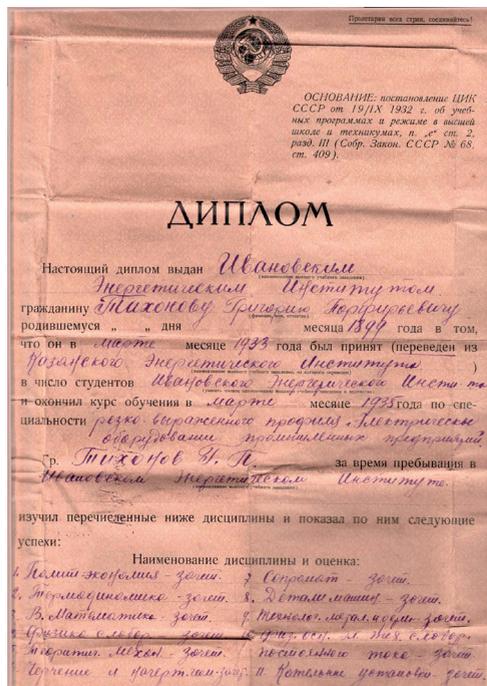
* Парттысячники – обобщенное название рабочих, служащих, специалистов, направлявшихся по решению партии на хозяйственно-организационную работу в деревню. В 1930 г. это были так называемые двадцатипятитысячники, а в 1955–1957 гг. – тридцатитысячники.

В числе новых высших учебных заведений 31 июля 1930 г. ввиду необходимости подготовки кадров для энергетики был создан Казанский энергетический институт с рабочими факультетами. В феврале 1930 г. Григорий Порфирьевич был командирован на курсы по подготовке во втузы в счет парттысячников. Так как учебный год в Казанском энергетическом институте уже начался, ему пришлось досрочно окончить подготовительные курсы, после чего он был принят на электромеханический факультет вуза.

В результате оптимизации и реорганизации 2 февраля 1933 г. Казанский энергетический институт был ликвидирован. На базе научно-учебного и хозяйственного оборудования вуза был доукомплектован энерготехникум, открывшийся

17 марта 1933 г. и продолжающий деятельность в наши дни⁵. Г. П. Тихонов в числе других студентов 3-го курса был переведен в энергетический институт г. Иваново. В марте 1935 г., успешно защитив дипломную работу и получив звание инженера-электрика по эксплуатации электрооборудования промышленных предприятий, Тихонов вернулся на свой родной завод им. В. И. Ленина⁶ (ныне ФКП «Казанский государственный казенный пороховой завод»). С апреля 1935 г. по сентябрь 1937 г. он работал дежурным инженером, инженером по ремонту электрооборудования и заместителем начальника тепловой электростанции завода.

Одновременно с основной работой в качестве инженера Г. П. Тихонов сотрудничал с еженедельной

Диплом Г. П. Тихонова об окончании Ивановского энергетического института.

Депутатский билет № 1 Г. П. Тихонова – депутата Верховного Совета Татарской АССР, заместителя председателя Верховного Совета Татарской АССР. 1938 г.

газетой рабочих и служащих завода № 40 им. В. И. Ленина – «Сталинец», издание являлось органом партийного, заводского комитетов и дирекции завода. В мае 1939 г., в день 10-летнего юбилея издания, Тихонов был награжден Почетной грамотой как активный рабкор.

В сентябре 1937 г. кандидатура Г. П. Тихонова была выдвинута на пост секретаря партийной организации завода № 40 им. В. И. Ленина. В период индустриализации страны секретарь партийной организации был представителем Коммунистической партии на предприятии. В руководстве завода он занимал важное место, контролируя бесперебойную работу предприятия, выполнение плана со стороны партии. При этом подчинялся он городскому или районному комитету ВКП(б). Год спустя, в мае 1938 г., Григория Порфирьевича назначают первым секретарем райкома ВКП(б) Кировского района г. Казани. Его партийная карьера стремительно развивается.

28 мая 1938 г. он избирается делегатом IV Казанской городской конференции ВКП(б) с правом решающего голоса, депутатом Верховного Совета Татарской АССР от Кировского избирательного округа

г. Казани. 26 июля 1938 г. на вечернем заседании Первой сессии Верховного Совета Татарской АССР первого созыва Г. П. Тихонов был избран заместителем председателя Верховного Совета Татарской АССР, 28 июля этого же года – делегатом V конгресса Коминтерна с правом решающего голоса.

В годы первых довоенных пятилеток Г. П. Тихонов работал на ответственных партийных и хозяйственных должностях. В 1939 г. его избрали делегатом XVIII съезда ВКП(б) от Татарской АССР (проходил в Москве 10–21 марта) с правом решающего голоса. 20 апреля 1940 г. Григорий Порфирьевич Тихонов на V Городской конференции избран членом Казанского горкома ВКП(б). За большие трудовые заслуги перед Советским государством и обществом в области производства 23 июня 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР (председатель – М. Калинин) ему вручен орден Трудового Красного Знамени.

Еще до начала Великой Отечественной войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых ре-

*Группа делегатов XVIII съезда ВКП(б) от парторганизации ТАССР.
Слева направо: С. А. Мухаметов, С. Х. Гафиатуллин, Г. П. Тихонов,
А. Н. Марков, К. Ю. Исаков, Я. Нацыбуллин, И. Г. Бычков,
С. М. Мифтахутдинова, М. Ф. Фролова, Г. И. Мурин, Г. А. Динмухамедов,
А. П. Перов, Ф. Д. Садовников, П. И. Захаров.
Фото Ф. Кислова. Москва, 16 марта 1939 г.*

зервах СССР» было создано Главное управление государственных трудовых резервов СССР в целях плановой подготовки квалифицированной рабочей силы для ведущих отраслей народного хозяйства. В ТАССР было организовано Республиканское управление Трудовых резервов. В январе 1941 г. первым руководителем службы профессионально-технического образования Республиканского управления Трудовых резервов при Совнарком ТАССР назначен Григорий Порфирьевич Тихонов. Вновь организованному управлению были переданы все профессиональные учебные заведения фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), дополнительно начали открываться ремесленные училища с двухлетним сроком обучения. К концу 1941 г. в республике существовало 11 ремесленных учи-

лиц и 22 ФЗУ⁷. Возникшая во время Великой Отечественной войны проблема оттока опытных рабочих кадров в связи с мобилизацией на фронт решалась организацией обучения молодежи массовым профессиям. К 1 июля 1943 г. Трудовые резервы Татарии направили промышленности, строительству и транспорту 35 тысяч молодых рабочих, получивших производственную квалификацию. Во время работы в Республиканском управлении Трудовых резервов ТАССР Г. П. Тихонову дважды объявлялась благодарность: в январе 1942 г. за перевыполнение плана производства спецдеталей и в июле того же года Главным управлением государственных трудовых резервов СНК СССР – за производство вне плана значительного количества боеприпасов.

Великая Отечественная война внесла свои значительные коррективы в жизнь страны. Уже 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР был создан Совет по эвакуации при СНК СССР – государственный орган, ответственный за эвакуацию из регионов, находившихся под угрозой оккупации, в составе: члена Политбюро ЦК Л. М. Кагановича (председатель), А. Н. Косыгина (заместитель председателя), Н. М. Шверника (заместитель председателя), Б. М. Шапошникова, С. Н. Круглова, П. С. Попкова, Н. Ф. Дубровина и А. И. Кирпичникова.

*Г. П. Тихонов – старший
батальонный
комиссар (1941–1942 гг.).*

Совет обороны Татарской АССР возглавил Сулейман Халилович Гафиатуллин (1905–1983), председатель Совета Народных Комиссаров ТАССР (1940–1943 гг.). Один из первых его приказов – о строительстве Укрепрайона ТАССР. С. Х. Га-

фиатуллин организовывал прием и развертывание эвакуированных в ТАССР оборонных предприятий и учреждений Академии наук СССР, Президиума Академии наук СССР для создания линии научной обороны, был ответственным за установку в республике ядерной центрифуги на заводе «Серп и Молот»⁸.

В первые же месяцы Великой Отечественной войны началась эвакуация промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья, промышленных товаров, оборудования фабрик и заводов и др. Кроме промышленных предприятий в республику прибыли эвакуированные с производством специалисты с семьями. Переброска шла непрерывным потоком. Надо было принимать целые заводы, размещать их на разных площадках, перестраивать имеющиеся предприятия на выпуск оборонной продукции, расселять прибывших специалистов.

В г. Казани были размещены десятки промышленных предприятий, эвакуированных из западных регионов СССР (Московский авиационный завод С. П. Горбунова, Воронежский моторостроительный завод № 16, Московский завод № 230 и др.). Впоследствии на их базе возник ряд новых предприятий – Казанский завод точного машиностроения, Казанский медико-инструментальный завод, «Электроприбор» и др. Вся промышленность была переведена на выпуск военной продукции. Это было настоящей проверкой стойкости и выносливости организаторов народного хозяйства и народа в целом.

В апреле 1942 г., в результате разукрупнения Бауманского, Молотовского и Сталинского районов, были образованы дополнительно Дзержинский и Свердловский районы. В сентябре 1942 г. Г. П. Тихонова назначили первым секретарем вновь образованного Свердловского районного комитета ВКП(б) Казани (занимал северо-восточную часть территории современного Приволжского района)⁹. На территории Свердловского района находились: Казанский электротехнический завод (ныне АО «КЭТЗ»), основанный на базе Ленинградского завода № 379 по изготовлению прицелов для подводных лодок, приборов «Спрут», приборов управления торпедной стрельбой для эсминцев, катеров и подводных лодок, Шамовская больница (Городская клиническая больница № 1, ставшая военным госпиталем), два рынка, хлебозавод № 4 (ныне ОАО «Казанский хлебозавод № 4»), фабрика «Спартак»¹⁰ (во время Великой Отечественной войны пополнилась технологическим оборудованием гомельской фабрики «Труд», за счет чего мощности по выпуску армейской обуви выросли в два раза, что составило более миллиона пар обуви в год; поставляла на фронт солдатские сапоги и меховые унты) и другие учреждения.

В ознаменование 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 6 октября 1944 г. Г. П. Тихонову Военным комиссаром Татарской АССР была объявлена благодарность за отличное выполнение приказов Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза т. Сталина по под-

готовке кадров и комплектованию Красной Армии в дни Великой Отечественной войны.

8 января 1945 г. принято важное постановление «О мерах по строительству малых сельских электростанций». Была проведена большая работа по электрификации сельского хозяйства республики. К концу войны в Татарии насчитывалось 38 районных электростанций, 12 колхозных ГЭС, 74 электрифицированные МТС¹¹. Эти и ряд других мер позволили улучшить электроснабжение районных центров и деревень республики. Вместе с тем сельская энергетика все еще находилась на очень низком уровне.

В июле 1945 г. Г. П. Тихонов был назначен директором Татарской республиканской конторы по электрификации сельского хозяйства «Татсельэлектро», созданной по приказу Наркомата земледелия СССР 1 февраля 1944 г. В задачи конторы входили помощь сельской электрификации, внедрение новых методов работы на предприятиях, экономия электроэнергии и т. д.

Решением XVII сессии Горсовета от 2 августа 1946 г. Г. П. Тихонов назначен на должность председателя Казанского городского совета депутатов трудящихся ТАССР. 23 октября 1946 г. VI городской конференцией ВКП(б) избран членом Казанского горкома ВКП(б). С 1947 г. он являлся депутатом Верховного Совета Татарской АССР второго созыва¹². В 1946 г. Г. П. Тихонов награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В августе 1947 г. Г. П. Тихонов освобождается от обя-

занностей председателя Казанского горисполкома в связи с переходом на должность заместителя директора по материальной и финансовой части завода Татсовнархоза – предприятия радиоэлектронного приборостроения, созданного в марте 1942 г. в Казани как организация п/я 466 на базе эвакуированного в августе 1941 г. из Ленинграда опытного завода № 379 Наркомата авиационной промышленности СССР¹³ (ныне АО «Казанский электротехнический завод»). После Великой Отечественной войны перед коллективом завода были поставлены новые задачи – начать выпуск продукции, необходимой для восстановления разрушенного войной хозяйства и удовлетворения потребностей населения страны. Для этого понадобилось перестроить работу всех подразделений, создать новые производства¹⁴.

*Григорий Порфирьевич
Тихонов, директор завода п/я 466.*

Самым главным в жизни завода событием 1950-х гг. стало строительство нового производственного кор-

пуса. Заложенный в 1947 г., в 1952 г. он уже был сдан в эксплуатацию. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. предприятие начинает строительство жилых домов для своих работников. За 1955–1962 гг. для заводчан было построено 5593,6 м² жилой площади. 20 лет существования электротехнического завода были периодом его роста и развития.

Наряду с производственной работой Григорий Порфирьевич активно участвовал в партийной и хозяйственной жизни республики. 27 декабря 1950 г. указом Президиума Верховного Совета Татарской АССР он был утвержден председателем Казанской-Ждановской окружной избирательной комиссии № 18 по выборам в Верховный Совет Татарской АССР; в январе 1951 г. – делегатом VII партийной конференции Свердловского района от партийной организации завода МСП (Министерство судостроительной промышленности СССР). С февраля 1955 г. он являлся депутатом Казанского городского Совета депутатов трудящихся от Свердловского района; в 1956 г. – делегатом XXVI Казанской городской конференции КПСС от Свердловской районной партийной организации с правом решающего голоса; в ноябре 1957 г. – делегатом XXIII партийной конференции Бауманского района от парторганизации завода п/я 466. В мае 1958 г. Тихонов XIV Городской конференцией КПСС был избран кандидатом в члены Казанского горкома КПСС; в 1959 г. – депутатом Казанского городского Совета депутатов трудящихся седьмого созыва. Деятельность Г. П. Тихонова неоднократно отмечалась премия-

Г.П.Тихонов с дочерьми Ниной и Валентиной. 1948 г.

ми за досрочное выполнение производственных планов, разработку аппаратуры, безупречную работу в промышленности.

Уйдя в 1960 г. по состоянию здоровья на заслуженный отдых, Григорий Порфирьевич до последних дней поддерживал тесную связь с коллективом предприятия, активно участвовал в общественной жизни завода. 20 ноября 1967 г. он был награжден от имени Президиума Верховного Совета СССР медалью «За боевые заслуги», в марте 1970 г. – медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со

дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Супруга Тихонова – Пономарева Лидия Михайловна (1904–1981) – родилась в г. Казани, работала депутатом Молотовского районного Совета депутатов трудящихся г. Казани созыва 1939 г. Дочери Григория Порфирьевича – Нина и Валентина – окончили Казанский авиационный институт (ныне КНИТУ – КАИ им. А. Н. Туполева), всю жизнь работали по специальности.

Скончался Г. П. Тихонов 17 ноября 1970 г. Похоронен на Арском кладбище г. Казани.

Сведения об авторе: Галимуллина Гульшат Хабулловна, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: kirbi2@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена биографии Григория Порфирьевича Тихонова – государственного и партийного деятеля, начальника Республиканского управления Трудовых резервов ТАССР, председателя Казанского городского совета депутатов трудящихся, директора Казанского электротехнического завода, внесшего большой вклад в строительство Татарской АССР.

Ключевые слова: Г. П. Тихонов, биография, народное хозяйство, парттысячники, Великая отечественная война, эвакуация, Казанский электротехнический завод.

Abstract. The article is devoted to the biography of Grigory Porfirevich Tikhonov, a state and party leader, head of the Republican Department of Labor Reserves of the

TASSR, chairman of the Kazan City Council of Workers' Deputies, director of the Kazan Electrotechnical Plant, who made a great contribution to the construction of the Tatar ASSR.

Key words: G. P. Tikhonov, biography, national economy, party thousand members, Great Patriotic War, evacuation, Kazan Electrotechnical Plant.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 История учебных заведений Дорогобужа/ Дорогобуж: офиц. сайт города. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dorogobuzh.ru/index.php/articles-about-dorogobuzh/history-dorogobuzh/77-uchebnie-zavedenia> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

2 Казанский пороховой завод // Tatarica: Татарская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/ekonomika/promyshlennost/kazanskij-porohovoj-zavod> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

3 Горбушина Е. И. К истории развития рабочих факультетов в Волго-Вятском регионе в 1920–1930-е гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 4–3. – С. 123.

4 Главацкий М. Е. О деятельности уральской партийной организации по командированию коммунистов во ВТУЗЫ (наборы «партьязычников»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46542/1/viu-1964-05-13.pdf> (дата обращения: 28.10.2022 г.).

5 Герич А. А., Мерзлякова Л. Д. Развитие энергетического образования. Коллекция музея Казанского энергетического университета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 12–4. – С. 83–85.

6 Тихонов Григорий Порфирьевич (12.10.1899, г. Дорогобуж Смоленской губернии – 17.11.1970, г. Казань) // Виртуальный музей Великой Отечественной войны Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tatfrontu.ru/person/tihonov-grigoriy-porfirevich-12101899-g-dorogobuzh-smolenskoy-gubernii-17111970-g-kazan> (дата обращения: 09.09.2022 г.).

7 Федотова О. К 70-летию системы профессионально-технического образования в ТАССР // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2010. – № 3/4. – С. 238–239.

8 Галимуллина Г. Х., Насибуллина А. Б., Хайруллова Г. Ш. Сулейман Халилович Гафиятуллин – талантливый руководитель, государственный и общественный деятель // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научной конференции (г. Казань, 28–29 сентября 2016 г.). – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. – Вып. 8. – С. 173–183.

9 Казань: Исторические районы, слободы, улицы, площади и парки: иллюстрированный энциклопедический справочник / под ред. Р. В. Шайдуллина. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. – Кн. 1. – С. 48.

10 Спартак (обувная фабрика) // Википедия. [2022]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/?curid=3883743&oldid=126419951> (дата обращения: 01.12.2022 г.).

11 Ибрагимов Ф. Энергетика Татарстана в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://9may.gridcom-rt.ru/energetika-v-gody-voyny/energetika-tatarstana-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 02.12.2022 г.).

12 Главы Казани // Официальный портал органов местного самоуправления города Казани. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kzn.ru/meriya/ispolnitelnyuy-komitet/100-let-tassr/glavy-kazani/> (дата обращения: 04.11.2022 г.); Руководители городов и районов Татарстана: в 3 т. / науч. ред. И. Р. Тагиров; авт.-сост.: Р. Н. Галимарданов, Г. Р. Хайруллина, Е. Е. Царева. – Казань: ООО «АПРЕСС», 2020. – Т. 1. – 556 с.: илл.

13 «Свияга» // Татарская энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов, отв. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – Т. 5: Р–С–Т. – С. 277–278.

14 ГА РТ. Ф. Р-128, оп. 11, д. 214, л. 1–2; Ф. Р-326, оп. 1, д. 908, л. 3; д. 969, л. 2; Ф. П-15, оп. 63, д. 250, л. 234–234 об.; История завода // ПАО «Казанский электротехнический завод». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ketz.su/history> (дата обращения: 13.12.2022 г.).

**УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ ЛЯЛЯ ИСХАКОВНА ГАЛИЕВА –
УЧЕНый-МАТЕМАТИК И ПЕДАГОГ**

Насибуллина А. Б.

**TEACHER OF TEACHERS LYALYA ISKHAQOVNA
GALIEVA – MATHEMATICIAN AND TEACHER**

Nasibullina A. B.

В современных условиях, когда в российских школах остро стоит вопрос дефицита педагогических кадров и их профессиональной компетенции, особо актуальным становится опыт подготовки и повышения квалификации учителей в вузах, накопленный в советский и постсоветский периоды. В Республике Татарстан роль ведущего центра, координировавшего эту деятельность, выполнял Казанский

государственный педагогический институт. Название вуза неоднократно менялось (КГПИ, КГПУ, ТГГПУ), но подготовка квалифицированных учителей по всем школьным предметам оставалась главной целью образовательного учреждения (ныне вуз включен в состав Казанского (Приволжского) федерального университета). В истории старейшего педагогического учебного заведения много славных страниц, одна из которых, относящаяся к математическому образованию, связана с педагогической и научной деятельностью доцента Ляли Исхаковны Галиевой – кандидата физико-математических наук, заслуженного учителя Республики Татарстан, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Имя Ляли Исхаковны известно нескольким поколениям татарстанских студентов-математиков. Благодаря своей блестящей математической эрудиции, творческой работоспособности, сочетающейся с большой любовью к точности изложения математического материала, принципиальности и требова-

тельности к себе, внимательному отношению к окружающим, для многих из них она стала примером для подражания. Об этом говорят письма со словами благодарности, поздравления бывших студентов, которые получает Ляля Исхаковна. Она всегда стремилась пробудить интерес аудитории к изучаемой теме, поэтому каждое слово в ее лекциях было продумано и взвешено. Ее лекции по алгебре и теории чисел неизменно отличались высоким теоретическим уровнем и доступностью изложения. Студенты очень ценили и уважали Лялю Исхаковну за ее широкий кругозор, тонкое чувство юмора и неиссякаемый запас энергии, которую она передавала окружающим. Талантливый ученый-математик, потомственный педагог, Л. И. Галиева в своей педагогической деятельности следовала нравственным принципам, усвоенным еще в детстве¹.

Ляля Исхаковна Галиева родилась 27 августа 1946 г. в д. Маскара Кукморского района Республики Татарстан². Ее отец, Исхак Халиуллович, работал директором Маскаринской семилетней школы, а мать, Наиля Ахметовна, там же преподавала математику и физику³. До 7-го класса Л. Галиева училась в Маскаринской школе, затем продолжила образование в Кукморской средней школе № 2. Школу окончила в 1964 г. с серебряной медалью и поступила в Казанский государственный университет на научно-педагогическое отделение механико-математического факультета. Диплом о высшем образовании получила в 1969 г. с рекомендацией для поступления в аспирантуру.

В 1969–1972 гг. обучалась в очной аспирантуре по направлению «Дифференциальные уравнения и их приложения». По окончании ею была представлена диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на тему: «Некоторые краевые задачи для нелинейных уравнений смешанного типа». В мае 1973 г. Л. И. Галиевой присуждена ученая степень кандидата физико-математических наук, а в марте 1978 г. присвоено ученое звание доцента.

Трудовая деятельность Ляли Исхаковны началась на кафедре алгебры Казанского государственного педагогического института (КГПИ). Несмотря на перемены в структуре вуза, неизменной оставалась ее верность выбранному пути. Именно на кафедре алгебры Л. И. Галиева прошла все ступени профессионального становления от ассистента (1972–1976 гг.), доцента (1976–1986 гг.) до заведующего кафедрой (1986–2008 гг.), профессора (2008–2011 гг.). Как заведующая кафедрой Ляля Исхаковна заслужила безусловное уважение и признание руководства педагогического вуза и коллег. Ее принципиальные выступления на заседаниях Ученого совета с конкретными предложениями по улучшению состояния дел вуза всегда вызывали интерес и были в центре внимания коллектива. Л. Галиева активно занималась и общественной деятельностью, в 1976–1986 гг. совмещала работу на кафедре и в профсоюзном комитете КГПИ: первые пять лет выполняла обязанности заместителя председателя, затем – руководителя профкома.

Л. И. Галиева читала все основные курсы, спецкурсы по профилю кафедры алгебры, руководила научно-исследовательскими проектами студентов, активно разрабатывала тему «Научно-методическая работа в вузе и в средней школе». Она является автором многих статей в помощь учащимся и учителям средних школ, опубликованных в журнале «Магариф» («Совет мәктәбе»), а также учебных пособий, методических разработок, адресованных студентам педагогических вузов. Отдельные работы – «Системы линейных неравенств» (2008. Соавт. Л. Сунгатуллин); «Алгебраические числа и расширения числовых полей» (2009. Соавт. Л. Сарманова), «Кватернионы» (2010. Соавт. М. Шагидуллин) – написаны Лялей Исаховной в соавторстве с самими студентами, что, несомненно, способствовало развитию у них исследовательских навыков.

В 1990-е гг., в связи с открытием на математическом факультете отделения «Математика и информатика в татарской школе», Л. И. Галиева на кафедре алгебры возглавила работу по методическому сопровождению преподавания основных предметов кафедры на татарском языке⁴. Дело это было непростое, требовалась аккумуляция всего передового накопленного научного потенциала. В первую очередь в центре внимания оказались вопросы перевода математических терминов и создания учебных пособий. Результатом кропотливой многолетней работы в этом направлении стали учебные пособия: «Балалар өчен математика» («Математика для малышей»): в 3 ч.,

2000–2001, переиздано в 2006–2007), «Симметрик күпбуыннар» («Симметрические многочлены», 2002), «Математика нигезләре» («Основы математики», 2007), «Күпбуыннар» («Многочлены», 2009), опубликованные в издательстве «Магариф» на татарском языке в рамках реализации Закона РТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан»⁵.

Итогом разработки математической терминологии на татарском языке стало издание в 2013 г. Татарским книжным издательством «Математического русско-татарского толкового словаря» («Математикадан русча-татарча аңлатмалы сүзлек») под общей редакцией Л. И. Галиевой и И. Г. Галяутдинова. Словарь содержит более 2000 терминов, охватывающих все разделы школьной и вузовской математики. Здесь наряду с переводом каждого термина с русского языка на татарский дается также его математическое определение. Часть терминов была переведена впервые, а некоторые из использовавшихся ранее заменены на более удачные. Во введении академик Академии наук Республики Татарстан Р. А. Юсупов отмечает, что большое познавательное значение имеет раздел словаря, в котором приведены краткие биографические справки о математиках, оставивших значительный след в истории математической науки⁶. Среди них выделены казанские математики, сыгравшие большую роль в развитии математического образования в республике. Здесь следует отметить, что включение данного раздела в состав словаря стало зако-

номерным итогом изучения Л. И. Галиевой истории математического факультета вуза и в целом развития математической науки в регионе. Так в 2008 г. в связи с 90-летием математического факультета казанского педагогического вуза увидела свет книга «Математический факультет ТГГПУ и казанские математики», соавтором которой является Ляля Исхаковна.

Успешная преподавательская деятельность Л. И. Галиевой в ведущем педагогическом вузе республики успешно сочеталась с ее научными изысканиями. Она исследовала краевые задачи для нелинейных дифференциальных уравнений смешанного типа. Ею изучена задача Трикоми для уравнений высших порядков; доказаны существование и единственность решений поставленных задач при некоторых ограничениях на параметр, входящий в правую часть данных уравнений. Целая серия работ Галиевой посвящена уравнениям, разрешимым в радикалах, круговым полям и их подполям, многочленам, родственным с круговыми многочленами. Построены конкретные классы уравнений, разрешимых в радикалах. Доказано, что корни этих уравнений порождают поля, являющиеся подполями круговых полей. Уже будучи на заслуженном отдыхе, в 2014 г., Ляля Исхаковна приняла активное участие в подготовке к изданию научной работы «Два класса уравнений, разрешимых в радикалах, и подполя круговых полей». Научные статьи Л. Галиевой опубликованы в серьезных математических журналах: «Известия высших

учебных заведений. Математика» (учредитель и издатель – Казанский (Приволжский) федеральный университет), «Asian-European Journal of Mathematics» («Азиатско-Европейский математический журнал») и др. Отдельные результаты исследований оформлены в виде тезисов докладов на конференциях различного уровня – от республиканских до международных (VI Международная научно-практическая конференция «Современная математика и математическое образование, проблемы истории и философии математики», Тамбов, 2008; Международная научно-образовательная конференция «Наука в вузах», Москва, РУДН, 2009 и др.)⁷.

Приведем некоторые научные статьи профессора Л. И. Галиевой⁸:

Галиева Л. И. Задача Т для одного нелинейного уравнения смешанного типа // Известия вузов. Математика. – 1975. – № 2.

Галиева Л. И. Исследование разрешимости одной системы нелинейных сингулярных интегральных уравнений // Деп. ВИНТИ. – № 2198–83.

Галиева Л. И. О задаче типа Трикоми для нелинейного уравнения высшего порядка с оператором Лаврентьева-Бицадзе // Деп. ВИНТИ. – № 3332–В87.

Галиева Л. И., Галяутдинов И. Г. Класс многочленов со свойствами круговых многочленов // Вестник ТГГПУ. – 2008. – № 4.

Галиева Л. И., Галяутдинов И. Г. Об одном классе уравнений, разрешимых в радикалах // Известия вузов. Математика. – 2011. – № 2.

Galyautdinov I. G., Galieva L. I. Galois Groups for one class of equations // Asian-European Journal of mathematics. – 2011. – № 3. – Vol. 4.

Галиева Л. И., Галиутдинов И. Г., Лаврентьева Е. Е. Об одном классе вещественных подполей круговых полей // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 2.

Заслуги Л. И. Галиевой в области образования и ее активная научная деятельность получили заслуженное признание на государственном уровне: она награждена орденом Дружбы народов (1986 г.), нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2001 г.), удостоена почетного звания «Заслуженный учитель Республики Татарстан» (1996 г.).

Сегодня, будучи на заслуженном отдыхе, Ляля Исхаковна увлеченно занимается изучением своей родословной, которая пересекается

с родословной мастера арабского шрифта Мухаммеда Идрисова. Накопленными сведениями она оказала посильную помощь С. З. Хаматханову при написании книги «Родословная Ибрагимовых и Насхи Мухаммед Идриси»⁹, а также обобщила результаты своих исследований, опубликовав «Исторический очерк» в книге «Мухаммед Идрисов – мастер шрифта»¹⁰.

Жизнь и многогранная научная, педагогическая и общественная деятельность Ляли Исхаковны Галиевой служат примером для современных педагогов высшей школы, готовящих учительские кадры для школ республики. Ее опыт преподавания математических дисциплин, перевода терминов математики на татарский язык особо актуален в настоящее время и может быть плодотворно использован при совершенствовании образовательных стратегий в педагогических вузах.

Сведения об авторе: Насибуллина Алсу Булатовна, научный сотрудник отдела научно-информационного обеспечения Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: bulat.alsu1971@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена биография профессора Казанского государственного педагогического института Л. И. Галиевой, связавшей свою профессиональную деятельность с кафедрой алгебры. Проанализирован вклад ученого и педагога в совершенствование математического образования в Республике Татарстан, развитие математической науки, а также в разработку терминологического аппарата по математике на татарском языке.

Ключевые слова: Л. И. Галиева, биография, математик, алгебра, педагог высшей школы, Казанский государственный педагогический институт.

Abstract. The article examines the biography of Professor of the Kazan State Pedagogical Institute L. I. Galieva, who connected her professional activity with the Department of Algebra. The contribution of the scientist and teacher to the improvement of mathematical education in the Republic of Tatarstan, the development of mathematical science, as well as to the development of terminological apparatus for mathematics in the Tatar language is analyzed.

Key words: L. I. Galieva, biography, mathematician, algebra, higher school teacher, Kazan State Pedagogical Institute.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Призвание, ставшее судьбой: Педагогические династии Республики Татарстан. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. – С. 356–358.
- 2 Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. – Т. 2. – С. 581.
- 3 Профессор Ләлә // Хезмәт даны. – 2007. – № 55. – 16 мая.
- 4 Николаева Л. Очаровавшая голосом // Молодежь Татарстана. – 2002. – № 108. – 3 окт.
- 5 Кто есть кто. Авторы издательства «Магариф». – Казань: Магариф, 2002. – С. 31.
- 6 Математический русско-татарский толковый словарь = Математикадан русча-татарча аңлатмалы сүзлек / [авт.-сост.: Л. И. Галиева, И. Г. Галяутдинов, М. З. Хуснетдинов и др.]; под общ. ред. Л. И. Галиевой и И. Г. Галяутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 375 с.
- 7 Ученые Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Казань, 2008. – С. 84–85.
- 8 Список научных трудов Л. И. Галиевой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 06.02.2023 г.).
- 9 Хаматханов С. З. Родословная Ибрагимовых и Насхи Мухаммед Идриси. – Оренбург, 2021. – 219 с.
- 10 Галиева Л. И. Исторический очерк // Мухаммед Идрисов – мастер шрифта / под ред. М. Л. Ахмадуллина. – Уфа: Восточная печать, 2022. – С. 9–21.

**ХАНИН ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ
(К 60-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ КНИГИ «ГЕРОИ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА – СЫНЫ ТАТАРИИ»)**

Салахиев Р. Р., кандидат технических наук

**KHANIN LEONID IVANOVICH
(TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION
OF THE BOOK «HEROES OF THE SOVIET UNION –
THE SONS OF TATARIA»)**

Salakhiev R. R.

Л.И.Ханин. 1960-е гг.

В 1963 г. Татарским книжным издательством была издана книга Л. Ханина «Герои Советского Союза – сыны Татарии» (сдана в набор 9 июля 1962 г., подписана в печать 11 марта 1963 г.)¹. Она стала первым полноценным исследованием жизненного пути и боевых подвигов

воинов-татарстанцев, получивших высокое звание Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Не потеряла книга своей актуальности и сегодня.

Следует отметить, что в 1946 г., сразу же по следам событий войны, в Казани под редакцией Кави Наджми был выпущен первый том «Книги героев» о 53 Героях Советского Союза, но издание второго тома не состоялось. Исследование темы Героев продолжилось и после издания книги Л. Ханина, были установлены новые имена, изданы новые книги, краткий обзор которых представлен в сборнике «Книга Героев = Батырлар китабы»².

Еще современники отмечали существенные выигрышные стороны составленного Л. Ханиным сборника, его научную точность, полноту, и как результат – открытие для широкой аудитории большого числа новых героев³. В книге приведены очерки о 164 Героях Советского Союза, родившихся в Татарии или живших в ней перед Великой Оте-

чественной войной, написанные на основе большого числа документов, работы автора в архивах, встреч с семьями героев. В ней опубликованы фотографии героев, дан именной указатель с их биографическими данными, что на два десятилетия сделало работу историка и журналиста Л. Ханина почти единственным справочным изданием по данной теме⁴. Кроме исторической ценности материалов книги, она ценна превосходными сюжетами, которые помогут писателям, художникам и композиторам республики в создании художественных произведений, полных героизма и пафоса незабываемых лет великих сражений⁵. После выхода книги автор продолжил архивные изыскания и в изданном в 1966 г. на татарском языке сборнике «Советлар Союзы Геройлары – Татарстан уллары»⁶ опубликовал очерки о 171 Герое Советского Союза. Даже сегодня, когда имеются куда более удобные возможности сбора информации, при наличии наградных документов Героев Советского Союза, исторических формуляров и журналов боевых действий воинских частей в открытом доступе в сети Интернет⁷, исследовательская работа автора книги «Герои Советского Союза – сыны Татарии» вызывает восхищение и глубокое уважение.

Автор книги Ханин Леонид Иванович родился 19 августа 1920 г. в д. Чернево Вязниковского района Ивановской промышленной области (ныне Владимирской области) в семье русского крестьянина-середняка⁸. Семья до 1929 г. жила в деревне, там Леонид окончил первый класс

сельской школы. В 1929 г. Ханины переехали в Казань, куда отец был направлен Московским хозотделом ОГПУ начальником мастерской по смывке позолоты с церковной утвари, потом работал завхозом в Казанском ветеринарном институте. Мать – домохозяйка. После окончания начальной школы Леонид поступил в школу № 7 Молотовского района Казани, которую окончил с отличием в 1938 г., но по состоянию здоровья не поступил в вуз и остался в десятом классе на повторный курс, аттестат получил в 1939 г. Слабое здоровье несколько раз окажет важное влияние на события его жизненного пути. В апреле 1936 г. был принят в члены ВЛКСМ (состоял в комсомоле до 1950 г.). В 1939 г. поступил на исторический факультет Казанского университета, став студентом первого набора возрожденного факультета. Но уже 19 сентября 1939 г. был отчислен в связи с призывом на военную службу в Красную Армию, а 4 октября того же года восстановлен как освобожденный от призыва в армию по состоянию здоровья⁹.

В университете Ханин учился на отлично, с 1943 г. получал стипендию им. В.М. Молотова. Он активно занимался общественной работой: был профделегатом в группе, агитатором на участке, комсоргом группы, по заданию райкома ВКП(б) руководил кружком по изучению истории партии на учетной фабрике, летом 1943 г. работал в Теньковском районе с партгруппой ОК ВКП(б). Как профорг был членом ученого совета факультета. Друзья вспоминают

его как «большого общего друга»¹⁰. За лучшие показатели в учебной и общественной работе в 1941 г. Ханин был премирован грамотой университета, освобожден от платы за учебу, которая была введена в СССР в 1940 г. Как и многие преподаватели и студенты университета, осенью 1941 г. он был привлечен к строительству оборонительного рубежа «Казанский обвод», но решением отдела кадров Военно-полевого строительства № 1 отправлен по месту жительства как непригодный к работе на строительстве по состоянию здоровья¹¹.

В феврале 1943 г. Л. Ханин стал кандидатом ВКП(б), в марте 1944 г. вступил в члены ВКП(б)¹². Параллельно с учебой, в 1943/1944 учебном году работал учителем в школе № 19. В 1944 г. окончил учебу в университете с отличием, получил квалификацию «учитель средней школы». После окончания университета учился на краткосрочных курсах Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР по подготовке преподавателей марксизма-ленинизма в Москве и был направлен в распоряжение Татарского ОК ВКП(б). С ноября 1944 по июль 1945 г. работал заведующим историческим кабинетом и преподавателем по истории ВКП(б) в Республиканской партийной школе при Татарском ОК ВКП(б)¹³.

В 1945 г. Ханин переведен на работу в Татарский обком ВЛКСМ в качестве руководителя лекторской группы. Находясь на комсомольской работе, с 1945 г. он учился заочно в Высшей партийной школе при ЦК

ВКП(б), которую закончил в 1948 г. В 1949 г. назначен редактором газеты «Комсомолец Татарии». В годы Великой Отечественной войны многие журналисты ушли на фронт, и газета не выходила 8 лет¹⁴, первым редактором возобновленной газеты и стал Леонид Ханин. В марте 1950 г. он был освобожден от должности в газете за допущенные нарушения финансовой дисциплины¹⁵. Последний номер газеты, подписанный ответственным редактором Л. Ханиным, увидел свет 10 марта 1950 г. (№ 30).

В мае 1950 г. Л. И. Ханин поступил на работу в Государственный музей ТАССР, работал в должности заведующего отделом истории советского периода, был заместителем секретаря парторганизации музея и руководителем лекторской группы Казанского горкома ВЛКСМ. Последняя запись в листе по учету кадров в музее сделана 22 августа 1957 г.¹⁶ С февраля 1955 г. Л. И. Ханин работал по совместительству в Казанском химико-технологическом институте ассистентом кафедры марксизма-ленинизма, с февраля 1959 г. – на постоянной основе¹⁷, с 1966 г. – старшим преподавателем, с 1967 г. – доцентом кафедры истории КПСС. С 1960 г. он был также редактором институтской газеты «Химик»¹⁸. Л. И. Ханин проработал в институте до 1979 г. Он состоялся здесь как ученый-историк, в 1963 г. издал книгу «Герои Советского Союза – сыны Татарии», окончил аспирантуру Казанского университета, в 1966 г. защитил диссертацию кандидата исторических наук (тема работы: «Патриотический подвиг

комсомольцев и молодежи Татарии в Великой Отечественной войне Советского Союза»¹⁹.

Как и многие коммунисты – преподаватели общественных наук советского периода, Л. Ханин был офицером-политработником запаса. В архиве Советского райвоенкомата

Казани имеется учетная карточка капитана запаса Л. И. Ханина: состав учета – политический, место работы – КХТИ, доцент, состав семьи – холост. Исключен с военного учета по возрасту 1 января 1975 г.²⁰

Леонид Иванович Ханин умер 19 июня 1979 г., похоронен в Казани.

Приложение

Библиография публикаций Л. И. Ханина

Ханин Л. И. Героизм комсомольцев и молодежи Татарии на фронтах Великой Отечественной войны: доклад на «Краеведческих чтениях» / Государственный Музей ТАССР. – Казань, 1959. – 34 с.

Ханин Л. Татарская АССР. Политико-экономическая характеристика // Выставка достижений народного хозяйства СССР. Совет народного хозяйства Татар. экон. адм. района. – Казань, 1959. – 8 с.

Ханин Л. В боях за Родину // Очерки из истории комсомола Татарии. – Казань, 1960.

Ханин Л. Первый герой [Н. Ф. Кайманов] // Советская Татария. – 1961. – 22 июня.

Ханин Л. Незабывтый подвиг [О Герое Советского Союза А. Чиркове] // Советская Татария. – 1961. – 4 окт.

Ханин Л. Коммунарлар илендә, Франция буйлап // Социалистик Татарстан. – 1962. – 16 февр.

Ханин Л. Иң кыюлар [Бөек Ватан сугышында катнашкан якташларыбыз Ә. Хэйретдинов, М. Хәкимов турында] // Социалистик Татарстан. – 1962. – 23 февр.

Ханин Л. Герои Советского Союза – сыны Татарии. – Казань, 1963. – 680 с.

Ханин Л. Трудовой подвиг молодежи республики [в годы Великой Отечественной войны] // Коммунист Татарии. – 1965. – № 5. – С. 33–37.

Ханин Л. Республика яшьләренен хезмәт батырлыгы // Татарстан коммунисты. – 1965. – № 5. – 33–37 б.

Ханин Л. Батырлык онытылмый [Советлар Союзы Герое Гыйльфан Батыршин турында] // Социалистик Татарстан. – 1965. – 23 окт.

Ханин Л. И. Патриотический подвиг комсомольцев и молодежи Татарии в Великой Отечественной войне Советского Союза: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1966. – 290 с.

Ханин Л. И. Сельские комсомольцы и молодежь Татарии в борьбе за обеспечение страны и армии хлебом в годы Великой Отечественной войны // Из истории Татарии: Сборник научных работ Государственного музея ТАССР. Вып. 2. – Казань, 1966. – С. 132–153.

Ханин Л. Советлар Союзы Геройлары – Татарстан уллары. – Казан, 1966. – 640 б.

Кудрявцев С., Ханин Л. И. Этапы большого пути (К 50-летию ВЛКСМ) // Коммунист Татарии. – 1968. – № 9. – С. 37–41.

Кудрявцев С., Ханин Л. И. Данлы юл этаплары (ВЛКСМның 50 еллыгына) // Татарстан коммунисты. – 1968. – № 9. – 37–41 б.

Ханин Л. И. Участие комсомольских организаций Татарии во всенародном движении помощи фронту // Труды Казанского химико-технологического института. – 1968. – Вып. 38. – С. 50–57.

Общественные науки: сборник статей / Под ред. В. А. Авилова, Л. И. Ханина // Труды Казанского химико-технологического института им. С. М. Кирова. – 1968. – Вып. 37. – 231 с.

Ханин Л. Сильный духом [О Герое Советского Союза Николае Орлове] // Советская Татария. – 1969. – 8 апр.

Ханин Л. Героические свершения молодежи // Коммунист Татарии. – 1970. – № 5. – С. 52–55.

Ханин Л. Яшьләрнең патриотик эшләрә // Татарстан коммунисты. – 1970. – № 5. – 52–55 б.

Ханин Л. Юность маршала [Л. А. Говорова] // Советская Татария. – 1973. – 23 февр.

Ханин Л. Всегда на боевых рубежах [О генерал-лейтенанте А. П. Панфилове] // Советская Татария. – 1978. – 25 мая.

Сведения об авторе: Салахияев Рафик Рашитович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, г. Казань, e-mail: rafikrs@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена биографии историка, журналиста, кандидата исторических наук Леонида Ивановича Ханина.

Ключевые слова: Ханин Леонид Иванович, биография, Республика Татарстан, Герой Советского Союза, Великая Отечественная война.

Abstract. The article is devoted to the biography of the historian, journalist, candidate of historical sciences Leonid Ivanovich Khanin.

Key words: Leonid Ivanovich Khanin, biography, Republic of Tatarstan, Hero of the Soviet Union, Great Patriotic War.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ханин Л. Герои Советского Союза – сыны Татарии. – Казань, 1963. – 680 с.
- 2 Книга Героев = Батырлар китабы / Сост. М. В. Черепанов, Е. В. Панов. – Казань, 2022. – С. 5–7.
- 3 Смирнов Р. Страницы стойкости, отваги, мужества // Коммунист Татарии. – 1965. – № 5. – С. 63–64; Айнетдинов А. Батырлар эзеннән // Казан утлары. – 1974. – № 2. – С. 161.
- 4 Смирнов Р. Страницы стойкости, отваги, мужества // Коммунист Татарии. – 1965. – № 5. – С. 63–64.
- 5 Климов И., Литвин А., Пшеничный С. Книга о героях-земляках // Советская Татария. – 1963. – 21 авг.

- 6 Ханин Л. Советлар Союзы Геройлары – Татарстан уллары. – Казан, 1966. – 640 б.
- 7 Государственная информационная система «Память народа» Министерства обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 01.02.2023 г.).
- 8 Личное дело студента Л.И. Ханина. 07.08.1939–19.07.1944. Л. 2 // Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Научно-библиографический отдел; Дело заведующего отделом истории советского периода Ханина Леонида Ивановича. 1950–1957 гг. // Национальный музей Республики Татарстан. Ф. Р-2021. Оп. 1 л.д. Ед. хр. 597. Л. 14.
- 9 Личное дело студента Л.И. Ханина. 07.08.1939–19.07.1944. Л. 3–5 // Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Научно-библиографический отдел.
- 10 Учитель учителей: сборник воспоминаний, документов и материалов памяти Николая Петровича Мунькова / Под ред. Г.М. Мустафиной, Р.Ш. Нигматуллина, О.В. Синицына. – Казань, 2016. – С. 74, 139.
- 11 Личное дело студента Л.И. Ханина. 07.08.1939–19.07.1944. Л. 12 // Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Научно-библиографический отдел.
- 12 Ханин Леонид Иванович. О приеме из кандидата в члены ВКП(б). Советский районный комитет КПСС г. Казань. 01.01.1944–31.12.1944 // Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-1346. Оп. 2л. Д. 6545. 6 л.
- 13 Ханин Леонид Иванович. Казанская высшая партийная школа при Татарском обкоме КПСС. 01.01.1944–31.12.1946 // ГА РТ. Ф. П-1337. Оп. 1. Д. 3974. Л. 1, 5.
- 14 Секрет успеха. 90-летию «Молодежи Татарстана» посвящается. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/sekret-uspeha> (дата обращения: 01.02.2023 г.).
- 15 Дело заведующего отделом истории советского периода Ханина Леонида Ивановича. 1950–1957 гг. Л. 4 // Национальный музей Республики Татарстан. Ф. Р-2021. Оп. 1 л.д. Ед. хр. 597.
- 16 Там же.
- 17 Архивная справка № 54-а от 24.03.2023 г. ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет».
- 18 К 85-летию газеты «Технологический университет» // Технологический университет. – 2019. – № 10, ноябрь. – С. 7.
- 19 Ханин Л. И. Патриотический подвиг комсомольцев и молодежи Татарии в Великой Отечественной войне Советского Союза: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1966.–290 с.
- 20 Учетная карточка офицера запаса Л.И. Ханина // ГИС «Память народа». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat32521858 (дата обращения: 01.02.2023 г.).

**ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА
«НИЖНЯЯ КАМА» И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО СОЗДАНИЯ
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ ПРИКАМЬЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

Ерегин О. В.

**FEATURES OF THE NATURE OF THE NIZHNYAYA KAMA
NATIONAL PARK AND THE IMPORTANCE
OF ITS CREATION FOR THE PRESERVATION
OF THE LANDSCAPES OF THE KAMA REGION
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Eregin O. V.

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) выполняют 3 основных задачи: сохранить то, что осталось от прошлых эпох – экосистемы, отдельные виды и популяции растений и животных; изучение закономерностей функционирования экосистем и их использование в природно-территориальных комплексах, нарушенных человеком с целью их восстановления; сохранение экологического (газового, водного, генетического) баланса как решающее условие сохранения генофонда¹. В настоящее время ООПТ имеются во всех сельских районах Татарстана, а также в некоторых городах (Казань, Набережные Челны, Менделеевск, Кукмор).

Одной из наиболее крупных по площади в Татарстане охраняемых природных территорий является национальный парк «Нижняя Кама». Большинство национальных парков

России было создано на фоне сформировавшейся системы природных заповедников, выполняющих важнейшие природоохранные функции. Появление данного вида ООПТ было востребовано обществом, когда появилась потребность в эколого-просветительной деятельности и создании условий для регулярного туризма. Национальный парк появился благодаря обращениям неравнодушных защитников природы в вышестоящие органы власти. До этого уникальным лесам, воспетым художником И. И. Шишкиным, грозило полное уничтожение².

Начиная с середины 20 в., большой вклад в организацию национального парка внесли казанские ученые. Профессор В. С. Порфирьев (1909–1990) стоял у истоков экологического образования. Всю жизнь ратовал за создание в Нижнем Прикамье охраняемого участка природо-

ды. Особое значение он придавал сохранению участков южнотаежных темнохвойных лесов, в том числе массива Кзыл-Тау. Много сделал для создания будущего национального парка и профессор В. А. Попов (1910–1980), возглавивший первую в СССР кафедру охраны

природы, созданную в КГУ в 1970 г. Он был одним из исследователей флоры и фауны волжско-камского региона и добивался, чтобы леса, ныне входящие в состав национального парка, приобрели статус охраняемых. В 1960-е и 70-е гг. состояние природы Нижнего Прикамья вызывало все большую озабоченность общественности: в 1963 г. началось строительство Нижнекамской ГЭС, в результате чего 22 тыс. га леса попали в зону затопления; строительство завода «КАМАЗ», начавшееся в 1976 г., также негативным образом сказалось на состоянии окружающей природы. Истребление природных ландшафтов не могло оставить равнодушными широкие круги общественности и всех людей доброй воли нашей республики.

В 1985 г. представители Министерства лесного хозяйства ТАССР министр А. Г. Гаянов, его заместитель А. Г. Гуськов и начальник отдела лесопользования В. И. Гуськов занялись подготовкой проекта об организации национального парка. В этот же период за создание ООПТ выступала группа казанских ученых: доцент кафедры зоологии позвоночных КГУ В. И. Гаранин, заместитель председателя Татарского республиканского общества охраны природы Р. С. Левахина, председатель научно-

технического общества М. М. Гимадеев, археолог, профессор А. Х. Халиков, заведующий кафедрой охраны природы КГУ доцент Ю. С. Котов³. Ученые начали оформлять документы с научным обоснованием на создание парка, затем отправили их в Москву. Высказывалась необходимость поставить на государственную охрану ценные природные ландшафты, памятники природы, истории и культуры, что позволило бы усилить научный и общественный контроль за рациональным использованием ресурсов данного региона. Последний вариант проекта национального парка «Нижняя Кама» был направлен в Минлесхоз РСФСР летом 1988 г. В 1991 г. вышли постановления Советов Министров РФ (11 апреля) и РТ (19 сентября) об образовании национального парка «Нижняя Кама». Ныне он является центром природоохранной, эколого-просветительной и научно-исследовательской деятельности. Главной задачей парка является сохранение и восстановление природно-ландшафтных комплексов северо-востока Татарстана, а также создание условий для организованного отдыха населения (при этом необходимо учитывать, что в близлежащем районе расположена крупная городская агломерация, включающая города Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга с численностью населения почти 1 млн человек и с каждым годом возрастает число туристов⁴.

По режиму охраны территория национального парка подразделяется на несколько участков. Одним из них является зона заповедного

режима (18% общей площади), где не допускается ни хозяйственная, ни рекреационная деятельность; сюда входят часть Большого Бора, памятник природы «Кзыл-Тау» и часть камско-криушинской поймы. Объектами особой охраны являются места, изображенные на полотнах художника И. И. Шишкина. Зона с режимом природного заказника занимает 38% территории парка; здесь допускаются санитарные и противопожарные рубки, имеются экологические тропы для посетителей. Заповедной экологической лесной зоне отведено 13% территории парка, она удалена от основных входов и троп, здесь сохраняется природный ландшафт и создаются условия покоя для животных. Зона регулируемого рекреационного использования занимает 18% площади парка и примыкает к селитебной части гг. Елабуга и Набережные Челны, предназначена для кратковременного отдыха посетителей, проведения спортивных, оздоровительных и культурных мероприятий. Расчетная рекреационная емкость парка до 20 чел./га, в экологической лесной зоне 5 чел./га⁵. На территории парка расположены культурно-исторические и археологические памятники, палеонтологические участки, геологические разрезы. Разработаны сухопутные, водные и комбинированные маршруты для посетителей.

Главное отличие национального парка от заповедника заключается в том, что заповедник не предполагает никакого вмешательства человека на своей территории, а национальный парк открыт для посещения;

вся территория национального парка покрыта густой сетью дорог и тропинок⁶. Пользоваться дарами леса (грибами, ягодами) в национальном парке, в отличие от заповедника, не запрещается. Посетители не должны нарушать покой обитателей тех мест, не вредить природе (не разжигать костры, не рубить и не ломать деревья, не заезжать на автомобиле и не мусорить). Национальный парк испытывает на себе сильное антропогенное воздействие – к его границам почти вплотную примыкают крупные промышленные города: Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга, Менделеевск с общей численностью населения около 1 млн человек. Территорию парка пересекают автомобильные шоссе, железная дорога «Набережные Челны – Агрыз», линии электропередачи, газонефтепроводы. «Нижняя Кама» является гарантом экологической стабильности всего Прикамского региона; данный национальный парк является особо охраняемой природной территорией федерального значения.

Когда парк проектировался, предполагалось, что он будет выполнять не только функции ООПТ, но и станет новым, очень необходимым республике научным природоохранным учреждением. Здесь сохранились уникальные уголки природы, он расположен на стыке широколиственных лесов и тайги, которые к югу постепенно переходят в лесостепь. Участки суши чередуются с реками, озерами, островами, что придает ландшафту национального парка большое разнообразие.

Здесь обитают редкие виды растений и животных, в том числе занесенные в Красные книги РТ, РФ и Международную. Здесь жили и творили знаменитые русские художники И. И. Шишкин, К. Ф. Гун, В. П. Верещагин, изображавшие природу на своих полотнах.

До XVII–XVIII вв. эти края были покрыты дремучими лесами, но с ростом промышленного производства началось их активное истребление. Леса сводились под пашню и сенокос, а также для заготовки корабельного, строевого и поделочного материалов. Особенно варварским и бесконтрольным было сожжение леса на золу для получения поташа и шадрика. Сыграли свою губительную роль и пожары, к которым сосновые леса особенно уязвимы. Лишь в начале XX в. усилиями уездного земства были созданы специальные лесопитомники, где выращивался посадочный материал⁷. Это позволило несколько улучшить ситуацию с восстановлением лесов. Однако в целом ситуация была далека от благополучной: в Мензелинском уезде за 2-ю половину XIX в. площадь лесов сократилась почти втрое, а в нынешнем Тукаевском районе лесистость составляет лишь 12%. Из-за отсутствия лесов начали наблюдаться негативные изменения в природе: резкие перепады температуры от тепла к холоду и наоборот; появились суховеи, иссушающие почву до растрескивания; продолжительные засухи стали сменяться проливными дождями, нередко с градом; обмелели и пересохла многие малые реки и ручьи, из-за чего пейзаж начал напо-

минать пустыню. В течение многих веков природа обеспечивала людей всем необходимым, предоставляя им свои ресурсы. Люди, пользуясь дарами природы, не всегда отвечали ей благодарностью, поступали порой бездушно и безнравственно. Природа же, как-бы предупреждая и предостерегая человека, все чаще демонстрировала ему силу своей стихии. В XXI в. стихийные бедствия и аномальные погодные явления стали происходить чаще: зимой участились оттепели с дождями, летом возросло число дней с температурой выше 30 градусов, жара часто стала сменяться холодом и ураганным ветром. Так, во время урагана вечером 8 июля 2008 г. на территории национального парка сильно пострадал заповедный участок (но здесь все должно оставаться без вмешательства человека, поваленные деревья убирать не будут).

Одним из самых живописных уголков, с которого открывается вид на Каму, Елабугу и пойменные луга, является урочище Красная Горка в Танаевском лесу. Название происходит, вероятно, от красноцветных глин и песчаников – отложений пермского периода, выходящих на поверхность на данном участке камского правобережья. До строительства гидроузлов на Волге и Каме Нижнее Прикамье славилось богатыми пойменными лугами, простиравшимися на десятки километров⁸. Но после заполнения Куйбышевского водохранилища в 1957 г. большая часть лугов ушла под воду. Танайские и елабужские пойменные луга сохранились, так как расположены

выше линии выклинивания подпора водохранилища. Растительный мир лугов богат и разнообразен: 300 видов травянистых растений, в том числе редкие (кубышка желтая, горчавка, кровохлебка, ирисы). На пойменных озерах гнездятся цапли, журавли, гуси, утки, чайки, неясыти серая и длиннохвостая, сычи мохноногий и воробьиный, филин, болотная сова, крачки, чомги; на лесных опушках обитает орлан-белохвост⁹. Все виды сов, встречающихся на территории национального парка, занесены в Красную книгу РТ. Иногда в зимнее время на территорию национального парка залетает белая полярная сова, эта птица мигрирует из тундры в годы низкой численности леммингов – ее основной пищи. Также зимой прилетает неясыть бородатая. Филин, еще в 1960-е гг. встречавшийся во всех крупных лесных массивах республики, стал обитать не повсеместно и стал редок и «Нижней Каме». Более редок стал и журавль серый, обитающий в камской пойме. Причиной сокращения численности этой птицы в республике являются засыпка под городскую застройку мест его обитания, осушение болот, применение ядохимикатов в сельском хозяйстве.

Ближайшим к Елабуге участком национального парка является Танайский бор, примыкающий к западной границе города. Лесной массив произрастает на возвышенном правом коренном берегу Камы, его площадь 1 тыс. га¹⁰. С юга и юго-запада лес соседствует с камской поймой, также входящей в состав национального парка. До национа-

лизации леса в 1921 г. он находился в пользовании крестьян с. Танайка и окрестных деревень, площадь его составляла 548 га. Основные работы по восстановлению лесного массива начались в 1940 г. под руководством лесничего елабужского лесничества Н. П. Алентьева (1916–2004). Поверхность территории Танаевского леса сложена, в основном, песчаником, в связи с чем здесь распространены песчаные подзолистые почвы, а доминирующей древесной породой является сосна. Встречается несколько типов соснового леса. Наиболее распространены сосняки костяничные, фрагментами встречаются сосняки-зеленомошники. К западинам приурочены сосняки-черничники. Во многих местах в сосновом бору присутствует папоротник орляк. На участках, подвергающихся в той или иной мере вытаптыванию, произрастают сосняки травяные. В местах с более плодородной почвой к сосне примешиваются лиственные деревья и кустарники. Местами разрастается рудеральное дерево – клен ясенелистный (американский). По территории Танайского леса проходит несколько оврагов и логов, в некоторых из которых имеются выходы подземных вод (родники). Правый береговой склон Камы, обращенный на юг, местами остепнен. На вершинах крутых склонов встречаются выходы известняка казанского яруса, имеющего морское происхождение; в ходе абразивных и эрозионных процессов от пластов иногда откалываются крупные глыбы и скатываются к реке. Ниже залегают красноцветы уфимского яруса, образованные в континентальных

условиях. Весь Танаевский лес относится к рекреационной зоне.

Восточнее Елабуги, на правобережье реки Тойма расположен Малый Бор, участок соснового леса площадью 1,2 тыс. га¹¹. Наибольшую площадь в нем занимают сосняки травяные с подлеском из лиственных пород, сохранились участки сосняков-зеленомошников. На южной опушке леса сформировался степной ландшафт. Почти вся территория Малого Бора отнесена к охраняемой зоне и используется для развития экологического туризма. По лесному массиву проложены экологические тропы, вдоль которых установлены информационные аншлаги, знакомящие посетителей с природными и историческими достопримечательностями. Одна из таких троп приводит к Святому ключу Пантелеймона-Целителя, расположенному у подножия камской надпойменной террасы. Вблизи источника расположено крупное болото, из которого до середины 20 в. добывался торф; ныне котловины бывших торфоразработок заполнились водой и превратились в озера. Еще одной достопримечательностью Малого Бора является фрагмент вымощенной булыжной мостовой, пересекающей лес с запада на восток. Известняк, шедший на укладку дороги, добывался в местных карьерах. Дорога названа Екатерининской и существует легенда, что по ней в карете ездил императрица Екатерина II. Сотрудники национального парка установили вдоль дороги черно-белые столбы, придав ей вид старинного почтового тракта.

Восточнее Малого Бора, за рекой Тойма, расположен еще один лесной массив – Большой Бор, являющийся наиболее крупным лесным массивом национального парка «Нижняя Кама». Его площадь превышает 6,5 тыс. га¹². Расположен в междуречье Камы и ее правого притока Тоймы. На севере лес занимает коренной берег Камы, юго-западная часть бора занимает комплекс надпойменных террас Камы. Разнообразие рельефа и ландшафта определяет неоднородные типы растительных сообществ. Северная, наиболее возвышенная часть Большого Бора, характеризуется наиболее плодородными почвами, сформировавшимися на глинистых и суглинистых отложениях пермского периода. Здесь произрастают темнохвойно-широколиственные леса, ель и пихта лучше всего сохранились в труднодоступных логах, выходящих к Каме. Этот участок Большого Бора еще в 1972 г. получил статус памятника природы ТАССР, а в составе национального парка отнесен к заповедной зоне. Основу древостоя здесь составляет липа, но в прошлом здесь доминировала пихта; в настоящее время участие ее в древостое сильно сократилось, но в логах, где достаточная влажность воздуха и почвы, она продолжает возобновляться. На крутых склонах, спускающихся к Каме, произрастает сосна, образуя «горные сосняки». В пределах Большого Бора в отложениях Казанского яруса встречаются остатки древней флоры и фауны не только морской, но и сухопутной, а также окаменелости и отпечатки. В окрестностях пос. Тарловка были обнаружены

фрагменты древних плаунов, папоротников, гингковых и хвойных. Наибольший вклад в изучение данной флоры внесла палеоботаник, профессор КГУ, автор монографии «Флора Казанского яруса Прикамья» Н. К. Есаулова (1948–2003). В Тарловке до революции 1917 г. функционировала кумысолечебница, построенная елабужскими благотворителями купцами Стахеевыми. Здесь содержали дойных кобылиц. В советское время кумысолечебница преобразована в противотуберкулезный санаторий. Во время войны здесь был госпиталь для тяжелораненых фронтовиков¹³.

Кроме склонов коренного берега Камы, сосна входит в состав древесной растительности ее надпойменных террас, сложенных песками и супесями. В юго-западной части лесного массива высоты местности снижаются, мощность песчаных отложений увеличивается, плодородие почв снижается участие сосны в древостое возрастает. Сосняки сложные с елью, пихтой и широколиственными породами переходят в сосняки кустарниково-мшистые, затем – в зеленомошные черничные и брусничные. Песчаные дюны вдоль камской поймы покрыты чистыми лишайниковыми борами¹⁴. Многие исходные типы лесных сообществ сильно пострадали после крупного пожара 1921 г., а также во время интенсивных рубок в 1960-е гг. и с началом добычи нефти в данном регионе. В годы Великой Отечественной войны и после нее к лесозаготовкам в Большом Бору привлекались в том числе немецкие

и японские военнопленные. В результате рубок в лесном массиве получили распространение вторичные мелколиственные породы – береза и осина, из широколиственных – липа, при этом участие темнохвойных пород резко сократилось. Но, несмотря на это, Большой Бор остается одним из самых богатых по типам растительности лесным массивом Татарстана.

Травяной покров Большого Бора составляют как таежные, так и дубравные виды. На склонах песчаных дюн, обращенных на юг, преобладает лесостепной ландшафт. В лесу распространен ландыш майский. Во влажных логах, где в древостое преобладает пихта, произрастают выходцы с востока: воронец красноплодный, цицербита уральская, лютик Гмелина, ежеголовник сученный, папоротник диплазиум сибирский. Разнообразен животный мир Большого Бора, его основу составляют виды сосновых лесов. Из млекопитающих здесь обычны лось, косуля, кабан, лисица, барсук, бурозубки, полевка рыжая, мышь уральская, летучие мыши. Из птиц наиболее многочисленны зяблик, конек лесной, пеночки трещотка и теньковка, овсянка, славки садовая и черноголовая, мухоловка серая, синица большая, гаичка, поползень, стрижи, большой пестрый дятел; из дневных хищников встречаются чеглок, сарыч и коршун черный, из ночных – длиннохвостая неясыть. Из пресмыкающихся встречается змея медянка, занесенная в Красную книгу РТ; из амфибий для сосновых лесов характерна чесночница. Раз-

нообразен мир насекомых, особенно обитателей сосновых лесов.

На левобережье Камы, примыкая с северо-востока к г. Набережные Челны, раскинулся наиболее крупный лесной массив национального парка – Боровецкий лес. Его площадь 9,5 тыс. га¹⁵. Название происходит от с. Боровецкое (ныне в черте г. Набережные Челны). До заполнения Нижнекамского водохранилища лес покрывал и низкую надпойменную террасу Камы, ныне оказавшуюся в зоне затопления. Протяженность береговой линии лесного массива превышает 30 км. До революции 1917 г. Боровецкий лес являлся лесной дачей с выделенными участками для крестьян ближайших деревень. Западная часть лесного массива использовалась для нужд кораблестроения и называлась «Шильнинская роща», из древесины строили фрегаты, бриги и корветы. Ее охранный статус просуществовал до начала 20 в., несмотря на то, что время деревянного флота уже прошло. Особенность Боровецкого леса в том, что это единственное в Татарстане место, где ель и пихта, перейдя на левый берег Камы, сформировали таежные сообщества в непосредственном соседстве с лесостепью. Однако, этот «переход» был не «добровольным»: вероятно, первоначально русло Камы огибало лесной массив с юга, а затем река проложила себе новое русло севернее леса, а старое русло покинула и оно было постепенно занесено¹⁶. Так темнохвойный участок леса со свойственной ему флорой и фауной оказался на камском левобережье. С песчаными

почвами связаны сосняки, на супесях и суглинках пониженных участков произрастают ель и пихта. Лесной массив «Кзыл-Тау» одним из первых включен в список памятников природы РТ, который в 1972 г. подготовил профессор В. А. Попов (1910–1980), организатор кафедры охраны природы КГУ. «Кзыл-Тау» включает 11 наиболее хорошо сохранившихся кварталов Боровецкого леса, главное предназначение данной охраняемой природной территории – сохранить оставшиеся фрагменты мшистых ельников и пихтарников. С организацией национального парка при разделении его на функциональные зоны с различным режимом охраны: территория памятника природы получила статус заповедной зоны, а окружающие ее кварталы – статус охраняемой зоны. Флора и фауна Боровецкого леса не менее богаты, чем Большого Бора. Присутствуют виды растений и животных, характерных для Урала и Сибири. Весной до распускания почек на деревьях цветут весенние эфимероиды – хохлатки и ветреницы, в том числе ветреница алтайская, характерная для Урала и Сибири. Соседство с полумиллионным городом Набережные Челны приводит к высокой антропогенной нагрузке, здесь много баз отдыха, детских лагерей, садоводческих обществ, остро стоит вопрос об организации экологических троп. Для решения экологических проблем необходима поддержка всего общества.

Особо ценным природным объектом на территории национального парка являются пойменные и заливные луга Камы. Они представле-

ны двумя участками: Елабужские (3 тыс. га), Танаевские (5 тыс. га)¹⁷. В результате создания Куйбышевского водохранилища, практически все поймы на Волге и Каме ушли под воду и только в самых верховьях, в зоне выклинивания подпора (от Елабуги до плотины Нижнекамской ГЭС), участки с пойменным ландшафтом сохранились. В прошлом большая часть была покрыта зарослями ивняка и ольшаника, луга появились после их вырубки за счет сенокосения и выпаса скота. Заливные луга играли большую роль в экономике царской России. Луга давали высококачественное сено – продукт, на котором держалось сельскохозяйственное производство. В зависимости от продолжительности затопления во время весеннего половодья и мощности отлагаемого ила в камской пойме, в пределах национального парка выделяются 3 основные зоны. Вдоль уреза вода протянулась узкая полоса песчаного бичевника, за которой следует уступ и подъем в прирусловую зону поймы, сложенную тяжелыми песчаными наносами. Здесь произрастает белокопытник и некоторые однолетние злаки. Песчаные гривы заняты ивами. Среднюю зону поймы занимают заросли тополя черного (осокорники), а еще дальше от реки произрастают ольшаники и вязники. Граница между прирусловой и центральной зонами поймы хорошо выражена в рельефе – они разделены глубокой впадиной, на склонах которой местами произрастают кусты шиповника. Центральная зона поймы характеризуется более продол-

жительным периодом затопления и плодородными иловатыми почвами. Рельеф ее сглаженный, местами здесь встречаются фрагменты пойменных дубрав, но большая часть ее покрыта заливными лугами, в которых преобладают лисохвост, таволга, солонечник, другое разнотравье. В центральной части поймы сосредоточено большинство озер-стариц.

Третья зона приурочена к притеррасному понижению поймы. Гидрологические условия в данной зоне определяются не столько весенними разливами, сколько водными стоками с прилегающей надпойменной террасы. Здесь близко залегают грунтовые воды. На данной территории произрастают ольшаники, открытые пониженные участки заняты осоковыми лугами и травяными осоковыми болотами. Сочетание в пойме наземных и водных обитателей обуславливает разнообразие фауны насекомых, рыб и птиц. В озерах-старицах ихтиофауну представляют линь, карась золотой, верховка, вьюн. Весной в период нереста на затопленных мелководьях поймы мечут икру многие виды рыб из Камы. С рекой и прибрежной зоной связано много околводных животных: земноводные – жерлянка, озерная и прудовая лягушки; пресмыкающиеся – уж; птицы – поганки, лебеди, утки, пастушковые, чайки, крачки, выпи, цапля серая, лунь болотный; млекопитающие: водяная полевка, ондатра, бобр, норка американская, енотовидная собака, летучие мыши. На заболоченных лугах и в тростниковых зарослях встречаются коростель, кулики, варакушка, сверчки,

камышевка. На покрытых лесом участках поймы гнездятся коршун черный, жулан, иволги, славки, дрозды, горихвостка, соловей; обитают полевка рыжая и мышь уральская, встречаются кабаны, лисицы¹⁸. Камская пойма служит местом остановки водоплавающих и околоводных птиц во время их сезонных миграций.

Национальные парки, как и другие охраняемые природные территории, выполняют важную природоохранную функцию, а также ведут эколого-просветительную работу среди населения. В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», который значительно расширил полномочия национальных парков, повысил их статус: территории данных объектов являются федеральной

собственностью и находятся в ведении федеральных органов государственной власти. Широкими полномочиями наделены государственные инспекторы по охране парка.

В 2021 г. национальный парк «Нижняя Кама» отметил 30-летие со дня основания. Сотрудники парка проводят большую работу по экологическому образованию и воспитанию школьников и студентов, осуществляют научно-исследовательскую деятельность, организуют туристические экскурсии. Создание в Татарстане первого (и пока единственного) национального парка позволило сохранить уникальный уголок природы на северо-востоке республики, имеющий не только республиканское, но и всероссийское значение.

Сведения об авторе: Ерегин Олег Викторович, научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: oeregib66@mail.ru.

Аннотация. В статье приводится описание природных ландшафтов на различных участках национального парка «Нижняя Кама», рассмотрены основные этапы его организации и роль лесной растительности в поддержании экологического баланса Прикамья Татарстана.

Ключевые слова: национальный парк, особо охраняемая природная территория, Прикамье, ландшафт, лес, растительность, фауна, флора, природные ресурсы, экосистема, популяция, антропогенное воздействие.

Abstract. The article provides a description of natural landscapes in various parts of the Nizhnyaya Kama National Park, considers the main stages of its organization and the role of forest vegetation in maintaining the ecological balance of the Kama region of Tatarstan.

Key words: national park, specially protected natural area, Prikamye, landscape, forest, vegetation, fauna, flora, natural resources, ecosystem, population, anthropogenic impact.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Зеленая книга Республики Татарстан. – Казань, 1993. – С. 82.
- 2 Сафина С. А. Национальный парк «Нижняя Кама». – Елабуга, 2003. – С. 25.
- 3 Зеленая книга Республики Татарстан. – Казань, 1993. – С. 27.
- 4 Там же. – С. 88.
- 5 Там же. – С. 89.

- 6 Карташова Л. Б. Места заповедные. – Казань, 2007. – С. 67.
- 7 Там же. – С. 68.
- 8 Там же. – С. 76.
- 9 Там же. – С. 79.
- 10 Бакин О. В., Бекмансуров Р. Х. Национальный парк «Нижняя Кама»: природное и историко-культурное наследие. – Казань, 2021. – С. 12.
- 11 Там же. – С. 37.
- 12 Там же. – С. 51.
- 13 Там же. – С. 54.
- 14 Там же. – С. 55.
- 15 Там же. – С. 67.
- 16 Там же. – С. 70.
- 17 Там же. – С. 79.
- 18 Там же. – С. 88.

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА В.П. БАРАБАНОВА

Суслов А. Ю., доктор исторических наук

ANNIVERSARY OF PROFESSOR V.P. BARABANOV

Suslov A. Yu.

27 июля 2023 г. исполняется 90 лет известному российскому ученому, профессору, доктору химических наук, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, заслуженному деятелю науки Российской Федерации и Республики Татарстан, заслуженному профессору Казанского национального исследовательского технологического университета Вильяму Петровичу Барабанову.

Жизни и деятельности В. П. Барабанова посвящен целый ряд публикаций как энциклопедического и справочного характера¹, так и специальных работ². Отдельно издана библиография ученого³.

Вильям Петрович Барабанов родился 27 июня 1933 г. в г. Ленинграде. В 1941 г. в возрасте 7 лет его приняли сразу в третий класс средней школы, но война внесла свои коррективы, и 25 июня 1942 г. он был эвакуирован с детским домом через Ладогу в Пензенскую область. В 1945 г. началась трудовая деятельность Вильяма Барабанова – 12-летним подростком он поступил на Симферопольский завод шлифовальщиком стекол. В 1946 г. состоялся переезд в Казань, город юности его

отца – Петра Петровича Барабанова (1899–1987), представителя казанской купеческой старообрядческой династии, имя которого есть в списке первого выпуска химического факультета политехнического института (сегодня в музее истории КНИТУ можно увидеть его диплом инженера-химика).

В 1956 г. В. П. Барабанов с отличием заканчивает технологический факультет КХТИ по специальности «Технология неорганических веществ». С той поры по сей день его трудовая деятельность неразрывно связана с технологическим уни-

*Барабанов Петр Степанович,
дедушка, гласный Казанской
городской Думы (1891–1893 гг.)*

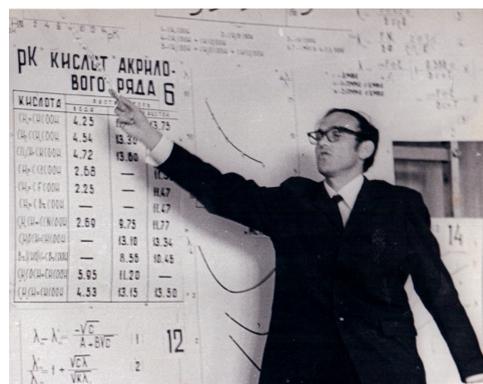
*Барабанова Любовь Александровна,
бабушка*

верситетом – аспирант, ассистент, доцент, профессор, проректор, заведующий кафедрой физической и коллоидной химии, советник при ректорате.

Оценивая научную деятельность В. П. Барабанова, надо отметить, что его труды отличаются не только всесторонней теоретической выверенностью, но и максимальной приближенностью к практике. В целом им опубликовано более 900 научных и научно-методических работ. Под руководством Вильяма Петровича, в тесном содружестве с отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями и предприятиями Татарстана, выполнен ряд важных исследований, направленных на решение актуальных научно-технических проблем промышленности. Он автор трудов в области электрохимии неводных и водных растворов полимерных электролитов, по разработке научных основ их практического применения в народном хозяйстве. Выполнил цикл работ по изучению процессов ионных взаимодействий в неводных растворах. Развил

представления о характере межчастичных образований в растворе с учетом их химической природы. Предложил схему ионизации полимера как многостадийного процесса, разработал метод электроосаждения полимеров на сложнопрофильные металлические поверхности из органических и водно-органических сред, а также композиции на основе акриловых, эпоксидных, пиридиневых, фторсодержащих и амидных полимеров для получения антикоррозионных электроизоляционных, высокотермостойких покрытий, внедренных на предприятиях машиностроения. Барабанов – руководитель работ по физико-химическому обоснованию применения водорастворимых полиэлектролитов и их комплексов для создания водоограничительных материалов с целью повышения нефтеотдачи пласта. Положил начало научному направлению по разработке физико-химических основ взаимодействия высокомолекулярных соединений с клетками микроорганизмов для создания экологически чистых интенсивных процессов в биотехнологии с использованием полиэлектролитов и их комплексов. Обосновал промышленное использование полиэлектролитов в качестве комплексообразователей, флокулянтов, пленкообразователей. Разработал технологии очистки сточных вод, газовых выбросов, резкого снижения процессов пылеобразования. В этом плане весьма успешным оказалось сотрудничество с ОАО «Тасма», АО «Мелита», Казанским мясокомбинатом, «Пестречинской птицефабрикой».

За серьезный вклад в развитие фундаментальной науки и внедрение полученных научных результатов в реальное производство профессору В. П. Барабанову в 1978 г. было присвоено звание Заслуженный деятель науки и техники ТАССР, в 1979 г. – Почетный химик СССР, а 1991 г. – Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации. Он долго являлся председателем Республиканского химического общества им. Д. И. Менделеева (в 1988–2016 гг., почетный председатель с 2016 г.). В. П. Барабанову удавалось успешно совмещать научную, общественную и политическую деятельность. Он избирался народным депутатом Вахитовского районного совета г. Казани (1974–1988 гг.). Существенный вклад в жизнь КХТИ был внесен В. П. Барабановым в годы его пребывания в должности проректора по учебной (1974–1984 гг.) и научной (1984–1989 гг.) работе.

Научная работа В. П. Барабанова вплетена в канву педагогической деятельности. В лекциях по физической и коллоидной химии, фундаментальные основы которой зиждятся на высочайшем профессиональном уровне, отражены достижения современной науки.

Ключевую теоретико-методологическую задачу подготовки социально востребованных, профессионально компетентных и легко адаптируемых специалистов он видит в создании концепции химического образования, которое формирует творческое химическое мышление – главный ориентир деятельности. Разработанные им с соавторами подходы к методике химико-технологического образования сформулированы в многочисленных научных статьях, учебных программах, докладах на международных конференциях по инженерному образованию.

Вильям Петрович уделяет много внимания истории родного вуза и химической школы в Казани. Об этом свидетельствуют неоднократные выступления с докладами на конференциях, юбилейных заседаниях, публикации в печати. При его активном участии выпущены книги «КХТИ – вчера, сегодня, завтра»⁴, «Профессора, доктора наук», «Выпускники – гордость технологического университета», «Переломное десятилетие»⁵, «Технологический университет – родному Татарстану: 1920–2020»⁶ и целый ряд других. Под руководством В. П. Барабанова опубликованы сборники очерков о П. А. Кирпичникове, Г. Х. Мухаметзянове, библиографические материалы о Г. Х. Камае и ряд статей в периодике. Поэтому естественно то, что он является председателем

Совета КНИТУ по историко-мемориальной деятельности.

С большим вниманием Вильям Петрович относится к подготовке научных кадров. Под его руководством выполнено более 50 кандидатских и докторских диссертаций. С 1975 г. Вильям Петрович является председателем докторского диссертационного совета по физической, неорганической и электрохимии.

Благодаря огромной эрудиции, широте взглядов, таланту организатора Вильям Петрович заслуженно снискал большой авторитет в кругах химической общественности. В январе 1992 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук Республики Татарстан.

Большой вклад В. П. Барабанова в развитие науки и высшего образования, в подготовку высококвалифицированных специалистов отмечен правительственными наградами. Он награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», орденом Почета, орденом «Дружбы народов», Почетным знаком химического общества им. Д. И. Менделеева, медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», медалью Г. К. Жукова. Дорогим и бережно хранимым является Почетный знак «Жителю блокадного Ленинграда», который Вильям Петрович надевает два раза в год – 25 января в день прорыва блокады города-героя и 9 мая – в День Победы.

Сведения об авторе: Сулов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета; ведущий научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: plusha131333@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена биографии ученого, педагога, доктора химических наук, члена-корреспондента Академии наук Республики Татарстан, заслуженного профессора Казанского национального исследовательского технологического университета Вильяма Петровича Барабанова.

Ключевые слова: В. П. Барабанов, биография, Казань, Казанский национальный исследовательский технологический университет.

Abstract. The article is devoted to the biography of the scientist, teacher, Doctor of Chemical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Honored Professor of the Kazan National Research Technological University William Petrovich Barabanov.

Key words: V. P. Barabanov, biography, Kazan, Kazan National Research Technological University.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Татарская энциклопедия: в 6 т. Т. 1: А-В. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – С. 300; Профессора, доктора наук. Политехнический институт – КХТИ – КГТУ – КНИТУ (1919–2020). Краткий биографический справочник. – Казань: КНИТУ, 2020. – С. 30–31; Выпускники – гордость технологического университета. – Казань: КГТУ, 2009. – С. 117; Кто есть кто в российской химии: Справочник. – М.: Рос. хим. об-во им. Д. И. Менделеева, 2001. – С. 17.

2 Сияяшин О. Г., Кочнев А. М. Вильям Петрович Барабанов // Российский химический журнал. – 2001. – Т. 45. – № 2. – С. 95–100; К 80-летию Вильяма Петровича Барабанова // Известия высших учебных заведений. Сер. Химия и химическая технология. – 2013. – Т. 56 (6). – С. 19–20.

3 Заслуженный деятель науки и техники Республики Татарстан и Российской Федерации, член-корреспондент АН Татарстана, доктор химических наук, профессор В. П. Барабанов: биобиблиография. Ч. 1–4. – Казань: КГТУ, 2008–2018.

4 Казанский химико-технологический институт: вчера, сегодня, завтра: в 2 ч. – Казань: КХТИ, 1990.

5 Переломное десятилетие. Казанский государственный технологический университет (1991–2000): Исторический очерк. – Казань: КГТУ, 2000. – 224 с.

6 Барабанов В. П., Коршунова О. Н., Суслов А. Ю. Технологический университет – родному Татарстану: 1920–2020. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2020. – 160 с.

КОНФЛИКТОМЕТРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОВ (ПРИМЕР ПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Князьханов Б. Р.

CONFLICTOMETRY AS A TOOL FOR MEASURING INTERETHNIC TENSION AND CONFLICTS (AN EXAMPLE OF APPLICATION IN THE CONDITIONS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Knyazkhanov B. R.

Включенные в систему раннего предупреждения конфликтов количественные методы измерения различных аспектов межгруппового взаимодействия этносов значительно дополняют современную этническую социологию, позволяя раскрывать многие малоизученные стороны вопроса. Большое число статистических данных, полученных в результате измерений сфер современной общественной жизни, куда включены в том числе и этнические группы, позволяют наблюдать и изучать различные комбинации их взаимосвязей. Явным преимуществом количественных методов является их способность к автоматической корреляции полученных данных, значительно дополняющих иные экспертные оценки и умозаключения.

Опираясь на этот метод, к примеру, у научного сообщества, появилась возможность сопоставить данные о межэтнических конфликтах в стра-

нах мира с разным уровнем экономических свобод и выявить некую переменную, которая констатировала бы зависимость развития экономики в стране и состояния межэтнической напряженности. При этом следует отметить, что количественный анализ, т.е. квантификация, каких бы то ни было индикаторов имеет определенную погрешность с точки зрения обоснования причин возникновения этнических конфликтов, и слабо соответствует характеристикам частных случаев, игнорирование которых недопустимо. Однако использование числовых значений позволяет выявлять закономерности в малоизученных направлениях этнических взаимодействий, получать данные статистики в таблицах, более удобных для прочтения и построения графиков и функций.

И здесь становится очевидным, что современной науке необходимы симбиотические методы исследования, позволяющие объединять наи-

более подходящие методики работы с конкретным объектом, рассматривающие его под разным углом. Сегодня мы постоянно наблюдаем, как методы исследования одной науки успешно применяются в других. Так, например, экономическая теория обогатилась за счет эконометрического анализа, социология – за счет социометрии, исторические науки – клиометрики и т.д. Часто методологическая триангуляция опирается на количественные и качественные методы, что позволяет каждому методу независимо подтвердить полученный результат.

Теоретическая и прикладная эконометрика активно использует аппарат математической статистики и более всего нацелена на вероятностное моделирование и количественно-числовой анализ экономических процессов. Социометрия является эффективным инструментом исследования природы и механизмов психологических предпочтений в прогнозировании и предупреждении межличностных конфликтов. В рамках клиометрики и клиодинамики раскрываются проблемы исторического математического моделирования. Применение подобной логики научных измерений представляется полезным с целью выработки симбиотических методик анализа рассматриваемых явлений.

Современная конфликтология также испытывает потребность в подобного рода «приобретениях», тем более что статистические и математические методы довольно активно используются исследователями конфликта во всем мире. Здесь следует отметить, что эконометрика

и социометрия не могут в полной мере удовлетворить потребности конфликтолога в исследовательском инструментарии, особенно в вопросах прогнозирования и раннего предупреждения межгрупповых конфликтов.

На сегодняшний день остро встает вопрос применения количественных методов и средств математического анализа для достижения задач конфликтологии, особенно в области раннего предупреждения и прогнозирования конфликта, с целью его последующей трансформации и эффективного управления. Для достижения поставленных задач необходимо спровоцировать развитие раздела конфликтологии, нацеленного на разработку и применение количественных методов – конфликтометрии. Необходимость создания подобной системы концепций и методов общей конфликтологической теории обусловлена междисциплинарной природой данной области знания. Возникновение противоречивых взаимоотношений в различных областях общественной жизни значительно расширяет возможности конфликтометрического анализа. Используя математический инструментарий социометрии, эконометрики, клиометрики, психометрики и биохевиоральной политологии, исследователь-конфликтолог смещает акцент указанных дисциплин в область специфических взаимоотношений, определяющих область интересов конфликтологии.

Допустимо предположение, что любые доступные математико-статистические измерения социальных явлений для более полного

и детального описания конфликта можно отнести к конфликтологии. Целью научного анализа этой области является синтез теоретических конструкций и прикладных методов математической статистики, как количественное выражение качественных закономерностей в рамках социологической теории. К теоретическим универсальным инструментам конфликтологии, позволяющим выстраивать рабочие модели, следует отнести двумерный и факторный анализ, метод исчисления коэффициента корреляции между переменными, вариационный статистический анализ, теорию цепей Маркова, дисперсионный, шкалограммный анализ и моделирование. С практической точки зрения наиболее востребованы кросс-культурные исследования, социометрические таблицы и тесты, анализ кросстабуляций, методики измерения дистанцированности, культурных различий и ценностных ориентаций.

Эффективным способом измерения конфликта являются коэффициенты и индексы различной направленности, активно используемые в конфликтологическом мониторинге. Прогнозирование межэтнических конфликтов активно пользуется достижениями западной и отечественной конфликтологии в вопросе построения групповых аналитических индексов. Различные аспекты межгруппового взаимодействия этносов в контексте предупреждения вероятности возникновения конфликтов в различные периоды рассматривали советские ученые, в частности советский этнограф Б. М. Эккель. В основе работ

исследователя индекс мозаичности национального состава регионов СССР и измерения межнациональных контактов этнических групп¹. Индекс мозаичности позволяет оценить, в каком из регионов в большей степени увеличилась или уменьшилась пестрота этнического состава, указывая на количественную характеристику этих изменений. Позже индекс был доработан профессором К(П)ФУ Я. З. Гариповым, предложившим дополнительные измерения межэтнического взаимодействия, выраженные в индексах чистоты этнического состава и активного межэтнического общения².

В основе исследований западных ученых лежат теории этнокультурной фрагментированности. Оригинальные индексы под разными углами рассматривают этнокультурные явления: лингвистическое разнообразие (Д. Гринберг), культурная фракционализация (А. Алесина, Д. Фирон), этногрупповая поляризованность (Эстебан-Рей, Вольфсон), периферическая гетерогенность (Десмет-Вебер). Расчеты указанных индексов выявляют особенности существования обществ с доминирующим и языками меньшинств, отражая не только периферическую фракционализацию-многообразие, но и периферическую поляризацию-дистанцию.

Количественный анализ с использованием методов прикладной конфликтологии репрезентует ряд нетривиальных закономерностей о связи поляризации с языковой дистанцией, как определяющей переменной в измерении межгруппового отчуждения, влияющего на вероятность

возникновения конфликта между центром и регионами в вопросе бюджетоформирования и распределения ресурсов. При использовании лингвистических расстояний в измерениях фракционализации и поляризации раскрывает специфику влияния показателей на такие экономические переменные, как рост, качество государственного управления или степень децентрализации. В целом указывает на утилитарность количественных подходов, учитывающих межгрупповые расстояния, как способных к объяснению последствий неоднородности и прочих связанных с гетерогенностью общественных, этноконфликтных и социокультурных явлений.

Весьма эффективным и с научной точки зрения полезным представляется использование конфликтометрических методов в системе раннего предупреждения конфликтов в этнотитульных республиках РФ. Особую актуальность приобретают подобные исследования для регионов со сложной полиэтнической и многоконфессиональной структурой, таких как Республика Татарстан.

Регион с начала 1990-х гг. находится в зоне пристального внимания этноконфликтологического мониторинга известного российского эксперта профессора Л. В. Дробижевой, сети этнологического мониторинга В. А. Тишкова, а также Центра изучения национальных конфликтов и федерального информационного агентства «Клуб регионов».

Исследования группы Л. В. Дробижевой, проводимые в рамках реализации проекта «Посткоммунистический национализм, этниче-

ская идентичность и регулирование конфликтов» проводились с использованием исторического метода, экспертных интервью и методов кросс-культурного сравнения³.

Предложенная сетью этномониторинга В. А. Тишкова модель рассматривает конфликт, основанный на культурных различиях этносов, как контекстный процесс в динамике. Сеть EAWARN исследует структурные фоновые индикаторы, триггеры и ускорители в процессе взаимодействия этносов в современном многокультурном российском обществе. Являясь качественным методом исследования этнических конфликтов, московская сеть этномониторинга привлекает большое количество экспертов гуманитарного профиля для сбора и анализа данных о ситуации в регионе. На практике задача эксперта – оценить социально-культурную и политическую ситуацию в регионе на основе дескриптивно-текстуального анализа материалов СМИ, интернет-ресурсов, статистики, опросов населения и экспертов, документов органов власти и проставить оценки по предложенным шкалам. Оценка этнической конфликтности производится по разработанной таблице из 46 условных индикаторов конфликтности. Использование нарративного анализа для выявления уровня конфликтности делает метод московской сети этномониторинга сильно зависимым от субъективных оценок эксперта. В данном случае не используется положительный опыт количественных методов исследования в качестве параллельных проверочных оценок. Мнение же эксперта

зависит от количества полученной достоверной информации, его вовлеченности в процесс межэтнической коммуникации, отношения к власти, финансирования, а также давления со стороны региональных властей.

Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России – совместный проект Центра изучения национальных конфликтов и федерального информационного агентства «Клуб регионов» – основной целью ставит определение общих факторов повышения этнической напряженности и отслеживание динамики изменения межэтнической напряженности в регионах с последующей классификацией и картографированием. В рамках проекта осуществлялся постоянный мониторинг более 50 интернет-ресурсов, в том числе региональных информационных порталов, сайтов прокуратуры субъектов РФ, а также региональных сайтов федеральных СМИ («Аргументы и Факты», «Московский Комсомолец», «Комсомольская Правда»). Значительный интерес представляют отличия в акцентах и точках зрения на одни и те же конфликтные ситуации у объединений трудовых мигрантов и правозащитного центра «Род», а также в группах северокавказской молодежи в социальных сетях и пабликах футбольных фанатов из Центральной России⁴. Большое значение уделяется методу экспертного опроса. В рамках исследования проведен экспертный опрос 69 специалистов федерального и регионального уровня, среди которых ученые, руководители научных институтов и научные сотрудники, руководители и сотрудники правоза-

щитных центров, эксперты по демографии и миграции, представители национально-культурных автономий, бывшие сотрудники правоохранительных органов, представители СМИ, члены общественных советов по проблемам миграции и межэтнических отношений.

Согласно итогам этноконфликтологического мониторинга «Клуба регионов» в Республике Татарстан, за указанный период регион находится в «красной зоне» опасности и имеет ряд основных проблем, провоцирующих этническую напряженность. Среди прочего эксперты выделяют фактическую этнократию, этнолингвистический конфликт в образовательной сфере, экспансию радикального ислама в районах республики, религиозную вражду, татаро-башкирские противоречия, интернет-экстремизм. Общий итог проведенной работы рисует крайне негативный прогноз по региону в целом, вплоть до насильственных сценариев развития межэтнического конфликта.

Представленные результаты этноконфликтологического мониторинга в Республике Татарстан не убедительны и субъективны. Перечисленные этноконфликтные явления свойственны любым регионам так называемой «взбунтовавшейся этничности» с высоким уровнем межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Отнюдь не все частные проявления агрессии и насилия на этнической почве приводят к острым конфликтам. В данном случае необходимо проведение, в том числе, количественных измерений, указывающих на корреляционные

зависимости между явлениями и их последствиями. Конфликтотрические измерения, к примеру, позволяют придавать числовые значения уровню межэтнической напряженности в конкретном регионе при условии изменения тех или иных переменных (этнократии, языковой политики, количества протестных акций, миграционного сальдо и т. п.).

Подводя итог вышесказанному, следует акцентировать внимание на следующих сторонах вопроса:

- субъективизм экспертных исследований межэтнических конфликтов нивелируется за счет конфликтотрических количественных данных, позволяющих дать объективную оценку событиям, предшествующим возникновению конфликта;
- конфликтотрический анализ межэтнического взаимодействия позволяет проследить причинно-следственные связи между частными выводами эксперта и реально существующими триггерами конфликта;
- симбиоз качественных и коли-

чественных методов исследования конфликтов использования повышает прогностическую ценность конфликтотрических исследований.

Междисциплинарные связи современной конфликтологии и использование достижений различных областей научного знания неминуемо приводят к формированию симбиотических методологических подходов к анализу конфликта. Подобного рода исследования в полной мере обладают способностью удовлетворить прогностические требования, предъявляемые к этноконфессиональному мониторингу. Конфликтотрический анализ с использованием формализованных, в том числе математико-статистических, методов измерения позволит дать объективную оценку межэтническим взаимодействиям в регионе, которая ляжет в основу политики раннего предупреждения и прогнозирования межэтнической напряженности и конфликтов.

Сведения об авторе: Князьханов Булат Рашитович, магистрант, ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», e-mail: kniazkhanov@bk.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются прикладные количественные методы, используемые историками, социологами и экономистами, возможность применения числовых математических методов в исследовании феномена межэтнических конфликтных взаимодействий. Выдвинуто предположение об актуальности применения конфликтотриции, как эффективного инструмента для анализа возможных конфликтов и их раннего предупреждения. Проанализированы ранее использованные методы исследования межэтнических конфликтов в Республики Татарстан, продемонстрирован метод конфликтотриции, позволяющий взглянуть на проблему под другим углом.

Ключевые слова: количественные методы исследования, квантификация, раннее предупреждение конфликта, конфликтотриция, корреляционный анализ, этническая фрагментированность, этногрупповая поляризованность.

Abstract. Quantitative methods used today by historians, sociologists and economists, analyzes the possibility of using numerical mathematical methods in the study of the phenomenon of interethnic conflict interactions. The assumption is made about the relevance of the use of conflictometry as an effective tool for the analysis of possible conflicts and their early warning. The previously used methods of studying interethnic conflicts in the Republic

of Tatarstan are analyzed and the method of conflictometry is demonstrated, which allows us to look at the problem from a different angle.

Key words: quantitative research methods, quantification, early warning of conflict, conflictometry, correlation analysis, ethnic fragmentation, ethnogroup polarization.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 33–42.

2 Гарипов Я. З. О методике количественного измерения уровня межэтнического общения // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 194–197.

3 Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: в 3 т. / [под общ. ред. Э. Яна]. – М., 2010.

4 Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна-осень 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (дата обращения: 25.10.2022 г.).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 5.6 (исторические науки), 5.9 (филология), 5.4 (социология). При подаче материала в редакцию вы должны учесть следующие требования:

1. Наличие сопроводительного письма автора на имя главного редактора (отдельным файлом), которое должно содержать просьбу автора о публикации, информацию о том, что текст предлагаемой статьи не направлялся в другие издания и проверен им лично на соблюдение этики научных публикаций.

2. Требования к оформлению публикации. Текст должен быть набран в Microsoft Office Word (редактор Microsoft Office Word 1995 – 2003, не использовать Word 2007, Word 2008, Word 2010) без каких-либо элементов форматирования, переносов, рамок, линеек и др. Шрифт «Times New Roman»; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля – 2,5 см; левое поле – 3 см; правое поле – 1,5 см; отступ (абзац) – 1,5 см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колонтитулами, линейками, рамками, ручными переносами и отступами; исключить лишние пробелы, обязательна проверка орфографии. Ссылки на источники и литературу должны быть конечными, иметь автоматическую нумерацию арабскими цифрами. Они должны содержать ФИО автора работы, название, год и место издания, ссылку на страницы. В том случае, если ссылка на архивный источник, она должна содержать полное наименование архива (без сокращений), номер фонда, описи и листы дела. Текст статьи должен содержать УДК, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Объем аннотации не менее 7-8 и не более 20 предложений. Ключевые слова должны включать 5-8 понятий. Перевод на английский язык с использованием автоматических интернет-переводчиков недопустим.

Общий объем материалов (включая текст статьи, примечания, аннотации и ключевые слова) – от 8 000 знаков с пробелами до 30 000 знаков с пробелами (до 0,8 авторского листа).

Аспиранты и докторанты, при желании, могут в комплекте со статьей присылать в редакцию электронные копии документов (в формате PDF или jpg), подтверждающие закрепление темы, сведения о научном руководителе (консультанте).

Статьи направлять на эл. адрес:

info-ite@mail.ru с пометкой «Научный Татарстан».